СОВРЕМЕННИКЪ,

ЛИТТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

АЛЕКСАНДРОМЪ ПУШКИНЫМЪ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

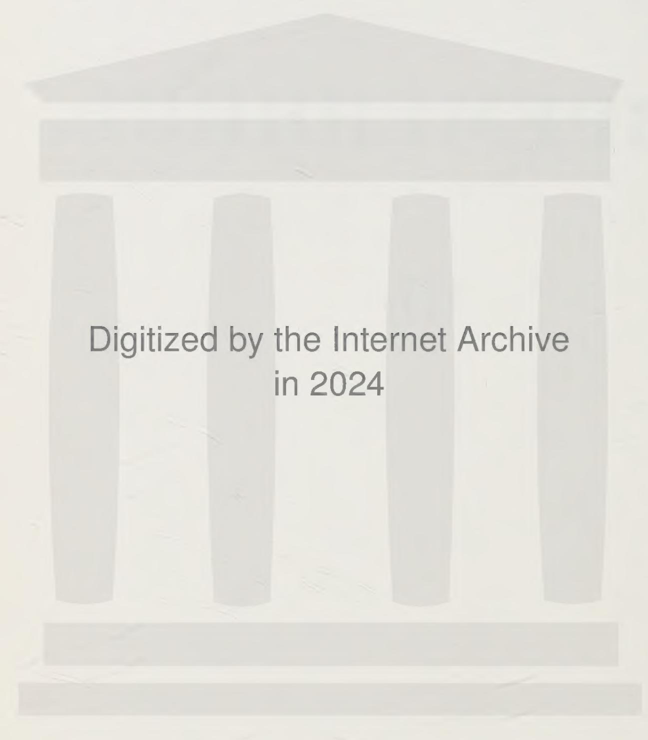
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ГУТТЕНБЕРГОВОЙ ТИПОГРАФІИ.

1836.

СОВРЕМЕННИКЪ.

III.

СОВРЕМЕННИКЪ,

ЛИТТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

АЛЕКСАНДРОМЪ ПУШКИНЫМЪ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ГУТТЕНБЕРГОВОЙ ТИПОГРАФІИ.

1836.

Unveränderter fotomechanischer Nachdruck der Originalausgabe

ZENTRALANTIQUARIAT
DER DEUTSCHEN DEMOKRATISCHEN REPUBLIK
Leipzig 1970

Druck: (52) Nationales Druckhaus VOB National, 1055 Berlin
Ag 509/271/69 – 2069

СОВРЕМЕННИКЪ.

СТИХОТВОРЕНІЯ,

ПРИСЛАННЫЯ ИЗЪ ГЕРМАНІИ.

I.

УТРО ВЪ ГОРАХЪ.

Лазурь небесная смѣется,
Ночной омытая грозой,
И между горъ росисто вьется
Долина свѣтлой полосой.

Лишь высшихъ горъ до половины
Туманы покрываютъ скатъ,
Какъ бы воздушныя руины
Волшебствомъ созданныхъ палатъ.

II.

ВЕСЕННІЯ ВОДЫ.

Еще въ поляхъ бѣлѣетъ снѣгъ, —
И воды ужь весной шумятъ,
Бѣгутъ и будятъ сонный брегъ,
Бѣгутъ, и блещутъ, и гласятъ —

Онѣ гласятъ во всѣ концы;
«Весна идетъ, весна идетъ;
«Мы молодой весны гонцы,
«Она насъ выслала впередъ.»

Весна идетъ, весна идетъ —
И тихихъ, теплыхъ, майскихъ дней
Румяный, свѣтлый хороводъ
Толпится весело за ней! —

III.

СНѢЖНЫЯ ГОРЫ.

Уже полдневная пора
Палитъ отвѣсными лучами, —
И задымилася гора
Съ своими черными лѣсами.

Внизу, какъ зеркало стальное,
Синѣютъ озера струи;
И съ камней, блещущихъ на зноѣ,
Въ родную глубь спѣшатъ ручьи.

И между тѣмъ, какъ полусонный
Нашъ дольній міръ, лишенный силъ,
Проникнутъ нѣгой благовонной,
Во мглѣ полуденной почилъ, —

Горѣ, какъ божества родныя,
Надъ издыхающей землей
Играютъ выси ледяныя
Съ лазурью неба огневой.

IV.

ЦИЦЕРОНЪ.

Ораторъ Римскій говорилъ
Средь бурь гражданскихъ и тревоги:
«Я поздно всталъ — и на дорогѣ
Застигнутъ ночью Рима былъ!»
Такъ! но прощаясь съ Римской славой,
Съ капитолійской высоты
Во всемъ величьи видѣлъ ты
Закатъ звѣзды ея кровавой!.....

Счастливъ, кто посѣтилъ сей міръ
Въ его минуты роковыя:
Его призвали Всеблагіе,
Какъ собесѣдника, на пиръ;
Онъ ихъ высокихъ зрѣлищъ зритель,
Онъ въ ихъ совѣтъ допущенъ былъ,
И заживо, какъ небожитель,
Изъ чаши ихъ безсмертье пилъ.

V.

ФОНТАНЪ.

Смотри, какъ облакомъ живымъ
Фонтанъ сіяющій клубится;
Какъ пламенѣетъ, какъ дробится
Его на солнцѣ влажный дымъ.
Лучемъ поднявшись къ небу, онъ
Коснулся высоты завѣтной —
И снова пылью огнецвѣтной
Низпасть на землю осужденъ.

О смертной мысли водометъ,
О водометъ неистощимый!
Какой законъ непостижимый
Тебя стремитъ, тебя мятетъ?
Какъ жадно къ небу рвешься ты!...
Но длань, незримо-роковая,
Твой лучь упорный преломляя,
Свергаетъ въ брызгахъ съ высоты.

VI.

ПОЛДЕНЬ.

Лѣниво дышетъ полдень мглистый;
Лѣниво катится рѣка;
И въ тверди пламенной и чистой
Лѣниво таютъ облака.

И всю природу, какъ туманъ,
Дремота жаркая объемлетъ;
И самъ теперь великій Панъ
Въ пещерѣ Нимфъ покойно дремлетъ.

VII.

Я помню время золотое,
Я помню сердцу милый край:
День вечерѣлъ; мы были двое;
Внизу, въ тѣни, шумѣлъ Дунай.

И на холму, тамъ, гдѣ бѣлѣя,
Руина замка въ даль глядитъ,
Стояла ты, младая Фея,
На мшистый опершись гранитъ,—

Ногой младенческой касаясь
Обломковъ груды вѣковой;
И солнце медлило, прощаясь
Съ холмомъ, и замкомъ, и тобой.

И вечеръ тихій мимолетомъ
Твоей одеждою игралъ
И съ дикихъ яблонь цвѣтъ за цвѣтомъ
На плечи юныя свѣвалъ.

Ты беззаботно вдаль глядѣла...
Край неба дымно гасъ въ лучахъ;
День догаралъ; звучнѣе пѣла
Рѣка въ померкшихъ берегахъ.

И ты съ веселостью безпечной
Щастливый провожала день;
И сладко жизни быстротечной
Надъ нами пролетала тѣнь.

VIII.

Какъ океанъ объемлетъ шаръ земной,
Земная жизнь кругомъ объята снами;
Настанетъ ночь — и звучными волнами
Стихія бьетъ о берегъ свой.

То гласъ ея: онъ нудитъ насъ и проситъ.....
Ужь въ пристани волшебный ожилъ челнъ;
Приливъ растетъ и быстро насъ уноситъ
Въ неизмѣримость темныхъ водъ.

Небесный сводъ, горящій славой звѣздной,
Таинственно глядитъ изъ глубины, —
И мы плывемъ, пылающею бездной
Со всѣхъ сторонъ окружены.

IX.

Душа хотѣла бъ быть звѣздой;
Но не тогда, какъ съ неба полуночи
Сіи свѣтила, какъ живыя очи,
Глядятъ на сонный міръ земной; —

Но днемъ, когда, сокрытыя какъ дымомъ
Палящихъ солнечныхъ лучей,
Они, какъ божества, горятъ свѣтлѣй
Въ эфирѣ чистомъ и незримомъ.

X.

Какъ надъ горячею золой
Дымится свитокъ и сгараетъ,
И огнь сокрытый и глухой
Слова и строки пожираетъ:
Такъ грусно тлится жизнь моя
И съ каждымъ днемъ уходитъ дымомъ;
Такъ постепенно гасну я
Въ однообразьи нестерпимомъ.
О небо, еслибы хоть разъ
Сей пламень развился по волѣ,
И не томясь, не мучась долѣ,
И просіялъ бы — и погасъ!

XI.

SILENTIUM!

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои.
Пускай въ душевной глубинѣ
Встаютъ и заходятъ онѣ
Безмолвно, какъ звѣзды въ ночи:
Любуйся ими — и молчи.

Какъ сердцу высказать себя?
Другому какъ понять тебя?
Пойметъ ли онъ чѣмъ ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь;
Взрывая, возмутишь ключи:
Питайся ими — и молчи.

Лишь жить въ себѣ самомъ умѣй.
Есть цѣлый міръ въ душѣ твоей
Таинственно - волшебныхъ думъ;
Ихъ оглушилъ наружный шумъ,
Дневные разгонятъ лучи:
Внимай ихъ пѣнью — и молчи!

XII.

Яркій снѣгъ сіялъ въ долинѣ:
Снѣгъ растаялъ и ушелъ;
Вешній злакъ блеститъ въ долинѣ:
Злакъ увянетъ и уйдетъ.

Но который вѣкъ бѣлѣетъ
Тамъ, на высяхъ снѣговыхъ?
А заря и нынѣ сѣетъ
Розы свѣжія на нихъ!..

XIII.

О чемъ ты воешь, вѣтръ ночной?
О чемъ такъ сѣтуешь безумно?
Что значитъ странный голосъ твой,
То глухо жалобный, то шумно?
Понятнымъ сердцу языкомъ
Твердишь о непонятной мукѣ,
И роешь, и взрываешь въ немъ
Порой неистовые звуки!

О, страшныхъ пѣсень сихъ не пой
Про древній хаосъ, про родимый!
Какъ жадно міръ души ночной
Внимаетъ повѣсти любимой!
Изъ смертной рвется онъ груди,
Онъ съ безпредѣльнымъ жаждетъ слиться!..
О, бурь заснувшихъ не буди:
Подъ ними хаосъ шевелится!....

XIV.

Потокъ сгустился и тускнѣетъ,
И прячется подъ твердымъ льдомъ;
И гаснетъ цвѣтъ и звукъ нѣмѣетъ
Въ оцѣпенѣньи ледяномъ.
Лишь жизнь безсмертную ключа
Сковать всесильный хладъ не можетъ:
Она все льется, — и журча,
Молчанье мертвое тревожитъ.

Такъ и въ груди осиротѣлой
Убитой хладомъ бытія,
Не льется юности веселой,
Не блещетъ рѣзвая струя.
Но подо льдистою корой
Еще есть жизнь, еще есть ропотъ;
И внятно слышится порой
Ключа таинственнаго шопотъ.

XV.

СОНЪ НА МОРѢ.

И море и буря качали нашъ челнъ;
Я сонный былъ преданъ всей прихоти волнъ.
Двѣ безпредѣльности были во мнѣ;
И мной своевольно играли онѣ.
Вкругъ меня какъ кимвалы звучали скалы,
Окликалися вѣтры и пѣли валы.
Я въ хаосѣ звуковъ леталъ оглушенъ;
Но надъ хаосомъ звуковъ носился мой сонъ.
Болѣзненно - яркій, волшебно - нѣмой
Онъ вѣялъ легко надъ гремящею тьмой;
Въ лугахъ огневицы развилъ онъ свой міръ:
Земля зеленѣла, свѣтился эѳиръ,
Сады-лавиринѳы, чертоги, столпы,—
И сонмы кипѣли безмолвной толпы.
Я много узналъ мнѣ невѣдомыхъ лицъ,
Зрѣлъ тварей волшебныхъ, таинственныхъ птицъ.
По высямъ творенья какъ богъ я шагалъ
И міръ подо мною недвижный сіялъ...
Но всѣ грезы насквозь, — какъ волшебника вой,
Лишь слышался грохотъ пучины морской;
И въ тихую область видѣній и сновъ
Врывалася пѣна ревущихъ валовъ.

XV.

Не то, что мните вы, природа:
Не слѣпокъ, не бездушный ликъ;
Въ ней есть душа, въ ней есть свобода,
Въ ней есть любовь, въ ней есть языкъ....

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Вы зрите листъ и цвѣтъ на древѣ:
Иль ихъ садовникъ приклеилъ?
Иль зрѣетъ плодъ въ родимомъ чревѣ
Игрою внѣшнихъ, чудныхъ силъ?...

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Они не видятъ и не слышатъ,
Живутъ въ семъ мірѣ, какъ въ потьмахъ.
Для нихъ и солнцы, знать, не дышатъ,
И жизни нѣтъ въ морскихъ волнахъ

Лучи къ нимъ въ душу не сходили,
Весна въ груди ихъ не цвѣла;
При нихъ лѣса не говорили,
И ночь въ звѣздахъ нѣма была!

И языками неземными,
Волнуя рѣки и лѣса,
Въ ночи не совѣщалась съ ними,
Въ бесѣдѣ дружеской, гроза!

Не ихъ вина: пойми, коль можешь,
Органа жизнь, глухо-нѣмой!
Души его, ахъ, не встревожитъ
И голосъ матери самой!..

Ѳ. Т.

Мюнхенъ.

О НАДЕЖДѢ.

Ex fumo dare lucem.

Hor.

Многіе неглубокомысленные люди смѣшиваютъ возвышенное чувство, которое священная на- Религія поставила въ число добродѣтелей Хри- анскихъ, съ суетными надеждами житейскими. смыслѣ Христіанскомъ, надежда есть упованіе милосердіе Божіе, довѣренность, такъ сказать, неограниченной любви Создателя къ человѣку. надеждѣ такого рода нѣтъ ничего невѣрнаго, ъ ничего предположительнаго; и Религія спра- ливо означаетъ ее яко наибезцѣннѣйшее сокро- це, коего храненіе въ сердцѣ нашемъ подкрѣпля- наши силы въ болѣзняхъ, бѣдахъ и печали. дежда житейская, напротивъ того, есть то, что вніе, живописно изображавшіе жизнь человѣче- ю, полагали оставшимся на днѣ Пандорина ика, — т. е. какое-то мечтательное утѣшеніе, по- паемое въ возможности перемѣны случая, безъ кой причины для ожиданія таковой перемѣны.

Non si male nunc
Et olim sic erit, quondam Cithera tacentem
Suscitat musam, necque semper arcum
Tendit Apollo.

Вотъ Гораціево пiитическое изображеніе того, чт
происходитъ во всякомъ надѣющемся сердцѣ. Нѣт
никакой причины надѣяться лучшаго потому тол
ко, что теперь дурно; но нещастный игрокъ, х
до знакомый съ математикою, и невѣдущій, чт
при всякой сдачѣ картъ случайности противъ е
все тѣ же, какія были при началѣ игры, страст
рвется по десятой потерѣ къ одиннадцатой, дума
что одиннадцатый разъ будетъ для него непремѣт
но щастливѣе потому только, что онъ проигра
десять разъ сряду. Всѣ почти житейскія надежд
наши дѣлаютъ изъ насъ людей подобныхъ упом
нутому игроку, а иногда увлекаютъ и до тог
что и самая очевидная невозможность, или
крайней мѣрѣ невѣдомость, считается нами
числѣ утѣшительныхъ надеждъ. Сколько молоды
людей, вступивъ въ свѣтъ съ самыми золотыми м
чтами, возвращаются вспять съ опустошенною д
шею, съ ненавистью къ роду человѣческому и
совершеннымъ безсиліемъ предпринять для себя
для другихъ что нибудь полезное!—Мнѣ случилс
видѣть одного юношу съ большими дарованіям
ослѣпленнаго до такой степени, что когда кра
вица его уже согласилась дать руку богатѣйше
его сопернику, онъ еще все надѣялся. Ему от
зали отъ дома—онъ все не преставалъ ожидать л
шей судьбы. Домъ красавицы озарялся свѣчами

наполнялся приготовленіями къ свадьбѣ: а нещастный, при видѣ таковыхъ приготовленій, все думалъ, что есть еще *возможность*, на которой построена была его надежда, что сговоренная у самаго алтаря, при вопросѣ священника, скажетъ *нѣтъ*. Слѣдствіемъ таковой ужасной надежды было затмѣніе самаго высокаго ума и самыхъ блистательныхъ дарованій. Онъ еще живъ; вотъ уже болѣе 20 лѣтъ какъ жалуется всякому пріѣзжающему въ домъ сумасшедшихъ на измѣну священника, вѣнчавшаго его любовницу, котораго онъ въ изступленіи своемъ ежедневно убиваетъ. — Кто изъ бывшихъ въ Вѣнѣ не зналъ богатаго банкира Париша? Кто не зналъ всѣми любимую красавицу-актрису, которую любовь его погубила? Паришъ былъ одинъ изъ оборотливѣйшихъ Американскихъ спекулаторовъ; дѣла его были, какъ и теперь еще дѣла братьевъ его въ Гамбургѣ и Лондонѣ, въ самомъ блистательномъ положеніи; но фальшивыя надежды на твердость Испанскихъ кортесовъ вовлекли его въ обманчивыя спекуляціи. До самой послѣдней недѣли его нещастія онъ бы могъ еще, по мнѣнію всѣхъ его корреспондентовъ, съ нѣкоторыми пожертвованіями поправиться; но онъ не преставалъ надѣяться, что вещи возьмутъ другой оборотъ. Рѣшась заблаговременно положить конецъ своей жизни, онъ былъ обязанъ, по самому простому благоразумію и честности, отложить какой нибудь капиталъ для нещастной, которую онъ оставлялъ безъ пропитанія, лишивъ ее выгоднаго мѣста на Вѣнскомъ театрѣ; но онъ надѣялся, что достаточно дать ей 50 ты-

сячъ гульденовъ, изъ рукъ въ руки, со страннымъ уговоромъ, чтобы она ихъ хранила до тѣхъ поръ, пока онъ потребуетъ ихъ назадъ,—и что кредиторы не подумаютъ допросить ее послѣ его смерти. Бѣдная, объявя истину, принуждена была отдать всю сумму въ массу банкрутства, открывшагося по отчаянномъ утопленіи Париша въ Дунаѣ.—Сколько отцевъ оставляютъ любимцевъ сердца своего въ бѣдности, и иногда и въ самомъ рабствѣ, въ безразсудной надеждѣ ничѣмъ неудостовѣреннаго продолженія жизни! Сколько людей въ полнотѣ ума и физическихъ силъ остаются бездѣйственными въ испытательный часъ щастія, въ надеждѣ возможнаго, конечно, но неудобосбыточнаго оборота вещей! Такъ Наполеонъ въ Дрезденѣ, во Франкфуртѣ, даже въ самомъ Шатильйонѣ могшій еще остаться властелиномъ Франціи, а въ первыхъ двухъ городахъ самаго Рейна, увлекался надеждою въ заточеніе и потомъ къ безвременной смерти. Такъ нещастное семейство Стюартовъ умножало вмѣстѣ съ своею пагубою, каждый годъ въ теченіи 60 лѣтъ, число нещастныхъ жертвъ своей къ нимъ приверженности, въ надеждѣ какого-то благопріятствія отъ судьбы, безъ всякаго соображенія удобосбыточности при каждомъ возобновленномъ предпріятіи. Такъ Испанія, удрученная всякаго рода бѣдствіями, гордо отвергла милліоны, предложенные ей Полуденною Америкою за свободу, уже обстоятельствами пріобрѣтенную; и предпочла полной уплатѣ своего долга банкрутство, нищету и безсиліе, въ надеждѣ возвратить невозвратимое. Такъ, наконецъ, цѣлая романическая

ортугалія ожидала нѣсколько вѣковъ возвращенія
туманѣ любимаго своего Себастіана, погибшаго
пескахъ Африканскихъ! — Вездѣ и почти всегда
дежда соединяется съ чѣмъ-то похожимъ на су-
асшествіе, или, по крайней мѣрѣ, съ такимъ неблаго-
зуміемъ, которое не позволяетъ видѣть намъ хлад-
кровно наше положеніе и искать удобныхъ
едствъ поправить оное. Но возразятъ многіе: такъ
къ человѣкъ никогда не престаетъ надѣяться, то
на утѣшительная мысль, слѣдуя за другою, сопут-
вуетъ ему до гроба, и тѣмъ истинныя бѣдствія
о услаждаются. Я отвѣчаю: 1) что совершенно
отивно разсудку хвалить такое положеніе души,
торое очевиднымъ образомъ подходитъ къ состо-
ію пьянства; 2) что еслибы таковыя мечтанія
лишали насъ способности дѣйствовать въ насто-
щемъ направленіи, то бы еще можно оправдывать
которымъ образомъ сіе усыпленіе разсудка; но
большей части, полагаясь на возможное, мы не
бираемъ дороги къ достиженію удобосбыточнаго;
наконецъ 3)—и важнѣйшее для самыхъ поборни-
въ обманчивыхъ надеждъ—что при всякомъ уже
сомнительномъ уничтоженіи той или другой на-
жды, ударъ, нанесенный сердцу, производитъ въ
омъ страданіе, во сто кратъ превышающее на-
ажденія обмана, которымъ мы до того жили. Са-
убійство, ненависть къ человѣчеству, отчаяніе и
еступныя предпріятія суть почти всегда неизбѣж-
ія слѣдствія обольстительныхъ надеждъ. Игрокъ
лается воромъ; воръ надѣется только похитить,
въ концѣ убиваетъ; герой жертвуетъ славою цѣ-

лой жизни невѣрности одного событія; наконецъ самое раскаяніе и послѣднее примиреніе съ небомъ, к которому мы уже начинаемъ склоняться, охладѣваетъ отъ прикосновенія жестокой руки обманчивой пр лестницы, шепчущей: «будетъ еще время!» Вальтеръ Скоттъ, говоря о Наполеоновыхъ негоціаціяхъ с союзниками въ 1814 году, прекрасно приводитъ стихи поэта, описывающаго явленіе тѣни къ отступнику Альпу, осаждающему Коринѳъ, которые я пр семъ прилагаю въ оригиналѣ и въ переводѣ:

There is a light cloud by the moon —
'Tis passing and will pass full soon.
If, by the time its vapoury sail
Hath ceased her shaded orb to veil,
Thy heart within thee is not changed,
Then God and man are both avenged! . .

Смотри: вонъ облако стремится
Закрыть отъ насъ чело луны;
Доколь оно не докатится,
Тебѣ секунды тѣ даны.
Но если духъ твой не смягчится:
То Богъ и люди отмщены!...

Альпъ и Наполеонъ надѣялись; облако прошло а съ нимъ и данное время раскаянія.

Я осмѣливаюсь просить каждаго изъ моихъ читателей присовокупить плоды собственной сво опытности и воспоминаній къ сказанному мно

для убѣжденія себя въ пагубныхъ и горькихъ слѣдствіяхъ обманчивыхъ надеждъ.—Но какимъ же образомъ отъ оныхъ охраняться? Какимъ образомъ распространить общенародно средства таковаго охраненія? Я другаго не знаю, кромѣ распространенія философической математики, называемой исчисленіемъ вѣроятностей (calcul des probabilités), или—по моему лучше—наукой *исчисленія удобосбытностей*, такъ чтобы съ первыми алгебраическими понятіями она въ самыхъ среднихъ умахъ ясно и глубоко впечатлѣвалась. Мнѣ не кажется сіе столь труднымъ, какъ многіе воображаютъ отъ страха алгебраическихъ формулъ; и я постараюсь здѣсь изложить начальныя основанія сей науки, не предполагая въ моемъ читателѣ никакого познанія высшей математики. Награда моя будетъ та, когда, по прочтеніи этой статьи, читатель скажетъ: всякой ребенокъ его пойметъ.

Скажемъ напередъ словечко о дробяхъ. Дробь, въ простомъ ариѳметическомъ значеніи, есть частица цѣлаго; но если мы взглянемъ на ея выраженіе нѣсколько отвлеченнѣе, то найдемъ, что она также можетъ назваться *отношеніемъ числителя къ знаменателю*. Когда я говорю, что купилъ $\frac{3}{4}$ аршина сукна, всякой понимаетъ, что у меня находится три изъ четырехъ частей, на которыя былъ раздѣленъ аршинъ; но сіе понятіе дѣлается немного отвлеченнѣе, когда я скажу, что количество мною купленнаго сукна относится къ аршину какъ $3:4$. Я не вижу большей трудности понять, что когда мнѣ извѣстно, что три изъ четырехъ дорогъ, мнѣ

представляющихся, идутъ къ Москвѣ, не зная име
но которыя: поѣхавши по одной изъ нихъ, я имѣ
$\frac{3}{4}$ удобосбытности въ мою пользу, т. е., что я
ошибусь и пріѣду въ Москву; а $\frac{1}{4}$, что я могу ош
биться, или что вѣроятность для меня ошибить
находится какъ 1 къ 4. Изъ сего простаго и очеви
наго примѣра мы заключимъ что: *удобосбытност*
выражаются дробью, которой числитель должен
заключать въ себѣ лишь благопріятные, а знамен
тель всѣ возможные случаи. Если я разсуждалъ пр
вильно, то образъ разсужденія моего не перемѣни
ся, когда при встрѣчѣ кто нибудь скажетъ мнѣ, ч
не три, а двѣ только дороги изъ этихъ четырехъ в
дутъ къ Москвѣ. Тогда я поставлю число 2 вмѣст
3 въ числители, и надежда моя не ошибиться
меньшается. Если же, напротивъ того, кто нибу
скажетъ, что всѣ четыре ведутъ къ Москвѣ: по том
же самому я поставлю 4 вмѣсто 3 или 2 въ числ
тели, и найду въ самомъ выраженіи дроби ед
ницу $\frac{4}{4}$: слѣдовательно, *въ наукѣ исчисленія удоб*
сбытностей увѣренность изображается единице
И такъ чѣмъ болѣе таковая дробь подходитъ къ
ной, тѣмъ будетъ благоразумнѣе моя надежда. А н
противъ, по мѣрѣ уменьшенія дроби, возрастаетъ н
благоразуміе ожидать благопріятнаго успѣха. На пр
мѣръ: изъ сосуда, въ которомъ находятся 100 ш
ровъ, изъ которыхъ 97 черныхъ, а 3 бѣлыхъ, есл
бы мы надѣялись вынуть одинъ изъ сихъ послѣ
нихъ, таковая надежда, изъясненная математическ
представила бы $\frac{3}{100}$ въ пользу сего предположені
а $\frac{97}{100}$ напротивъ.

Конечно, трудно исчислять въ нравственныхъ событіяхъ всѣ возможныя и всѣ удобосбыточныя случайности; но важность науки состоитъ въ томъ, что, зная правило, разсудокъ пріучается мало по малу изыскивать и тѣ и другія и опредѣлять существующія между ими отношенія; а, что всего важнѣе, мы отъучаемся съ тѣмъ вмѣстѣ отъ безпрестаннаго смѣшиванія возможнаго съ вѣроятнымъ или удобосбыточнымъ.

Я изложилъ здѣсь математическое выраженіе надежды, зависящей отъ *одного* событія; но кто изъ насъ не идетъ далѣе, кто въ надеждахъ и желаніяхъ ограничиваетъ свой безразсудный порывъ?...

Magnaque numinibus vota exaudita malignis!

Juv.

«И озлобленными богами исполнены наши желанія.»

Нѣтъ границъ мечтамъ человѣческимъ по той самой причинѣ, что, кромѣ вѣчности, душа наша ничѣмъ не можетъ быть удовлетворена.

Постараемся же найти въ числахъ мѣру нашихъ надеждъ и для такихъ случаевъ, когда мы ожидаемъ исполненіе нашихъ желаній отъ двухъ, трехъ или болѣе благопріятныхъ для насъ событій. Боюсь, еслибъ я и осмѣлился представить здѣсь самое простое развитіе двучисленника (бинома) Нютонова необходимаго для сего исчисленія, чтобъ читатель мой, при самомъ воспоминаніи давно забытаго друга молодости, не переставалъ пробѣгать сіи листы, — и для того

оставимъ его въ забвеніи и возьмемъ просто въ руки два жетона, одинъ черный, другой бѣлый; на каждомъ изъ нихъ на одной сторонѣ вырѣзана буква a, а на другой b. Посмотримъ, сколько разныхъ случайностей представятъ сіи два жетона, брошенные совокупно на столъ. Очевидно, что они представятъ одну для aa, и также одну для bb, и двѣ для ab. Напишемъ просто сіе примѣчаніе: 1 aa, 2 ab, 1 bb, и посмотримъ, какъ сіе приспособиться можетъ къ нашему предмету.

Еслибъ я побился съ кѣмъ объ закладъ, что если брошу вверхъ Александровскій рубль, то онъ представитъ лицемъ колонну: такъ какъ сбыточность равна для представленія колонны или портрета, т. е. $\frac{1}{2}$, то и ставка моя и моего соперника должны быть ровны; но если я бьюсь объ закладъ два раза сряду представить лицемъ колонну, то по справедливости ставка моя должна быть соразмѣрна моей дроби удобосбыточности на мою удачу. Теперь исчислимъ всѣ возможные случаи, и найдемъ, что они суть тѣ же, кои представляли наши два жетона. Рубль можетъ упасть два раза сряду, представляя лицемъ колонну (aa): вотъ единственный для меня благопріятный случай. Но онъ можетъ также два раза упасть, представляя лицемъ портретъ (bb); онъ можетъ также упасть въ первый разъ колонною, а во второй портретомъ (ab); онъ можетъ также представить въ первый разъ портретъ, а потомъ колонну (ab), и во всѣхъ послѣднихъ трехъ случаяхъ я проигрываю; слѣдовательно въ пользу моей удачи я имѣю $\frac{1}{4}$ удобосбытности,

противъ, и слѣдовательно ставка моего соперника по справедливости должна быть 3 раза болѣе моей. Кто же повѣритъ, что такъ утонченна сія наука, такъ нужно уму вникать въ глубину ея, что славный Даламберъ долго противился очевидности сего разсужденія? Онъ вмѣсто 4 хотѣлъ поставить въ знаменатели только 3, разсуждая такимъ образомъ: что если я при первомъ киданіи представилъ портретъ вмѣсто колонны, то игра кончилась, и случай двухъ портретовъ не долженъ быть принятъ въ исчисленіи возможностей. Заблужденіе сіе происходило отъ того, что онъ не вникнулъ въ уваженіе, что закладъ основывался на *двухъ* событіяхъ, а не на одномъ, и что потому въ исчисленіи удобосбытности слѣдовало заключить въ знаменатели всѣ случаи, которые могутъ представиться въ брошеніи рубля два раза сряду. Сіе заблужденіе принадлежитъ къ такому роду, гдѣ мы, ожидая для насъ чего либо благопріятнаго отъ двухъ совокупныхъ событій, не хотѣли бы заключить въ расчетахъ нашихъ и тотъ случай, что они оба могутъ быть намъ противны.

Теперь посмотримъ, какую буду я имѣть дробь удобосбытности три раза сряду представить колонну, и для сего изочтемъ всѣ возможные случаи которые представятъ намъ три жетона, черный, бѣлый и красный, въ совокупномъ и нераздѣльномъ своемъ положеніи. Они представятъ единственный случай для *aaa*, и такой же для *bbb;* три разныхъ случая для *aab:* ибо очевиднымъ образомъ *b* можетъ быть бѣлаго, чернаго или краснаго цвѣта,—и

то же для *bba*. Запишемъ, какъ мы сдѣлали прежд[е] таковое наше изслѣдованіе:

1*aaa*, 3*aab*, 3*bba* и 1*bbb*. Если теперь из[о]чтемъ мы случайности, могущія воспослѣдовать в[ъ] киданіи рубля 3 раза, назвавъ появленіе колонны [а] а появленіе портрета *b*, мы найдемъ, что числ[о] сихъ случайностей есть то же самое, которое м[ы] нашли въ нашихъ жетонахъ; а какъ сумма всѣх[ъ] возможныхъ есть 8, благопріятное же для насъ со[]бытіе только одно (*aaa*), то по изъясненному уж[е] правилу мы и поставимъ 1 въ числители, а 8 в[ъ] знаменатели. Слѣдовательно, при такомъ закладѣ м[ы] имѣемъ $\frac{1}{8}$ удобосбытности въ нашу, а $\frac{7}{8}$ въ нашег[о] соперника пользу, т. е. что намъ не удастся; слѣдо[]вательно, ставка его должна быть 7 разъ больш[е] нашей.

Прибавимъ еще желтый жетонъ. Мы знаемъ уж[е] что для появленія *aaaa* и для *bbbb* будетъ тольк[о] единица возможности для каждаго; но *aaab* и *bbb[a]* могутъ представиться каждый 4 раза въ разныхъ же[]тонахъ: ибо *a* и *b* могутъ всякій разъ являться в[ъ] иномъ цвѣтѣ жетона, которыхъ четыре. Теперь ещ[е] остается очевидно появленіе *aabb*; посмотримъ, скол[ь]ко разъ оно явиться можетъ съ перемѣною жето[]новъ. Мы уже видѣли, что *aab* и *bba* въ трехъ же[]тонахъ можетъ представиться каждый три раза: [и] такъ, если мы приложимъ ко всякому изъ сихъ слу[]чаевъ желтый жетонъ, представляющій *b* къ 3 пер[]вымъ, и *a* къ 3 послѣднимъ, сіе составитъ 6, чт[о]

впрочемъ изображается для вящшаго убѣжденія слѣдующимъ образомъ:

Бѣлый,	Черный,	Красный,	Желтый.
a.	a.	b.	b.
a.	b.	a.	b.
a.	b.	b.	a.
b.	a.	b.	a.
b.	a.	a.	b.
b.	b.	a.	a.

Запишемъ наше изслѣдованіе: 1*aaaa*, 4*aaab*, 6*aabb*, 4*bbba* и 1*bbbb*. И такъ, еслибъ мы бились объ закладъ представить четыре раза сряду колонну, удобосбытность наша (*aaaa*) была бы только $\frac{1}{16}$, а напротивъ соперника нашего на нашу неудачу, $\frac{15}{16}$, т. е. $\frac{4+6+4+1}{16}$.

Теперь, дошедъ до столь важныхъ открытій, мы можемъ уже не ощупью, а посредствомъ разсудка достичь до исчисленія высшаго числа совокупныхъ случайностей. Для сего, написавъ въ строчки одно подъ другимъ нами уже открытыя числа, посмотримъ, не имѣютъ ли они между собою какого нибудь общаго закона въ ихъ происхожденіи? Мы уже знаемъ, что каждая строчка начнется и кончится единицею, а разсматривая ближе, мы откроемъ, что каждый изъ промежуточныхъ членовъ составляется изъ сложенія двухъ находящихся въ предыдущей строчкѣ, а именно изъ сложенія того, который находится прямо надъ нимъ, съ ближайшимъ по лѣвую сторону, какъ то:

*

1. 1. (случайности для одного жетона)
1. 2. 1.
1. 1 + 2. 2 + 1. 1.
1. 1 + 3. 3 + 3. 3 + 1. 1,

или:

1. 1.
1. 2. 1.
1. 3. 3. 1.
1. 4. 6. 4. 1.

и потому:

1. 5. 10. 10. 5. 1.
1. 6. 15. 20. 15. 6. 1.

Вотъ такъ называемый славный ариѳметическій треугольникъ Паскаля, который заключаетъ въ себѣ коэффиціенты бинома Нютонова, но съ коими мы познакомились въ ихъ философическомъ видѣ, т. е. въ видѣ случайностей, подающихъ намъ мѣру нашихъ надеждъ, тогда когда мы ожидаемъ не отъ одного, но отъ многихъ совокупныхъ событій достиженія нашей цѣли. Посмотримъ еще разъ на дорогу, по которой мы прошли, и не можемъ ли мы вывесть какого либо общаго правила изъ постепенныхъ нашихъ умозаключеній. Когда я бился объ закладъ представить колонну на одинъ разъ, я и соперникъ мой имѣли каждый равную мѣру ($\frac{1}{2}$) удобосбытности; но когда закладъ мой распространился на два событія, изъ которыхъ каждое имѣло при всякомъ разѣ для себя $\frac{1}{2}$ удобосбытности, т. е. представить портретъ или колонну, мѣра надежды моей превратилась въ $\frac{1}{4}$, т. е. $\frac{1}{2} \times \frac{1}{2}$; а когда я распространилъ мой

закладъ на три совокупныя событія, то та же мѣра моей надежды на удачу сдѣлалась $\frac{1}{8}$, т. е. $\frac{1}{2} \times \frac{1}{2} \times \frac{1}{2}$ — Изъ сего мы и можемъ извлечь сіе важное правило, что когда мы желаемъ чего нибудь зависящаго отъ множества обстоятельствъ, *дроби, представляющія удобосбытность каждаго въ особенности, должны быть между собою помножены* для доставленія намъ мѣры нашей математической надежды. Пояснимъ сіе еще примѣромъ. Мнѣ хочется ѣхать въ Москву, и для того я стараюсь войти прикащикомъ къ одному купцу, который ѣздилъ съ своимъ прикащикомъ всякой годъ то въ Москву, то въ Берлинъ, то въ Лондонъ, то въ Парижъ, то въ Италію; теперь задача: каковой мѣры должна быть моя надежда, выходя изъ дома, предлагать ему мои услуги? Онъ меня приметъ или не приметъ ($\frac{1}{2}$); для поѣздки въ Москву удобосбыточность есть $\frac{1}{5}$; слѣдовательно, надежда моя побывать въ Москвѣ нынѣшній годъ есть $\frac{1}{2}$, умноженная на $\frac{1}{5}$, т. е. $\frac{1}{10}$. Тѣ изъ читателей моихъ, которые еще не вникнули въ тонкость сихъ разсужденій, могутъ подумать, что дробь наша должна быть $\frac{1}{7}$, считая *порознь* упомянутые нами 7 случаевъ, какъ то: купецъ меня или приметъ или не приметъ, поѣдетъ въ Москву, или въ другое изъ четырехъ мѣстъ; но сіе разсужденіе потому ложно, что съ одной стороны оно не полагаетъ зависимости исполненія моего желанія отъ двухъ, а отъ одного событія; а съ другой полагаетъ зависимость поѣздки купца въ Москву отъ принятія меня къ себѣ въ услуги, что несправедливо. Изображеніе возможностей должно представляться въ слѣдующемъ видѣ:

Купецъ меня	Поѣдетъ въ Москву.
	„ „ „ Италію.
	„ „ „ Парижъ.
приметъ.	„ „ „ Лондонъ.
	„ „ „ Берлинъ.

Купецъ меня не приметъ.	Тѣ же.

Дѣло мое не въ томъ, чтобъ быть его прикащикомъ, а чтобы симъ средствомъ поѣхать въ Москву; его же поѣздка въ одно изъ помянутыхъ мѣстъ можетъ равно случиться, хотя онъ меня и не приметъ; слѣдовательно, въ совокупномъ событіи 2 изъ сихъ случаевъ суть 10 возможностей, а благопріятная для меня *одна*. Сіе мы можемъ представить матеріально, если къ одному изъ нашихъ жетоновъ мы придвинемъ пятистороннюю пирамиду, на которой изображены будутъ литтеры *a, b, c, d, e,* и исчислимъ, сколько случайностей находится въ появленіи двухъ изъ сихъ буквъ, т. е. пирамиды и жетона вмѣстѣ. Очевидно, что если перевертывать постепенно пирамиду, то представятся для стороны *a* жетона 5, и для стороны *b* то же 5, и того 10; а благопріятное, т. е. *aa,* будетъ *одно* событіе.

Сіе прекрасное извлеченіе изъ правила, что, въ исчисленіи удобосбытности, дроби, представляющія воз-

ожности на появленіе каждаго случая въ особенности, должны помножаться между собою, когда наше желаніе зависитъ отъ совокупленія нѣсколькихъ обстоятельствъ, — тѣмъ разительнѣе должно насъ убѣдить, что мы знаемъ по простой ариѳметикѣ, что произведеніе (produit) чистыхъ дробей всегда даетъ меньшую дробь, чѣмъ каждый изъ множителей, а съ тѣмъ вмѣстѣ и разсудокъ всякому говоритъ, что если достиженіе цѣли нашей зависитъ отъ многихъ совокупныхъ обстоятельствъ, мы должны менѣе надѣяться на успѣхъ.

Если мы сочтемъ случайности всякой строчки, то найдемъ, что сумма ихъ всегда равна числу 2, тѣмъ числомъ разъ на себя помноженнаго, которое показываетъ рядъ строчки.

1. 1.	—	суммы	=	2.
1. 2. 1.	—	2 × 2.	=	4.
1. 3. 3. 1.	—	2 × 2 × 2.	=	8.
1. 4. 6. 4. 1.	—	2 × 2 × 2 × 2.	=	16.

Если бы жетоны наши превратились вдругъ въ шестистороннія фигуры, представляющія каждая одну изъ шести первыхъ буквъ, то по той же самой причинѣ двѣ изъ сихъ фигуръ представили бы 6 × 6, т. е. 36 случайностей, а три — 6 × 6 × 6, т. е. 216 случайностей.

На семъ основывается игра костей; но не мое дѣло входить въ такія подробности относительно игръ и

лотерей: предоставляю любопытному читател[ю] примѣненіе изложенныхъ мною правилъ, что ем[у] будетъ весьма легко, если онъ хорошо вникнетъ в[ъ] начальныя мною здѣсь извлеченныя умозаключені[я].

Покажемъ однакоже, какъ послѣдній примѣръ, упо-требленіе Паскалева треугольника, основываясь все-та-ки на разсудкѣ и съ избѣжаніемъ формъ. Положимъ, что мы бились объ закладъ: бросивъ 5 разъ рубл[ь] представить *по крайней мѣрѣ* три раза колонну; мы возмемъ 5-тую строчку и изочтемъ всѣ случай-ности, въ которыхъ *a* находится *по крайней мѣрѣ* 3 раза; мы найдемъ единицу для *aaaaa*, т. е. для един-ственнаго случая, когда рубль упадетъ 5 разъ колон-ною, пять случайностей для *aaaab* и десять дл[я] *aaabb*, т. е. для меньшаго числа, при которомъ мы можемъ выиграть, — и того 16 случайностей и 1[6] противныхъ; слѣдовательно, въ брошеніи 5-ти раз[ъ] рубля надежда къ паденію по крайней мѣрѣ 3 раз[а] на ту или на другую сторону равны. Слѣдователь-но, ставка при такомъ закладѣ должна быть равна съ обѣихъ сторонъ. Но мы нашли $\frac{1}{8}$ для представ-ленія колонны три раза сряду: простой разсудокъ не показываетъ ли намъ, что сіе и должно так[ъ] быть, ибо въ пяти повтореніяхъ мы должны болѣ[е] надѣяться имѣть 3 для насъ благопріятныя событі[я] нежели всѣ 3 въ трехъ?

Читатели мои простятъ конечно, когда я их[ъ] поздравлю съ тѣмъ, что они уже умѣютъ состав-лять биномъ Нютоновъ, т. е. произведеніе двучи-сленника $(a, + b)$ помноженнаго на самого себя сколь

ко разъ имъ угодно будетъ, что въ математикѣ называется возвышеніемъ на произвольную степень n. $(a+b)^n$ — Взявъ строчку числа n въ треугольникѣ, которую мы посредствомъ жетоновъ составлять научились, и приписавъ къ первому изъ членовъ столько разъ a, сколько n имѣетъ въ себѣ единицъ, потомъ постепенно замѣняя литтеру a литтерою b, они составятъ всѣ члены, которые потомъ свяжутъ знаками сложенія $+$, и биномъ будетъ составленъ для той степени, которую они избрали, какъ на пр. для шестой,

Произведеніе двучисленника, шесть разъ на себя помноженнаго:

$$(a+b)^6 = {}^1aaaaaa \; {}^6aaaaab \; {}^{15}aaaabb \; {}^{20}aaabbb \; {}^{15}aabbbb \; {}^6abbbbb \; {}^1\,bbbbbb.$$

Что по Картезіевой методѣ пишется такъ:

$$(a+b)^6 = a^6 + ba^5\,b + 15\,a^4\,b^2 + 20\,a^3\,b^3 + 15\,a^2\,b^4 + bab^5 + b^6.$$

Тѣ изъ нашихъ читателей, которыхъ мы имѣли бы щастіе пріохотить къ философической математикѣ, т. е. *calcul des probabilités,* могутъ прочитать сочиненіе Лакруа подъ симъ названіемъ, или, что можетъ быть лучше: *Doctrine of chances* Муавра.

Вся награда наша будетъ состоять въ томъ, что сей бѣглый опытъ уже приготовитъ ихъ къ легчайшему понятію науки, которая въ сихъ книгахъ представлена математическими средствами и не такъ матеріально изложена, какъ я здѣсь старался для ясности ее представить.

Но если я не успѣю пріохотить ни одного изъ моихъ читателей къ вящшему углубленію въ науку, на что же послужитъ трудъ мой, на что мои усердныя старанія о ясности, на что и самоотверженіе, съ которымъ я въ усердіи моемъ пренебрегалъ опасности показаться несносно скучнымъ? Отвѣтъ мой самому себѣ есть тотъ, что, пробѣгая сіи листы, читатель съ непримѣтнымъ принужденіемъ разсуждалъ, что не всегда случается при чтеніи; а постепенное перехожденіе отъ одного умозаключенія къ другому есть уже само по себѣ умственное движеніе, небезполезное для здравія разсудка.

Наука о удобосбытностяхъ имѣетъ не болѣе двухъ сотъ лѣтъ древности; но она обработана наиглубочайшими умами нашихъ временъ. Паскаль, Бернульи, Муавръ, Кондорсетъ, и наконецъ Лапласъ, приложили ее не только къ астрономіи, но и ко всѣмъ отношеніямъ житейскимъ, гдѣ токмо случаи или множество опытовъ, безъ вѣдѣнія нашего причинъ ихъ, входить могутъ. Бернульи доказывалъ, что можно цифрами повѣрять всегда и нравственныя истины. Такъ напр. переводилъ онъ ариѳметикою благоразуміемъ внушаемый совѣтъ противъ игры, состоящій особенно въ томъ, что радость, причиненная выигрышемъ, никогда не равняется съ болѣзненнымъ чувствомъ потери. Предположивъ, что *отношенія количествъ* суть основаніе всей высшей математики, и что съ тѣмъ вмѣстѣ въ жизни и во всѣхъ понятіяхъ нашихъ о цѣнѣ вещей вездѣ находится таковая же относительная цѣнность, потому что

нѣтъ богатаго, ни бѣднаго, какъ только относительно, въ соображеніи мѣстныхъ обстоятельствъ,—Бернульи разсуждалъ слѣдующимъ образомъ: если два человѣка играютъ съ равнымъ капиталомъ, на пр. каждый съ двумя стами тысячами рублей: одинъ, выигравъ у другаго 100 т., наслаждается ими только какъ третьею частью своего теперешняго положенія; а проигравъ ту же сумму, онъ лишается половины своего настоящаго благосостоянія. Сей остроумный доводъ я привожу здѣсь какъ историческое воспоминаніе: ибо самъ знаю, что онъ никого не воздержитъ отъ игры. Можно конечно, по моему мнѣнію, философическимъ курсомъ математики дать лучшее направленіе уму; но гдѣ лекарство, гдѣ исправленіе, гдѣ обереженіе для человѣка отъ его страстей? . .

Я не войду здѣсь во всѣ приложенія науки, и особенно къ вѣроятному продолженію жизни. Грустное воспоминаніе лежитъ на моемъ сердцѣ, и приведя здѣсь оное, подамъ съ тѣмъ вмѣстѣ моимъ читателямъ бѣглое понятіе о томъ, что̀ называется *кривою линіею* жизни.

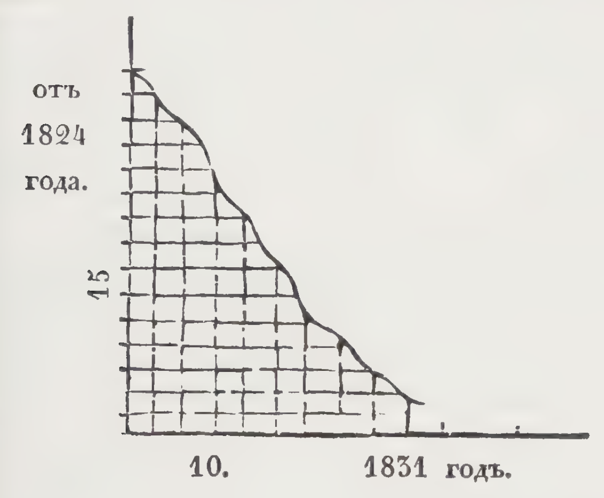
Изъ числа друзей, которые для меня уже не существуютъ на землѣ, герцогъ Дальбергъ былъ одинъ изъ тѣхъ, котораго потеря была для меня наичувствительнѣйшею. Если когда нибудь, послѣ моей смерти, записки мои явятся въ свѣтъ для умноженія поясненій современной исторіи, мои читатели познакомятся, или лучше сказать, подружатся съ

симъ отличнымъ человѣкомъ, коего доброта прев
сходила обширность его ума и быстрое про
ницаніе въ дѣлахъ государственныхъ. Безразсудный
учениками Нѣмецкихъ университетовъ выдуманны
въ 1810 году тевтонизмъ не переставалъ его за т
преслѣдовать, что онъ изъ наидревнѣйшихъ Нѣмец
кихъ бароновъ сдѣлался герцогомъ и перомъ Фран
ціи; они не разсуждали о томъ, что отцовско
достояніе его, на лѣвомъ берегу Рейна, въ которомъ
до сихъ поръ имя его благословляется, прежде ещ
вступленія его на поприще дѣятельной жизни, бы
ло уже трактатами присоединено къ Франціи, и дя
дя его, который его воспитывалъ, примасъ Рейнско
Конфедераціи, безъ него уже такъ сказать рѣшил
судьбу своего племянника. Но оставляя сіе въ сто
ронѣ, всякой Европеецъ, кромѣ умовъ, удрученных
тевтоническимъ сумасбродствомъ, легко пойметъ
что тяжко было бы для человѣка такого воспита
нія и такихъ обширныхъ познаній остаться навсег
да подданнымъ Великаго Герцогства Баденскаго, тѣм
паче что со временъ Лудовика XIV принцы Гоген
лоэ и другіе члены имперіи находились во Фран
цузской службѣ безъ всякаго негодованія своих
соотечественниковъ. Герцогъ Дальбергъ отвѣтство
валъ на таковое глупое злословіе благодѣянія
ми и покровительствомъ, распространяемымъ н
всѣхъ единоземцевъ, которые во Франціи къ нем
прибѣгали; и когда почти всѣ прочіе владѣтели лѣ
ваго берега Рейна оставляли въ нерадѣніи и въ ра
валинахъ свои наслѣдственныя имѣнія и замки
Эрнсгеймъ, поновленный, украшенный такъ сказат

просвѣщеннымъ духомъ моего покойнаго друга, сдѣлался однимъ изъ великолѣпнѣйшихъ замковъ въ сей странѣ Европы. Паркъ, оранжереи, проложенныя прогулки въ лѣсу — все носитъ тамъ на себѣ отпечатокъ просвѣщеннаго вкуса нашего вѣка. Полезное и пріятное, соединены съ простотою, которая такъ противоположна недостаткамъ, скрывающимся обыкновенно подъ пышною завѣсою феодальнаго блеска. Обхожденіе хозяина было всегда Швейцарски-просто и дружественно, гостепріимство великолѣпно; умъ бѣглый, проницательный, наполненный и мудростію прошедшихъ вѣковъ и опытами настоящей жизни; сердце до самой кончины молодое... Но Дальбергъ, уважая математику, какъ науку отвлеченную и удѣлъ высшихъ умовъ, часто спорилъ со мною о ея важности въ отношеніи философическомъ. Болѣе всего онъ опирался на томъ, что и самыя механическія и физическія открытія сдѣланы были случаемъ и почти всѣ происходили отъ умовъ наблюдательныхъ, а не отвлеченныхъ. Когда Вилель въ 1824 году предложилъ планъ свой для уменьшенія процентовъ государственнаго долга, онъ основывалъ сію мѣру на займѣ, который бы цѣлою $\frac{1}{4}$ умножилъ цифру государственнаго долга. Лапласъ, всегда подававшій свой голосъ на сторонѣ министерства, хотѣлъ математически доказать Палатѣ Перовъ, что происходящая отъ уменьшенія процентовъ прибыль вдвое вознаградитъ ариѳметическое, а не истинное отягощеніе, возлагаемое на государство. Дальбергъ слушалъ товарища своего, какъ онъ мнѣ сказывалъ въ тотъ же день, съ большимъ вниманіемъ; но слабость голоса

высокаго математика, непривычка говорить въ па-
латѣ, а можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ неясност
изложенія содѣйствовали къ тому, что рѣчь Лаплас
не убѣдила ни одного изъ перовъ. Прогуливаясь с
мною тотъ же вечеръ въ саду замка своего в
улицѣ Данжу, многимъ изъ читателей моихъ из-
вѣстнаго, Дальбергъ болѣе нежели когда нибуд
сражался со мною противъ пользы математики в
государственной или частной жизни. «Какъ можно»—
говорилъ онъ—«пристраститься къ кривой линіи, н
говорящей ничего ни уму, ни сердцу?»—Посмотримъ
отвѣчалъ я; всегда ли такъ: нарисуйте горизонтал
ную линію и раздѣлите ее на весьма малыя части-
цы, которыя будутъ представлять года, на пр. 1
лѣтъ; опустите на первое изъ сихъ раздѣленій пер
пендикуляръ, также раздѣленный на нѣсколько час
тицъ, представляющихъ нѣкоторое число людей вам
пріятныхъ, почти однихъ съ вами лѣтъ, и находя
щихся теперь въ вашемъ кругу; всякой годъ опу
скайте такой же перпендикуляръ, уменьшенный в
долготѣ своей тѣмъ числомъ частицъ, которое рав
но числу въ году отшедшихъ, и соединяйте ваш
перпендикуляры маленькими черточками, которы
составятъ кривую линію. Не уже ли она въ самомъ
дѣлѣ не заставитъ васъ иногда задуматься, а иногд
не возвыситъ ли вашу душу и къ самому созерца
нію вѣчности!—Предложеніе сіе нашло меланхоличе
скій отголосокъ въ сердцѣ Дальберга; онъ опускалъ
регулярно перпендикуляры и соединялъ ихъ черточ
ками, оказывающими наклоненіе. Въ 1831 году, по
слѣ холеры, писалъ онъ ко мнѣ изъ Парижа въ

Лондонъ: «Ma courbe, mon cher, s'incline terriblement.» Десятый перпендикуляръ остался неопущеннымъ....

Кн. Козловскій.

КАКЪ ПИШУТСЯ У НАСЪ РОМАНЫ.

У насъ многіе думаютъ, что можно написать хорошій романъ безъ поэтическаго призванія. Честный, благородный человѣкъ пожилъ довольно на свѣтѣ; видѣлъ много, много хорошаго и много дурнаго; сердце его потрясалось при видѣ несправедливости, умъ ужасался при видѣ нелѣпостей, въ головѣ его набралось много опытовъ, много замѣчаній, много анекдотовъ: какъ бы хорошо все это передать другимъ людямъ! Но какъ связать между собою набранные матеріалы? Написать нравственный трактатъ, для всякаго, хотя и умнаго въ частной жизни человѣка, дѣло не легкое: оно требуетъ познаній, а учиться уже некогда; къ тому же такое сочиненіе подвергается строгой критикѣ, — а между тѣмъ очень жаль бросить все, что набралось въ продолженіе долгой и дѣятельной жизни. Чтожъ дѣлаетъ нашъ умный человѣкъ? Онъ беретъ пер-

.ое романическое происшествіе, пришедшее ему въ голову, и всѣ свои мысли и наблюденія вклеиваетъ, какъ заплатки, въ свое произведеніе; навязываетъ свои мысли лицамъ, выведеннымъ на сцену; кстати и некстати разсказываетъ анекдоты ему извѣстные. Все это можетъ быть очень любопытно; но мы не думаемъ, чтобы такимъ способомъ можно было написать хорошій романъ, и въ этомъ сошлемся на самихъ сочинителей: многіе изъ нихъ откровенно признаются, что пишутъ романъ для того только, чтобы описать такую-то страну, такой-то вѣкъ; не многіе имѣютъ притязаніе собственно на авторство! Цѣль ваша прекрасна, даже до нѣкоторой степени полезна, особенно для васъ: ибо заставляетъ васъ отдавать себѣ отчетъ въ своихъ мысляхъ; но такимъ образомъ нельзя произвести живаго органическаго произведенія, какимъ долженъ быть романъ: ибо для романа нужно — знаете-ли что? — нужно немножко *поэзіи*. Романисту-поэту предметъ романа является нежданно, сомнамбулически; онъ преслѣдуетъ его, мучитъ его, какъ живой человѣкъ; когда поэтъ пишетъ—онъ пишетъ забывая о самомъ себѣ, онъ живетъ въ лицахъ имъ созданныхъ, самыя его собственныя мысли, незамѣтно для него самого, сливаются съ лицами, имъ выводимыми на сцену. Такъ ли вы писали? Вспомните хорошенько: вы садились за тетрадь въ свободное отъ дѣлъ время, вы искали не словъ для своего лица, но лицъ для вашихъ словъ; для того чтобъ помѣстить хорошую (отдѣльно) мысль, вы выдумывали происшествіе; вы отъ насильно, но заставляли вашего героя выска-

зывать то, что вамъ хотѣлось, хотя бы онъ по з
конамъ искусства и не долженъ былъ говорить
томъ; вашъ герой—вашъ рабъ: вы не уважаете е
характера, вы уважаете лишь свои собственные опы
ты, свои наблюденія. Отъ этого что̀ происходитъ
Живое дѣйствуетъ живымъ образомъ: самыя от
влеченныя мысли — когда онѣ срослись съ создан
нымъ лицемъ, когда составляютъ его собственность —
интересуютъ всякаго читателя и производятъ сил
ное дѣйствіе, и вотъ вамъ примѣръ: въ Донъ-Ки
хотѣ вы найдете глубокія, даже отвлеченныя мысли
которыя, еслибы отдѣлить отъ этого лица, был
бы сухи и недоступны для большей части читателей
но эти мысли естественно принадлежатъ лицамъ
выведеннымъ на сцену: отъ того эти мысли, даж
апоѳегмы, не скучны, но понятны всякому, про
ходятъ въ душу, и производятъ свое впечатлѣніе
Но съ романами, о которыхъ мы говоримъ, происхо
дитъ совсѣмъ другое. Знаете ли, какъ большая част
читателей читаетъ ваши романы? Они перескакива
ютъ чрезъ самые ваши дорогія мысли, опыты и
наблюденія, и ищутъ въ вашемъ романѣ именно то
го, что вамъ казалось второстепеннымъ, т. е. ро
мана. Не говорите, что ваши лица не суть произве
денія фантазіи, что они должны быть истинны, ибо
списаны вами съ природы со всею точностію: тѣмъ
хуже! Ваши описанія вѣрны и прекрасны, какъ могутъ
быть вѣрны и прекрасны хорошо нарисованныя ко-
тлеты и другіе съѣстные припасы Фламандской шко-
лы! Пишите просто собственныя записки, не гоняясь
за фантазіею и не называя ихъ романомъ: тогда ва-

ша книга будетъ имѣть интересъ всякой лѣтописи, и произойдетъ еще та выгода, что васъ будутъ читать люди не съ намѣреніемъ читать романъ: ибо такое расположеніе духа въ читателѣ гибельно для всего того, что вы почитаете лучшимъ въ своемъ сочиненіи. Не обманывайтесь даже успѣхами: читатели ищутъ въ вашихъ романахъ намековъ на собственныя имена, когда не ищутъ романа; иному и понравится какая нибудь отдѣльная мысль, съ натуры снятый характеръ; но вообще вашъ романъ для него, какъ и для всякаго, вялъ, длиненъ, скученъ, какъ могли бы быть вялы слова механической куклы въ сравненіи съ словами живаго человѣка.

С.

ЧЕЛОБИТНАЯ.

Въ дни былые сорванецъ,
Весельчакъ и веселитель,—
А теперь Москвы строитель,
Озабоченный дѣлецъ!
О мой давнiй покровитель!
Сохрани меня, отецъ,
Отъ сосѣдства шумной тучи
Благочинной саранчи,
И торчащей каланчи,
И пожарныхъ трубъ и крючей!
То есть, по просту сказать,
Помоги въ казну продать
За сто тысячъ домъ богатый,
Величавыя палаты,
Мой Пречистенскiй дворецъ.
Тѣсенъ онъ для партизана:
Сотоварищъ урагана,

Я люблю, казакъ-боецъ,
Домъ безъ оконъ, безъ крылецъ,
Безъ дверей, безъ стѣнъ кирпичныхъ,
Домъ разгуловъ безграничныхъ
И налетовъ удалыхъ,
Гдѣ могу гостей своихъ
Угощать картечью въ ухо,
Пулей въ лобъ, иль пикой въ брюхо.

Другъ! вотъ истинный мой домъ;
Онъ вездѣ—но скучно въ немъ,
Нѣтъ гостей для угощенья...
Подожду... А ты пока
Вникни въ горе казака
И уважь его моленье!

Денисъ Давыдовъ.

МОСКВА.

НОСЪ.

ПОВѢСТЬ *.

1.

Сего Апрѣля 25 числа случилось въ Петербургѣ необыкновенно - странное происшествіе. Цирюльникъ Иванъ Яковлевичь, живущій на Вознесенскомъ Проспектѣ (фамилія его утрачена, и даже на вывѣскѣ его — гдѣ изображенъ господинъ съ намыленною щекою и надписью: «и кровь отворяютъ»—не выставлено ничего болѣе), цирюльникъ Иванъ Яковлевичь проснулся довольно рано, и услышалъ запахъ горячаго хлѣба. Приподнявшись немного на кровати, онъ увидѣлъ, что супруга его, довольно почтенная дама, очень любившая пить кофе, вынимала изъ печи только - что испеченные хлѣбы.

* Н. В. Гоголь долго не соглашался на напечатаніе этой шутки; но мы нашли въ ней такъ много неожиданнаго, фантастическаго, веселаго, оригинальнаго, что уговорили его позволить намъ подѣлиться съ публикою удовольствіемъ, которое доставила намъ его рукопись.

Изд.

«Сего дня я, Прасковья Осиповна, не буду пить кофе»—сказалъ Иванъ Яковлевичь—«а вмѣсто того хочется мнѣ съѣсть горячаго хлѣбца съ лукомъ. (То есть Иванъ Яковлевичь хотѣлъ бы и того и другаго, но зналъ, что было совершенно невозможно требовать двухъ вещей разомъ: ибо Прасковья Осиповна очень не любила такихъ прихотей.) «Пусть дуракъ ѣстъ хлѣбъ; мнѣ же лучше»—подумала про себя супруга—«останется кофею лишняя порція.» И бросила одинъ хлѣбъ на столъ.

Иванъ Яковлевичь для приличія надѣлъ сверхъ рубашки фракъ, и усѣвшись передъ столомъ, насыпалъ соль, приготовилъ двѣ головки луку, взялъ въ руки ножъ, и, сдѣлавши значительную мину, принялся рѣзать хлѣбъ. — Разрѣзавши хлѣбъ на двѣ половины, онъ поглядѣлъ въ середину, и къ удивленію своему увидѣлъ что-то бѣлѣвшееся. Иванъ Яковлевичь ковырнулъ осторожно ножемъ и пощупалъ пальцемъ: «Плотное?»—сказалъ онъ самъ про себя — «что́ бы это такое было?»

Онъ засунулъ пальцы, и вытащилъ — носъ! . . . Иванъ Яковлевичь и руки опустилъ; сталъ протирать глаза и щупать: носъ, точно носъ! и еще, казалось, какъ будто чей-то знакомый. Ужасъ изобразился въ лицѣ Ивана Яковлевича. Но этотъ ужасъ былъ ничто противъ негодованія, которое овладѣло его супругою.

«Гдѣ это ты, звѣрь, отрѣзалъ носъ?»—закричала она съ гнѣвомъ—«Мошенникъ! пьяница! Я сама на

тебя донесу полиціи. Разбойникъ какой! Вотъ уж
я отъ трехъ человѣкъ слышала, что ты во врем
бритья такъ теребишь за носы, что еле держатся

Но Иванъ Яковлевичь былъ ни живъ, ни мертв
Онъ узналъ, что этотъ носъ былъ ни чей другой
какъ коллежскаго ассессора Ковалева, котораго он
брилъ каждую середу и воскресенье.

«Стой, Прасковья Осиповна! Я положу его, завер
нувши въ тряпку, въ уголокъ: пусть тамъ мален
чко полежитъ; а послѣ его вынесу.»

— И слушать не хочу! Чтобы я позволила у себ
въ комнатѣ лежать отрѣзанному носу?... Сухарь по
жаристый! Знай умѣетъ только бритвой возить п
ремню, а долга своего скоро совсѣмъ не въ состоя
ніи будетъ исполнять, потаскушка, негодяй! Чтоб
я стала за тебя отвѣчать полиціи?.. Ахъ ты пач
кунъ, бревно глупое! Вонъ его! вонъ! неси куд
хочешь! чтобы я духу его не слыхала!

Иванъ Яковлевичь стоялъ совершенно какъ уби
тый. Онъ думалъ, думалъ — и не зналъ что поду
мать. «Чортъ его знаетъ, какъ это сдѣлалось» ска
залъ онъ наконецъ, почесавъ рукою за ухомъ. «Пьян
ли я вчера возвратился, или нѣтъ, ужь навѣрно
сказать не могу. А по всѣмъ примѣтамъ должн
быть происшествіе несбыточное: ибо хлѣбъ — дѣл
печеное, а носъ совсѣмъ не то. Ничего не разбе
ру!..» Иванъ Яковлевичь замолчалъ. Мысль о томъ
что полицейскіе отыщутъ у него носъ и обвинят
его, привела его въ совершенное безпамятство. Уж

ему мерещился алый воротникъ, красиво вышитый серебромъ, шпага... и онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Наконецъ досталъ онъ свое исподнее платье и сапоги, натащилъ на себя всю эту дрянь, и, сопровождаемый нелегкими увѣщаніями Прасковьи Осиповны, завернулъ носъ въ тряпку, и вышелъ на улицу.

Онъ хотѣлъ его куда нибудь подсунуть: или въ тумбу подъ воротами, или такъ какъ нибудь нечаянно выронить, да и повернуть въ переулокъ. Но набѣду ему попадался какой нибудь знакомый человѣкъ, который начиналъ тотчасъ запросомъ: «куда идешь?» или «кого такъ рано собрался брить?» такъ что Иванъ Яковлевичь никакъ не могъ улучить минуты. Въ другой разъ онъ уже совсѣмъ уронилъ его; но будошникъ еще издали указалъ ему алебардою, примолвивъ: «подыми! вонъ ты что-то уронилъ!» И Иванъ Яковлевичь долженъ былъ поднять носъ, и спрятать его въ карманъ. Отчаяніе овладѣло имъ, тѣмъ болѣе что народъ безпрестанно умножался на улицѣ, по мѣрѣ того какъ начали отпираться магазины и лавочки.

Онъ рѣшился итти къ Исакіевскому Мосту: неудастся ли какъ нибудь швырнуть его въ Неву?... Но я нѣсколько виноватъ, что до сихъ поръ не сказалъ ничего объ Иванѣ Яковлевичѣ, человѣкѣ почтенномъ во многихъ отношеніяхъ. Иванъ Яковлевичь, какъ всякій порядочный Русскій мастеровой, былъ пьяница страшный. И хотя каждый день брилъ чужіе подбородки, но его собственный былъ у него

вѣчно не бритъ. Фракъ у Ивана Яковлевича (Иванъ Яковлевичь никогда не ходилъ въ сюртукѣ) былъ пѣгій; то есть онъ былъ черный, но весь въ коричнево-желтыхъ и сѣрыхъ яблокахъ; воротникъ лоснился; а вмѣсто трехъ пуговицъ висѣли одни только ниточки. Иванъ Яковлевичь былъ большой циникъ, и когда коллежскій ассессоръ Ковалевъ обыкновенно говорилъ ему во время бритья: «у тебя, Иванъ Яковлевичь, вѣчно воняютъ руки!» то Иванъ Яковлевичь отвѣчалъ на это вопросомъ: отъ чего жъ бы имъ вонять? «не знаю, братецъ, только воняютъ» говорилъ коллежскій ассесоръ, — и Иванъ Яковлевичь, понюхавши табаку, мылилъ ему за это и на щекѣ, и подъ носомъ, и за ухомъ, и подъ бородою, однимъ словомъ, гдѣ только ему была охота.

Этотъ почтенный гражданинъ находился уже на Исакіевскомъ Мосту. Онъ прежде всего осмотрѣлся; потомъ нагнулся на перила будто бы посмотрѣть подъ мостъ, много ли рыбы бѣгаетъ, и швырнулъ потихоньку тряпку съ носомъ. Онъ почувствовалъ какъ будто бы съ него разомъ снялось десять пудъ: Иванъ Яковлевичь даже усмѣхнулся. Вмѣсто того чтобы итти брить чиновничьи подбородки, онъ отправился въ заведеніе съ надписью: «Кушанье и чай» просить стаканъ пунша, какъ вдругъ замѣтилъ въ концѣ моста квартальнаго надзирателя благородной наружности, съ широкими бакенбардами, въ треугольной шляпѣ, со шпагою. Онъ обмеръ; а между тѣмъ квартальный кивалъ ему пальцемъ, и говорилъ: «А подойди сюда, любезный!»

Иванъ Яковлевичь, зная форму, снялъ издали еще картузъ, и подошедши проворно, сказалъ: «Желаю здравія вашему благородію.»

— Нѣтъ, нѣтъ, братецъ, не благородію; скажи-ка, что ты тамъ дѣлалъ, стоя на мосту?

«Ей Богу, сударь, ходилъ брить, да посмотрѣлъ только, шибко ли рѣка идетъ.»

— Врешь, врешь! Этимъ не отдѣлаешься. Изволь-ка отвѣчать.

«Я вашу милость два раза въ недѣлю, или даже три, готовъ брить безъ всякаго прекословія» — отвѣчалъ Иванъ Яковлевичь.

— Нѣтъ, пріятель, это пустяки! Меня три цирюльника брѣютъ, да еще и за большую честь почитаютъ. А вотъ изволь-ка разсказать, что ты тамъ дѣлалъ?

Иванъ Яковлевичь поблѣднѣлъ. . . Но здѣсь происшествіе совершенно закрывается туманомъ, и что далѣе произошло, рѣшительно ничего неизвѣстно.

2.

Коллежскій ассессоръ Ковалевъ проснулся довольно рано, и сдѣлалъ губами: брр. . ., что всегда онъ дѣлалъ, когда просыпался, хотя самъ не могъ растолковать по какой причинѣ. Ковалевъ потянулся, приказалъ себѣ подать небольшое, стоявшее на сто-

лѣ, зеркало. Онъ хотѣлъ взглянуть на прыщикъ, ко-
торый вчерашняго вечера вскочилъ у него на носу;
но къ величайшему изумленію увидѣлъ, что у него
вмѣсто носа совершенно гладкое мѣсто! Испугав-
шись, Ковалевъ велѣлъ подать воды и протеръ по-
лотенцемъ глаза: точно нѣтъ носа! Онъ началъ щу-
пать рукою, чтобы узнать, не спитъ ли онъ: ка-
жется, не спитъ. Коллежскій ассесоръ Ковалевъ вско-
чилъ съ кровати, встряхнулся: нѣтъ носа! . . .
Онъ велѣлъ тотчасъ подать себѣ одѣться, и по-
летѣлъ прямо къ оберъ-полиціймейстеру.

Но между тѣмъ необходимо сказать что нибудь о
Ковалевѣ, чтобы читатель могъ видѣть, какого ро-
да былъ этотъ коллежскій ассессоръ. Коллежскихъ
ассессоровъ, которые получаютъ это званіе съ по-
мощію ученыхъ аттестатовъ, никакъ не льзя сравни-
вать съ тѣми коллежскими ассессорами, которые де-
лались на Кавказѣ. Это два совершенно особенные
рода. Ученые коллежскіе ассессоры. . . Но Россія такая
чудная земля, что если скажешь объ одномъ коллеж-
скомъ ассессорѣ, то всѣ коллежскіе ассессоры, отъ
Риги до Камчатки, непремѣнно примутъ на свой
счетъ. То же разумѣй и о всѣхъ званіяхъ и чинахъ.—
Ковалевъ былъ Кавказскій коллежскій ассессоръ. Онъ
два года только еще состоялъ въ этомъ званіи, и по-
тому ни на минуту не могъ его позабыть; а чтобы
болѣе придать себѣ благородства и вѣса, онъ нико-
гда не называлъ себя коллежскимъ ассессоромъ, но
всегда майоромъ. «Послушай, голубушка»—говорилъ
онъ обыкновенно, встрѣтивши на улицѣ бабу, про-

(ававшую манишки — «ты приходи ко мнѣ на домъ; квартира моя въ Садовой; спроси только, здѣсь ли живетъ майоръ Ковалевъ — тебѣ всякой покажетъ.» Если же встрѣчалъ какую нибудь смазливенькую, то давалъ ей сверхъ того секретное приказаніе, прибавляя: «Ты спроси, душенька, квартиру майора Ковалева.» — По этому-то самому и мы будемъ впередъ этого коллежскаго ассессора называть майоромъ.

Майоръ Ковалевъ имѣлъ обыковеніе каждый день прохаживаться по Невскому Проспекту. Воротничекъ его манишки былъ всегда чрезвычайно чистъ и накрахмаленъ. Бакенбарды у него были такого рода, какія и теперь еще можно видѣть у губернскихъ, повѣтовыхъ землемѣровъ, у архитекторовъ и полковыхъ докторовъ, также у отправляющихъ разныя обязанности, и вообще у всѣхъ тѣхъ мужей, которые имѣютъ полныя, румяныя щеки и очень хорошо играютъ въ бостонъ: эти бакенбарды идутъ по самой срединѣ щеки и прямехонько доходятъ до носа. Майоръ Ковалевъ носилъ множество печатокъ сердоликовыхъ и съ гербами, и такихъ, на которыхъ было вырѣзано: середа, четверкъ, понедельникъ, и проч. Майоръ Ковалевъ пріѣхалъ въ Петербургъ по надобности, а именно искать приличнаго своему званію мѣста: если удастся, то вице-губернаторскаго, а не то — экзекуторскаго въ какомъ нибудь видномъ департаментѣ. Майоръ Ковалевъ былъ не прочь и жениться; но только въ такомъ случаѣ, когда за невѣстою случится двѣсти тысячъ капиталу. И потому читатель теперь можетъ судить самъ

каково было положеніе этого майора, когда онъ ув дѣлъ, вмѣсто довольно недурнаго и умѣреннаго н са, преглупое, ровное и гладкое мѣсто.

Какъ набѣду, ни одинъ извощикъ не показывал на улицѣ, и онъ долженъ былъ итти пѣшкомъ, з кутавшись въ свой плащь и закрывши платком лице, показывая видъ, какъ будто у него шла кров «Но авось либо мнѣ такъ представилось: не м жетъ быть, чтобы носъ пропалъ съ дуру.» Онъ з шелъ въ кондитерскую нарочно съ тѣмъ, чтобы п смотрѣться въ зеркало. Къ щастію, въ кондитерск никого не было; мальчишки мели комнаты и р ставляли стулья; нѣкоторые съ сонными глазам выносили на подносахъ горячіе пирожки; на ст лахъ и стульяхъ валялись залитыя кофеемъ вчера нія газеты. «Ну, слава Богу, никого нѣтъ»—произне онъ—«теперь можно поглядѣть.» Онъ робко подоше къ зеркалу и взглянулъ. «Чортъ знаетъ что, как дрянь!» произнесъ онъ, плюнувши... «Хотя бы у что нибудь было вмѣсто носа, а то ничего!..»

Съ досадою закусивъ губы, вышелъ онъ изъ ко дитерской, и рѣшился, противъ своего обыкновені не глядѣть ни на кого, и никому не улыбатьс Вдругъ онъ сталъ какъ вкопанный у дверей одно дома; въ глазахъ его произошло явленіе неизъясн мое: передъ подъѣздомъ остановилась карета; двер отворились; выпрыгнулъ, согнувшись, господинъ мундирѣ, и побѣжалъ вверхъ по лѣстницѣ. Како же былъ ужасъ и вмѣстѣ изумленіе Ковалева, ког

онъ узналъ, что это былъ собственный его носъ! При этомъ необыкновенномъ зрѣлищѣ, казалось ему, все переворотилось у него въ глазахъ; онъ чувствовалъ, что едва могъ стоять; но рѣшился во что бы ни стало ожидать его возвращенія въ карету, весь дрожа какъ въ лихорадкѣ. Чрезъ двѣ минуты носъ дѣйствительно вышелъ. Онъ былъ въ мундирѣ, шитомъ золотомъ, съ большимъ стоячимъ воротникомъ; на немъ были замшевые панталоны; при боку шпага. По шляпѣ съ плюмажемъ можно было заключить, что онъ считался въ рангѣ статскаго совѣтника. По всему замѣтно было, что онъ ѣхалъ куда нибудь съ визитомъ. Онъ поглядѣлъ на обѣ стороны, закричалъ кучеру: подавай! сѣлъ и уѣхалъ.

Бѣдный Ковалевъ чуть не сошолъ съ ума. Онъ не зналъ какъ и подумать о такомъ станномъ происшествіи. Какъ же можно въ самомъ дѣлѣ, чтобы носъ, который еще вчера былъ у него на лицѣ, не могъ ѣздить и ходить,— былъ въ мундирѣ! Онъ побѣжалъ за каретою, которая къ щастію проѣхала не далеко и остановилась передъ гостинымъ дворомъ. Онъ поспѣшилъ туда, побрался сквозь рядъ нищихъ старухъ съ завязанными лицами и двумя отверстіями для глазъ, надъ которыми онъ прежде такъ смѣялся. Народу было не много. Ковалевъ чувствовалъ себя въ такомъ разстрсенномъ состояніи, что ни на что не могъ рѣшиться, и искалъ глазами этого господина по всѣмъ угламъ. Наконецъ увидѣлъ его стоявшаго передъ лавкою. Носъ спряталъ совершенно лице свое въ большой стоячій воротникъ, и съ глубокимъ вниманіемъ разсматривалъ какіе-то товары.

«Какъ подойти къ нему?» думалъ Ковалевъ. «По всему, по мундиру, по шляпѣ видно, что онъ статскій совѣтникъ. Чортъ его знаетъ, какъ это сдѣлать!»

Онъ началъ около него покашливать; но носъ ни на минуту не оставлялъ своего положенія.

«Милостивый государь...»—сказалъ Ковалевъ, внутренно принуждая себя ободриться — «милостивый государь . . .»

— Что вамъ угодно?—отвѣчалъ носъ, оборотившись.

«Мнѣ странно, милостивый государь... мнѣ кажется... вы должны знать свое мѣсто. И вдругъ я васъ нахожу и гдѣ же?... Согласитесь...»

— Извините меня, я не могу взять въ толкъ, о чемъ вы изволите говорить.. Объяснитесь.

«Какъ мнѣ ему объяснить?» подумалъ Ковалевъ, и собравшись съ духомъ, началъ: «Конечно я... впрочемъ я майоръ. Мнѣ ходить безъ носа, согласитесь, это неприлично. Какой нибудь торговкѣ, которая продаетъ на Воскресенскомъ Мосту очищенные апельсины, можно сидѣть безъ носа; но, имѣя въ виду получить... притомъ, будучи во многихъ домахъ знакомъ съ дамами: Чехтырева статская совѣтница и другія... Вы посудите сами... я не знаю, милостивый государь... (При этомъ майоръ Ковалевъ пожалъ плечами)... извините.... если на это смотрѣть сообразно съ правилами долга и чести... вы сами можете понять . . .»

— Ничего рѣшительно не понимаю — отвѣчалъ носъ — изъяснитесь удовлетворительнѣе.

«Милостивый государь . . .» — сказалъ Ковалевъ съ чувствомъ собственнаго достоинства — «я не знаю, какъ понимать слова ваши . . . Здѣсь все дѣло, кажется, совершенно очевидно . . . Или вы хотите . . . Вѣдь вы мой собственной носъ!» —

Носъ посмотрѣлъ на майора, и брови его нѣсколько нахмурились.

— Вы ошибаетесь, милостивый государь. Я самъ по себѣ. Притомъ между нами не можетъ быть никакихъ тѣсныхъ отношеній. Судя по пуговицамъ вашего вицъ-мундира, вы должны служить по другому вѣдомству. — Сказавши это, носъ отвернулся.

Ковалевъ совершенно смѣшался, не зная, что̀ дѣлать и что̀ даже подумать. Въ это время послышался пріятный шумъ дамскаго платья; подошла пожилая дама, вся убранная кружевами, и съ нею тоненькая, въ бѣломъ платьѣ, очень мило рисовавшемся на ея стройной таліи, въ палевой шляпкѣ легкой какъ пирожное. За ними остановился и открылъ табакерку высокій гайдукъ съ большими бакенбардами и цѣлой дюжиной воротниковъ.

Ковалевъ выступилъ поближе, высунулъ батистовый воротничекъ манишки, поправилъ висѣвшія на золотой цѣпочкѣ свои печатки, и улыбаясь по сторонамъ, обратилъ вниманіе на легонькую даму, которая, какъ весенній цвѣточекъ, слегка наклонялась и подносила ко лбу свою бѣленькую ручку съ

полупрозрачными пальцами. Улыбка на лицѣ Ковалева раздвинулась еще далѣе, когда онъ увидѣлъ изъ-подъ шляпки ея кругленькій, яркой бѣлизны подбородокъ, и часть щеки, осѣненной цвѣтомъ первой весенней розы. Но вдругъ онъ отскочилъ, какъ будто бы обжегшись. Онъ вспомнилъ, что у него вмѣсто носа совершенно нѣтъ ничего, и слезы выдавились изъ глазъ его. Онъ оборотился съ тѣмъ, чтобы напрямикъ сказать господину въ мундирѣ, что онъ только прикинулся статскимъ совѣтникомъ, что онъ плутъ и подлецъ, и что онъ больше ничего какъ только его собственный носъ... Но носа уже не было: онъ успѣлъ ускакать вѣроятно опять къ кому нибудь съ визитомъ.

Это повергло Ковалева въ отчаяніе. Онъ пошелъ назадъ, и остановился съ минуту подъ колоннадою, тщательно смотря во всѣ стороны, не попадется ли гдѣ носъ. Онъ очень хорошо помнилъ, что шляпа на немъ была съ плюмажемъ и мундиръ съ золотымъ шитьемъ; но шинель не замѣтилъ, ни цвѣта его кареты, ни лошадей, ни даже того, былъ ли у него сзади какой нибудь лакей и въ какой ливреѣ. Притомъ каретъ неслось такое множество взадъ и впередъ и съ такою быстротою, что трудно было даже примѣтить; но еслибы и примѣтилъ онъ какую нибудь изъ нихъ, то не имѣлъ бы никакихъ средствъ остановить. День былъ прекрасный и солнечный. На Невскомъ народу была тьма. Дамъ цѣлый цвѣточный водопадъ сыпался по всему тротуару, начиная отъ Полицейскаго до Анички-

на Моста. Вонъ и знакомый ему надворный совѣтникъ идетъ, котораго онъ называлъ подполковникомъ, особливо ежели то случалось при постороннихъ. Вонъ и Ярыгинъ, большой пріятель, который вѣчно въ бостонѣ обремизивался, когда игралъ восемь. Вонъ и другой майоръ, получившій на Кавказѣ ассессорство, махаетъ рукой, чтобы шелъ къ нему...

«А чортъ возьми!» сказалъ Ковалевъ. «Эй, извощикъ, вези прямо къ полицеймейстеру!»

Ковалевъ сѣлъ въ дрожки, и только покрикивалъ извощику: «валяй во всю ивановскую!»

«У себя полицеймейстеръ?» вскричалъ онъ, зашедши въ сѣни.

— Никакъ нѣтъ — отвѣчалъ привратникъ — только-что уѣхалъ.

«Вотъ тебѣ разъ!»

—Да—прибавилъ привратникъ—оно и не такъ давно, но уѣхалъ. Минуточкой бы пришли раньше, то, можетъ, застали бы дома.

Ковалевъ, не отнимая платка отъ лица, сѣлъ на извощика и закричалъ отчаяннымъ голосомъ: пошелъ!

«Куда?» сказалъ извощикъ.

— Пошелъ прямо!

«Какъ прямо? тутъ поворотъ: на право или на лѣво?»

Этотъ вопросъ остановилъ Ковалева и заставилъ его опять подумать. Въ его положеніи слѣдовало ему прежде всего отнестись въ Управу Благочинія, не потому что оно имѣло прямое отношеніе къ полиціи, но потому, что ея распоряженія могли быть гораздо быстрѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; искать же удовлетворенія по начальству того мѣста, при которомъ носъ объявилъ себя служащимъ, было бы безразсудно, потому что изъ собственныхъ отвѣтовъ носа уже можно было видѣть, что для этого человѣка ничего не было священнаго, и онъ могъ также солгать и въ этомъ случаѣ, какъ солгалъ, увѣряя, что онъ никогда не видался съ нимъ. — И такъ Ковалевъ уже хотѣлъ было приказать ѣхать въ Управу Благочинія, какъ опять пришла мысль ему, что этотъ плутъ и мошенникъ, который поступилъ уже при первой встрѣчѣ такимъ безсовѣстнымъ образомъ, могъ опять удобно, пользуясь временемъ, куда нибудь улизнуть изъ города, — и тогда всѣ исканія будутъ тщетны, или могутъ продолжиться, чего Боже сохрани, на цѣлый мѣсяцъ. Наконецъ, казалось, само небо вразумило его. Онъ рѣшился отнестись прямо въ Газетную Экспедицію и заблаговременно сдѣлать публикацію съ обстоятельнымъ описаніемъ всѣхъ качествъ, дабы всякой, встрѣтившій его, могъ въ ту же минуту его представить къ нему или по крайней мѣрѣ дать знать о мѣстѣ пребыванія. И такъ онъ, рѣшивъ на этомъ, велѣлъ извощику ѣхать въ Газетную Экспедицію, и во всю дорогу не переставалъ его тузить кулакомъ въ спину приговаривая: скорѣй, подлецъ! скорѣй, мошен-

никъ!—«Эхъ баринъ!» говорилъ извощикъ, потряхивая головой и стегая возжей свою лошадь, на которой шерсть была длинная какъ на болонкѣ. Дрожки наконецъ остановились, и Ковалевъ, запыхавшись, вбѣжалъ въ небольшую пріемную комнату, гдѣ сѣдой чиновникъ, въ старомъ фракѣ и очкахъ, сидѣлъ за столомъ, и взявши въ зубы перо, считалъ принесенныя мѣдныя деньги.

«Кто здѣсь принимаетъ объявленія?» закричалъ Ковалевъ. «А, здравствуйте!»

— Мое почтеніе, — сказалъ сѣдой чиновникъ, поднявши на минуту глаза и опустивши ихъ снова на разложенныя кучи денегъ.

«Я желаю припечатать . . .»

— Позвольте. Прошу немножко повременить — произнесъ чиновникъ, ставя одною рукою цыфру на бумагѣ и передвигая пальцами лѣвой руки два очка на счетахъ. Лакей съ галунами и наружностію, показывавшею пребываніе его въ аристократскомъ домѣ, стоялъ возлѣ стола съ запискою въ рукахъ, и почелъ приличнымъ показать свою общежительность: «Повѣрите ли, сударь, что собаченка не стоитъ восьми гривенъ, т. е. я не далъ бы за нея и восьми грошей; а графиня любитъ, ей Богу, любитъ, — и вотъ тому, кто ее отыщетъ, сто рублей! Если сказать по приличію, то вотъ такъ, какъ мы теперь съ вами, вкусы людей совсѣмъ несовмѣстны: ужъ когда охотникъ, то держи лягавую собаку, или пуделя; не пожалѣй пятисотъ, тысячу дай, но за то ужь, чтобъ была собака хорошая.»

Почтенный чиновникъ слушалъ это съ значительною миною, и въ то же время занимался смѣтою, сколько буквъ въ принесенной запискѣ. По сторонамъ стояло множество старухъ, купеческихъ сидѣльцевъ и дворниковъ съ записками. Въ одной значилось, что отпускается въ услуженіе кучеръ трезваго поведенія; въ другой малоподержанная коляска, вывезенная въ 1814 году изъ Парижа; тамъ отпускалась дворовая дѣвка 19 лѣтъ, упражнявшаяся въ прачешномъ дѣлѣ, годная и для другихъ работъ, прочныя дрожки безъ одной рессоры, молодая горячая лошадь въ сѣрыхъ яблокахъ семнадцати лѣтъ отъ роду, новыя полученныя изъ Лондона сѣмена рѣпы и радиса, дача со всѣми угодьями: двумя стойлами для лошадей и мѣстомъ, на которомъ можно развести превосходный березовый или еловый садъ; тамъ же находился вызовъ желающихъ купить старыя подошвы съ приглашеніемъ явиться къ переторжкѣ каждый день отъ 8 до 3 часовъ утра. Комната, въ которой мѣстилось все это общество, была маленькая, и воздухъ въ ней былъ чрезвычайно густъ; но коллежскій ассессоръ Ковалевъ не могъ слышать запаха, потому что закрылся платкомъ, и потому что самый носъ его находился Богъ знаетъ въ какихъ мѣстахъ.

«Милостивый государь, позвольте васъ попросить. . . Мнѣ очень нужно» — сказалъ онъ наконецъ съ нетерпѣніемъ.

— Сей часъ, сей часъ! Два рубля сорокъ три копейки! Сію минуту! Рубль шестьдесятъ четыре ко-

пейки! — говорилъ сѣдовласый господинъ, бросая старухамъ и дворникамъ записки въ глаза. Вамъ что угодно? — наконецъ сказалъ онъ, обратившись къ Ковалеву.

«Я прошу...» сказалъ Ковалевъ «случилось мошенничество или плутовство, я до сихъ поръ не могу ни какъ узнать. Я прошу только припечатать что тотъ, кто ко мнѣ этого подлеца представитъ, получитъ достаточное вознагражденіе.»

— Позвольте узнать, какъ ваша фамилія?

«Нѣтъ, зачѣмъ же фамилію? Мнѣ нельзя сказать ее. У меня много знакомыхъ: Чехтарева статская совѣтница, Палагея Григорьевна Подточина, штабъ-офицерша... Вдругъ узнаютъ, Боже сохрани! Вы можете просто написать: коллежскій ассессоръ, или еще лучше, состоящій въ майорскомъ чинѣ.»

— А сбѣжавшій былъ вашъ дворовый человѣкъ?

«Какое, дворовый человѣкъ? Это бы еще не такое большое мошенничество! Сбѣжалъ отъ меня... носъ...»

— Гм! какая странная фамилія! И на большую сумму этотъ г. Носовъ обокралъ васъ?

«Носъ, то есть... вы не то думаете! Носъ, мой собственный носъ пропалъ неизвѣстно куда. Чортъ хотѣлъ подшутить надо мною!

— Да какимъ же образомъ пропалъ? Я что-то не могу хорошенько понять.

«Да я не могу вамъ сказать какимъ образомъ; но главное то, что онъ разъѣзжаетъ теперь по городу и называетъ себя статскимъ совѣтникомъ. И потому я васъ прошу объявить, чтобы поймавшій представилъ его немедленно ко мнѣ въ самомъ скорѣйшемъ времени. Вы посудите, въ самомъ дѣлѣ, какъ же мнѣ быть безъ такой замѣтной части тѣла? Это не то, что какой нибудь мизинный палецъ на ногѣ, которую я въ сапогъ—и никто не увидитъ, если его нѣтъ. Я бываю по четвергамъ у статской совѣтницы Чехтыревой; Подточина Палагея Григорьевна, штабъ-офицерша, и у ней дочка очень хорошенькая, то же очень хорошіе знакомые, и вы посудите сами, какъ же мнѣ теперь... Мнѣ теперь къ нимъ не льзя явиться.»

Чиновникъ задумался, что означали крѣпко сжавшіяся губы.

—Нѣтъ, я не могу помѣстить такого объявленія въ газетахъ —сказалъ онъ наконецъ послѣ долгаго молчанія.

«Какъ? Отъ чего?»

—Такъ. Газета можетъ потерять репутацію. Если всякой начнетъ писать, что у него сбѣжалъ носъ, то... И такъ уже говорятъ, что печатается много несообразностей и ложныхъ слуховъ.

«Да чѣмъ же это дѣло несообразное? Тутъ, кажется, ничего нѣтъ такого.»

— Это вамъ такъ кажется, что нѣтъ. А вотъ, на прошлой недѣлѣ, такой же былъ случай. Пришелъ чи-

новникъ такимъ же образомъ, какъ вы теперь пришли, принесъ записку, денегъ по расчету пришлось 2 р. 73 к., и все объявленіе состояло въ томъ, что сбѣжалъ пудель черной шерсти. Кажется, что̀ бы тутъ такое? А вышелъ пасквиль: пудель-то этотъ былъ казначей не помню какого-то заведенія.

«Да вѣдь я вамъ не о пуделѣ дѣлаю объявленіе, а о собственномъ моемъ носѣ: стало быть почти то же, что о самомъ себѣ.»

— Нѣтъ, такого объявленія я никакъ не могу помѣстить.

« Да когда у меня точно пропалъ носъ!»

—Если пропалъ, то это дѣло медика. Говорятъ, что есть такіе люди, которые могутъ приставить какой угодно носъ. Но впрочемъ я замѣчаю, что вы должны быть человѣкъ веселаго нрава и любите въ обществѣ пошутить.

« Клянусь вамъ, вотъ какъ Богъ святъ! Пожалуй, ужъ если до того дошло, то я покажу вамъ.»

— Зачѣмъ безпокоиться! продолжалъ чиновникъ, нюхая табакъ. Впрочемъ, если не въ безпокойство — прибавилъ онъ съ движеніемъ любопытства — то желательно бы взглянуть.

Коллежскій ассессоръ отнялъ отъ лица платокъ.

— Въ самомъ дѣлѣ чрезвычайно странно!—сказалъ чиновникъ. Мѣсто совершенно гладкое, какъ будто бы только-что выпеченный блинъ. Да; до невѣроятности ровное.

«Ну, вы теперь будете спорить? Вы видите сами, что не льзя не напечатать. Я вамъ буду особенно благодаренъ, и очень радъ, что этотъ случай доставилъ мнѣ удовольствіе съ вами познакомиться.» Майоръ, какъ видно изъ этого, рѣшился на сей разъ немного поподличать.

—Напечатать-то, конечно, дѣло небольшое—сказалъ чиновникъ; только я не предвижу въ этомъ никакой для васъ выгоды. Если уже хотите, то отдайте тому, кто имѣетъ искусное перо, описать какъ рѣдкое произведеніе натуры и напечатать эту статейку въ Сѣверной Пчелѣ (тутъ онъ понюхалъ еще разъ табаку) для пользы юношества (тутъ онъ утеръ носъ), или такъ, для общаго любопытства.

Коллежскій ассессоръ былъ совершенно обезнадеженъ. Онъ опустилъ глаза внизъ газеты, гдѣ было извѣщеніе о спектакляхъ; уже лице его было готово улыбнуться, встрѣтивъ имя актрисы хорошенькой собою, и рука взялась за карманъ, есть ли при немъ синяя ассигнація, потому что штабъ-офицеры, по мнѣнію Ковалева, должны сидѣть въ креслахъ,—но мысль о носѣ все испортила!

Самъ чиновникъ, казалось, былъ тронутъ затруднительнымъ положеніемъ Ковалева. Желая сколько нибудь облегчить его горесть, онъ почелъ приличнымъ выразить участіе свое въ нѣсколькихъ словахъ. «Мнѣ, право, очень прискорбно, что съ вами случился такой анекдотъ. Не угодно ли вамъ понюхать табачку? это разбиваетъ головныя боли и печальныя расположенія; даже въ отношеніи къ ге-

мороидамъ это хорошо.» Говоря это, чиновникъ поднесъ Ковалеву табакерку, довольно ловко подвернувъ подъ нея крышку съ портретомъ какой-то дамы въ шляпкѣ.

Этотъ неумышленный поступокъ вывелъ изъ терпѣнія Ковалева. « Я не понимаю, какъ вы находите мѣсто шуткамъ » сказалъ онъ съ сердцемъ. « Развѣ вы не видите, что у меня именно нѣтъ того, чѣмъ бы я могъ понюхать? Чтобъ чортъ побралъ вашъ табакъ! Я теперь не могу смотрѣть на него, и не только на скверный вашъ березинскій, но хоть бы вы поднесли мнѣ самаго рапе.» Сказавши, онъ вышелъ, глубоко раздосадованный, изъ Газетной Экспедиціи, и отправился къ частному приставу.

Ковалевъ вошелъ къ нему въ то время, когда онъ потянулся, крикнулъ, и сказалъ: «Эхъ славно засну два часика!» И потому можно было предвидѣть, что приходъ коллежскаго ассессора былъ совершенно не во время. Частный былъ большой поощритель всѣхъ искуствъ и мануфактурностей; но государственную ассигнацію предпочиталъ всему. « Это вещь » — обыкновенно говорилъ онъ ; — «ужъ нѣтъ ничего лучше этой вещи: ѣсть не проситъ, мѣста займетъ немного, въ карманѣ всегда помѣстится, уронишь—не расшибется.»

Частный принялъ довольно сухо Ковалева и сказалъ, что послѣ обѣда не то время, чтобы производить слѣдствіе, что сама натура назначила, чтобы наѣвшись, не много отдохнуть (изъ этого коллежскій ассессоръ могъ видѣть, что частному при-

ставу были не безъизвѣстны изрѣченія древних мудрецовъ), что у порядочнаго человѣка не ото вутъ носа.

То есть, не въ бровь, а прямо въ глазъ! Нужн замѣтить, что Ковалевъ былъ чрезвычайно обид чивый человѣкъ. Онъ могъ простить все, что н говорили о немъ самомъ, но никакъ не извинялъ если это относилось къ чину или званію. Онъ да же полагалъ, что въ театральныхъ пьесахъ можн пропустить все то, что относится къ оберъ-офице рамъ, но на штабъ-офицеровъ никакъ не должн нападать. Пріемъ частнаго такъ его сконфузилъ что онъ тряхнулъ головою и сказалъ съ чувством достоинства, немного разставивъ свои руки: «При знаюсь, послѣ этакихъ обидныхъ съ вашей сто роны замѣчаній, я ничего не могу прибавить...» и вышелъ.

Онъ пріѣхалъ домой, едва слыша подъ собою но ги. Были уже сумерки. Печальною, или чрезвычайн гадкою показалась ему квартира послѣ всѣхъ этихъ неудачныхъ исканій. Взошедши въ переднюю, уви дѣлъ онъ на кожаномъ запачканномъ диванѣ лакея своего Ивана, который, лежа на спинѣ, плевалъ въ потолокъ и попадалъ довольно удачно въ одно и то же мѣсто. Такое равнодушіе человѣка взбѣсило его; онъ ударилъ его шляпою по лбу, примолвивъ: «ты, свинья, всегда глупостями занимаешься!»

Иванъ вскочилъ вдругъ съ своего мѣста и бро сился со всѣхъ ногъ снимать съ него плащъ.

Вошедши въ свою комнату, майоръ, усталый и печальный, бросился въ кресла, и наконецъ послѣ нѣсколькихъ вздоховъ сказалъ:

«Боже мой! Боже мой! За что это такое нещастіе? Будь я безъ руки или безъ ноги — все бы это лучше; будь я безъ ушей — скверно, однакожь все сноснѣе; но безъ носа человѣкъ — чортъ знаетъ что: птица не птица, гражданинъ не гражданинъ; просто, возьми да и вышвырни за окошко! И пусть бы уже на войнѣ отрубили или на дуэли, или я самъ былъ причиною; но вѣдь пропалъ ни за что, ни про что, пропалъ даромъ, за грошъ!... Только нѣтъ, не можетъ быть» — прибавилъ онъ, немного подумавъ. «Невѣроятно, чтобы носъ пропалъ; никакимъ образомъ невѣроятно. Это, вѣрно, или во снѣ снится, или просто грезится; можетъ быть, я какъ нибудь ошибкою выпилъ вмѣсто воды водку, которою вытираю послѣ бритья себѣ бороду. Иванъ-дуракъ не принялъ, и я вѣрно схватилъ ее.»—Чтобы дѣйствительно увѣриться, что онъ не пьянъ, майоръ ущипнулъ себя такъ больно, что самъ вскрикнулъ. Эта боль совершенно увѣрила его, что онъ дѣйствуетъ и живетъ наяву. Онъ потихоньку приблизился къ зеркалу, и съ начала зажмурилъ глаза съ тою мыслію, что авось-либо носъ покажется на своемъ мѣстѣ; но въ ту жь минуту отскочилъ назадъ, сказавши: «Экой пасквильный видъ!»

Это было точно непонятно. Еслибы пропала пуговица, серебренная ложка, часы, или что нибудь подобное; но пропасть, и кому же пропасть? и при-

томъ еще на собственной квартирѣ! .. Майоръ Ковалевъ, сообразя всѣ обстоятельства, предполагалъ едва ли неближе всего къ истинѣ, что виною этого долженъ быть не кто другой, какъ штабъ-офицерша Подточина, которая желала, чтобы онъ женился на ея дочери. Онъ и самъ любилъ за нею приволокнуться, но избѣгалъ окончательной раздѣлки. Когда же штабъ-офицерша объявила ему напрямикъ, что она хочетъ выдать ее за него, онъ потихоньку отчалилъ своими комплиментами, сказавши, что еще молодъ, что нужно ему прослужить лѣтъ пятокъ, чтобы уже ровно было сорокъ два года. И потому штабъ-офицерша, вѣрно изъ мщенія, рѣшилась его испортить, и наняла для этого какихъ нибудь колдовокъ-бабъ потому что ни какимъ образомъ нельзя было предположить, чтобы носъ былъ отрѣзанъ; никто не входилъ къ нему въ комнату; цирюльникъ же Иванъ Яковлевичь брилъ его еще въ среду, а въ продолженіе всей среды и даже во весь четвертокъ носъ у него былъ цѣлъ,—это онъ помнилъ и зналъ очень хорошо; притомъ была бы имъ чувствуема боль, и безъ сомнѣнія рана не могла бы такъ скоро зажить и быть гладкою, какъ блинъ. Онъ строилъ въ головѣ планы: звать ли штабъ-офицершу формальнымъ порядкомъ въ судъ или явиться къ ней самому и уличить ее. Размышленія его прерваны были свѣтомъ, блеснувшимъ сквозь всѣ скважины дверей, который далъ знать, что свѣча въ передней уже зажжена Иваномъ. Скоро показался и самъ Иванъ, неся ее передъ собою и озаряя ярко всю комнату. Первымъ движеніемъ Ковалева

было схватить платокъ и закрыть то мѣсто, гдѣ вчера еще былъ носъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ глупой человѣкъ не зазѣвался, увидя у барина такую странность.

Не успѣлъ Иванъ уйти въ кануру свою, какъ послышался въ передней незнакомый голосъ, произнесшій: «Здѣсь ли живетъ коллежскій ассессоръ Ковалевъ?»

— Войдите. Майоръ Ковалевъ здѣсь — сказалъ Ковалевъ, вскочивши поспѣшно и отворяя дверь.

Вошелъ полицейскій чиновникъ красивой наружности, съ бакенбардами не слишкомъ свѣтлыми и нетемными, съ довольно полными щеками, тотъ самый, который въ началѣ повѣсти стоялъ въ концѣ Исакіевскаго Моста.

«Вы изволили затерять носъ свой?»

— Такъ точно.

«Онъ теперь найденъ.»

— Что вы говорите? закричалъ майоръ Ковалевъ.— — Радость отняла у него языкъ. Онъ глядѣлъ въ оба на стоявшаго передъ нимъ квартальнаго, на полныхъ губахъ и щекахъ котораго ярко мелькалъ трепетный свѣтъ свѣчи. «Какимъ образомъ?»

— Страннымъ случаемъ: его перехватили почти на дорогѣ. Онъ уже садился въ дилижансъ и хотѣлъ уѣхать въ Ригу. И пашпортъ давно былъ написанъ на имя одного чиновника. И странно то, что я самъ принялъ его съ начала за господина. Но къ щастію

были со мной очки, и я тотъ же часъ увидѣлъ, что это былъ носъ. Вѣдь я близорукъ, и если вы станете передо мною, то я вижу только, что у васъ лице, но ни носа ни бороды, ничего не замѣчу. Моя теща, т. е. мать жены моей, то же ничего не видитъ.

Ковалевъ былъ внѣ себя. «Гдѣ же онъ? Гдѣ? Я сей часъ побѣгу.»

— Не безпокойтесь. Я, зная, что онъ вамъ нуженъ, принесъ его съ собою. И странно то, что главный участникъ въ этомъ дѣлѣ есть мошенникъ цирюльникъ на Вознесенской Улицѣ, который сидитъ теперь на съѣзжей. Я давно подозрѣвалъ его въ пьянствѣ и воровствѣ, и еще третьяго дня стащилъ онъ въ одной лавочкѣ бортище пуговицъ. Носъ вашъ совершенно таковъ, какъ былъ. — При этомъ квартальный полѣзъ въ карманъ и вытащилъ оттуда завернутый въ бумажкѣ носъ.

«Такъ, онъ!» — закричалъ Ковалевъ — «точно онъ! Откушайте сегодня со мною чашечку чаю.»

— Почелъ бы за большую пріятность, но никакъ не могу. Мнѣ нужно заѣхать отсюда въ смирительный домъ... Очень большая поднялась дороговизна на всѣ припасы... У меня въ домѣ живетъ и теща, то есть мать моей жены, и дѣти; старшій особенно подаетъ большія надежды: очень умный мальчишка, но средствъ для воспитанія совершенно нѣтъ никакихъ.......

Коллежскій ассессоръ, по уходѣ квартальнаго, нѣсколько минутъ оставался въ какомъ-то неопре-

дѣленномъ состояніи и едва черезъ нѣсколько минутъ пришелъ въ возможность видѣть и чувствовать: въ такое безпамятство повергла его неожиданная радость. Онъ взялъ бережливо найденный носъ въ обѣ руки, сложенныя горстью, и еще разъ разсмотрѣлъ его внимательно.

«Такъ онъ, точно онъ!» говорилъ майоръ Ковалевъ. «Вотъ и прыщикъ на лѣвой сторонѣ, вскочившій вчерашняго дня.» Майоръ чуть не засмѣялся отъ радости.

Но на свѣтѣ нѣтъ ничего долговременнаго: а потому и радость въ слѣдующую минуту за первою уже не такъ жива; въ третью минуту она становится еще слабѣе, и наконецъ незамѣтно сливается съ обыкновеннымъ положеніемъ души, какъ на водѣ кругъ, рожденный паденіемъ камешка, наконецъ сливается съ гладкою поверхностью. Ковалевъ началъ размышлять, и смекнулъ, что дѣло еще не кончено: носъ найденъ, но вѣдь нужно же его приставить, помѣстить на свое мѣсто.

«А что, если онъ не пристанетъ?»

При такомъ вопросѣ, сдѣланномъ самому себѣ, майоръ поблѣднѣлъ.

Съ чувствомъ неизъяснимаго страха бросился онъ къ столу, придвинулъ зеркало, чтобы какъ нибудь не поставить носъ криво. Руки его дрожали. Осторожно и осмотрительно наложилъ онъ его на прежнее мѣсто. О ужасъ! Носъ не приклеивался!... Онъ поднесъ его ко рту, нагрѣлъ его слегка своимъ ды-

ханіемъ и опять поднесъ къ гладкому мѣсту, находившемуся между двухъ щекъ; но носъ никакимъ образомъ не держался.

«Ну! ну же! полѣзай, дуракъ!» говорилъ онъ ему. Но носъ былъ какъ деревянный, и падалъ на столъ съ такимъ страннымъ звукомъ, какъ будто бы пробка. Лице майора судорожно скривилось. «Не уже ли онъ не прирастетъ?» говорилъ онъ въ испугѣ. Но сколько разъ ни подносилъ онъ его на его же собственное мѣсто, стараніе было попрежнему неуспѣшно.

Онъ кликнулъ Ивана, и послалъ его за докторомъ, который занималъ въ томъ же самомъ домѣ лучшую квартиру въ бель-этажѣ. Докторъ этотъ былъ видный изъ себя мужчина, имѣлъ прекрасные смолистые бакенбарды, свѣжую, здоровую докторшу, ѣлъ поутру свѣжія яблоки и держалъ ротъ въ необыкновенной чистотѣ, полоща его каждое утро почти три четверти часа и шлифуя зубы пятью разныхъ родовъ щеточками. Докторъ явился въ ту же минуту. Спросивши, какъ давно случилось несчастіе, онъ поднялъ майора Ковалева за подбородокъ и далъ ему большимъ пальцемъ щелчка въ то самое мѣсто, гдѣ прежде былъ носъ, такъ что майоръ долженъ былъ откинуть свою голову назадъ съ такою силою, что ударился затылкомъ въ стѣну. Медикъ сказалъ, что это ничего, и посовѣтовавши отодвинуться немного отъ стѣны, велѣлъ ему перегнуть голову сначала на правую сторону, и пощупавши то мѣсто, гдѣ прежде былъ носъ, сказалъ: «Гм!» Потомъ велѣлъ

ему перегнуть голову на лѣвую сторону и сказалъ «Гм!» И въ заключеніе далъ опять ему большимъ пальцемъ щелчка, такъ что майоръ Ковалевъ дернулъ головою какъ конь, которому смотрятъ въ зубы. Сдѣлавши такую пробу, медикъ покачалъ головою и сказалъ: «Нѣтъ, не льзя. Вы ужь лучше такъ оставайтесь, потому что можно сдѣлать еще хуже. Оно конечно, приставить можно; я бы, пожалуй, вамъ сейчасъ приставилъ его; но я васъ увѣряю, что это для васъ хуже.»

— Вотъ хорошо! Какъ же мнѣ оставаться безъ носа? — сказалъ Ковалевъ. Ужь хуже не можетъ быть, какъ теперь. Это просто чортъ знаетъ что! Куда же я съ этакою пасквильностію покажуся? Я имѣю хорошее знакомство: вотъ и сего дня мнѣ нужно быть на вечерѣ въ двухъ домахъ. Я со многими знакомъ: статская совѣтница Чехтарева, Подточина штабъ-офицерша... хоть послѣ теперешняго поступка ея я не имѣю съ ней другаго дѣла, какъ только чрезъ полицію. Сдѣлайте милость — произнесъ Ковалевъ умоляющимъ голосомъ — нѣтъ ли средства? какъ нибудь приставьте; хоть не хорошо, лишь бы только держался; я даже могу его слегка подпирать рукою въ опасныхъ случаяхъ. Я же притомъ и не танцую, чтобы могъ вредить какимъ нибудь неосторожнымъ движеніемъ. Все, что относится нащетъ благодарности за визиты, ужь будьте увѣрены, сколько дозволятъ мои средства...

« Вѣрите ли » — сказалъ Докторъ ни громкимъ, ни тихимъ голосомъ, но чрезвычайно увѣтливымъ и

магнетическимъ—«что я никогда изъ корысти не лечу. Это противно моимъ правиламъ и моему искусству. Правда, я беру за визиты, но единственно съ тѣмъ только, чтобы не обидѣть моимъ отказомъ. Конечно, я бы приставилъ вашъ носъ; но я васъ увѣряю честью, если уже вы не вѣрите моему слову что это будетъ гораздо хуже. Предоставьте лучше дѣйствію самой натуры. Мойте чаще холодною водою, и я васъ увѣряю, что вы, не имѣя носа, будете также здоровы, какъ если бы имѣли его. А носъ я вамъ совѣтую положить въ банку со спиртомъ или еще лучше влить туда двѣ столовыя ложки острой водки и подогрѣтаго уксуса,—и тогда вы можете взять за него порядочныя деньги. Я даже самъ возьму его, если вы только не подорожитесь.»

— Нѣтъ, нѣтъ! ни за что не продамъ!—вскричалъ отчаянный майоръ Ковалевъ: лучше пусть онъ пропадетъ!

«Извините»—сказалъ докторъ, откланиваясь,—«я хотѣлъ быть вамъ полезнымъ... Чтожъ дѣлать! По крайней мѣрѣ, вы видѣли мое стараніе.» Сказавши это, докторъ съ благородною осанкою вышелъ изъ комнаты. Ковалевъ не замѣтилъ даже лица его, и въ глубокой безчувственности видѣлъ только выглядывавшие изъ рукавовъ его чернаго фрака рукавчики бѣлой и чистой какъ снѣгъ рубашки.

Онъ рѣшился на другой же день, прежде представленія жалобы, писать къ штабъ-офицершѣ, не согласится

ли она безъ бою возвратитъ ему то, что слѣдуетъ. Письмо было такого содержанія:

Милостивая государыня,

Александра Григорьевна.

Не могу понять страннаго со стороны вашей дѣйствія. Будьте увѣрены, что, поступая такимъ образомъ, ничего вы не выиграете и ни чуть не принудите меня жениться на вашей дочери. Повѣрьте, что исторія нащетъ моего носа мнѣ совершенно извѣстна, равно какъ то, что въ этомъ вы есть главныя участницы, а не кто другой. Внезапное его отдѣленіе съ своего мѣста, побѣгъ и маскированіе, то подъ видомъ одного чиновника, то наконецъ въ собственномъ видѣ, есть больше ничего, кромѣ слѣдствіе волхвованій, произведенныхъ вами или тѣми, которые упражняются въ подобныхъ вамъ благородныхъ занятіяхъ. Я съ своей стороны почитаю долгомъ васъ предувѣдомить, если упоминаемый мною носъ не будетъ сегодня же на своемъ мѣстѣ, то я принужденъ буду прибѣгнуть къ защитѣ и покровительству законовъ.

Впрочемъ съ совершеннымъ почтеніемъ къ вамъ имѣю честь быть

вашъ покорный слуга

Платонъ Ковалевъ.

Милостивый государь

Платонъ Кузьмичь.

Чрезвычайно удивило меня письмо ваше. Я, признаюсь вамъ по откровенности, никакъ не ожидала, а

тѣмъ болѣе относительно несправедливыхъ укоризнъ со стороны вашей. Предувѣдомляю васъ, что я чиновника, о которомъ упоминаете вы, никогда не принимала у себя въ домѣ, ни замаскированнаго, ни въ настоящемъ видѣ. Бывалъ у меня, правда, Филиппъ Ивановичь Потанчиковъ. И хотя онъ точно искалъ руки моей дочери, будучи самъ хорошаго, трезваго поведенія и великой учености; но я никогда не подавала ему никакой надежды. Вы упоминаете еще о носѣ. Если вы разумѣете подъ симъ, что будтобы я хотѣла оставить васъ съ носомъ, то есть, дать вамъ формальный отказъ: то меня удивляетъ, что вы сами объ этомъ говорите, тогда какъ я, сколько вамъ извѣстно, была совершенно противнаго мнѣнія, и если вы теперь же посватаетесь на моей дочери законнымъ образомъ, я готова сей же часъ удовлетворить васъ, ибо это составляло всегда предметъ моего живѣйшаго желанія, въ надеждѣ чего остаюсь всегда готовою къ услугамъ вашимъ

Александра Подточина.

«Нѣтъ»—говорилъ Ковалевъ, прочитавши письмо. «Она точно не виновата. Не можетъ быть! Письмо такъ написано, какъ не можетъ написать человѣкъ виноватый въ преступленіи.» Коллежскій ассессоръ былъ въ этомъ свѣдущъ потому, что былъ посыланъ нѣсколько разъ на слѣдствіе еще въ Кавказской Области. «Какимъ же образомъ, какими судьбами это приключилось? Только чортъ разберетъ это!» сказалъ онъ наконецъ, опустивъ руки.

Между тѣмъ слухи объ этомъ необыкновенномъ

происшествіи распространились по всей столицѣ и, какъ водится, не безъ особенныхъ прибавленій. Тогда умы всѣхъ именно настроены были къ чрезвычайному: недавно только-что занимали опыты дѣйствія магнетизма. Притомъ исторія о танцующихъ стульяхъ въ Конюшенной улицѣ была еще свѣжа, и потому нечего удивляться, что скоро начали говорить, будто носъ коллежскаго ассессора Ковалева ровно въ 3 часа прогуливается по Невскому Проспекту. Любопытныхъ стекалось каждый день множество. Сказалъ кто-то, что носъ будто бы находился въ магазинѣ Юнкера: и возлѣ Юнкера такая сдѣлалась толпа и давка, что должна была даже полиція вступиться. Одинъ спекуляторъ почтенной наружности, съ бакенбардами, продававшій при входѣ въ театръ разные сухіе кондитерскіе пирожки, нарочно подѣлалъ прекрасныя, деревянныя, прочныя скамьи, на которыя приглашалъ любопытныхъ становиться за 80 копѣекъ отъ каждаго посѣтителя. Одинъ заслуженный полковникъ нарочно для этого вышелъ раньше изъ дому, и съ большимъ трудомъ пробрался сквозь толпу; но къ большому негодованію своему увидѣлъ въ окнѣ магазина вмѣсто носа обыкновенную шерстяную фуфайку и литографированную картинку съ изображеніемъ дѣвушки поправлявшей чулокъ, и глядѣвшаго на нее изъ-за дерева франта съ откиднымъ жилетомъ и небольшою бородкою, картинку, уже болѣе десяти лѣтъ висящую все на одномъ мѣстѣ. Отошедъ, онъ сказалъ съ досадою: «какъ можно этакими глупыми и неправдоподобными слухами смущать народъ?»—Потомъ пронесся слухъ, что

не на Невскомъ Проспектѣ, а въ Таврическомъ Саду прогуливается носъ майора Ковалева, что будто бы онъ давно уже тамъ, что когда еще проживалъ тамъ Хосровъ-Мирза, то очень удивлялся этой странной игрѣ природы. Нѣкоторые изъ студентовъ Хирургической Академіи отправились туда. Одна знатная, почтенная дама просила особеннымъ письмомъ смотрителя за садомъ показать дѣтямъ ея этотъ рѣдкій феноменъ, и если можно, съ обясненіемъ наставительнымъ и назидательнымъ для юношей.

Всѣмъ этимъ происшествіямъ были чрезвычайно рады всѣ свѣтскіе, необходимые посѣтители раутовъ, любившіе смѣшить дамъ, у которыхъ запасъ въ то время совершенно истощился. Небольшая часть почтенныхъ и благонамѣренныхъ людей была чрезвычайно недовольна. Одинъ господинъ говорилъ съ негодованіемъ, что онъ не понимаетъ, какъ въ нынѣшній просвѣщенный вѣкъ могутъ распространяться нелѣпыя выдумки, и что онъ удивляется, какъ не обратитъ на это вниманіе правительство.

Послѣ этого, какъ-то странно и совершенно неизъяснимымъ образомъ случилось, что у майора Ковалева опять показался на своемъ мѣстѣ носъ. Это случилось уже въ началѣ Мая, не помню 5 или 6 числа. Майоръ Ковалевъ, проснувшись по утру, взялъ зеркало и увидѣлъ, что носъ сидѣлъ уже гдѣ слѣдуетъ, между двумя щеками. Въ изумленіи онъ выронилъ зеркало на полъ, и все щупалъ пальцами, дѣйствительно ли это былъ носъ. Но увѣрившись, что

это былъ точно не кто другой, какъ онъ самый, онъ соскочилъ съ кровати въ одной рубашкѣ и началъ плясать по всей комнатѣ какой-то танецъ, составленный изъ мазурки, кадриля и тропака. — Потомъ приказалъ дать себѣ одѣться, умылся, выбрилъ бороду, которая уже отросла-было, такъ что могла вмѣсто щетки чистить платье, — и чрезъ нѣсколько минутъ видѣли уже коллежскаго ассессора на Невскомъ Проспектѣ, весело поглядывавшаго на всѣхъ; а многіе даже примѣтили его покупавшаго въ гостиномъ дворѣ узенькую орденскую ленточку, неизвѣстно для какихъ причинъ, потому что у него не было никакого ордена.

Чрезвычайно странная исторія! Я совершенно ничего не могу понять въ ней. И для чего все это? Къ чему это? Я увѣренъ, что больше половины въ ней неправдоподобнаго. Не можетъ быть, никакимъ образомъ не можетъ быть, чтобы носъ одинъ самъ собою ѣздилъ въ мундирѣ и притомъ еще въ рангѣ статскаго совѣтника! И не уже ли въ самомъ дѣлѣ Ковалевъ не могъ смекнуть, что чрезъ газетную экспедицію не льзя объявлять о носѣ? Я здѣсь не въ томъ смыслѣ говорю, что бы мнѣ казалось дорого заплатить за объявленіе: это пустяки, и я совсѣмъ не изъ числа корыстолюбивыхъ людей; но неприлично, совсѣмъ неприлично, нейдетъ. Несообразность и больше ничего! — И цирюльникъ Иванъ Яковлевичь вдругъ явился и пропалъ, неизвѣстно къ чему, неизвѣстно для чего. — Я, признаюсь, не могу постичь, какъ я могъ написать это? — Да и для меня во-

обще непонятно, какъ могутъ авторы брать такого рода сюжеты! Къ чему все это ведетъ? Для какой цѣли? Что доказываетъ эта повѣсть? Не понимаю, совершенно не понимаю. — Положимъ, для фантазіи законъ не писанъ, и притомъ дѣйствительно случается въ свѣтѣ много совершенно неизъяснимыхъ происшествій; но какъ здѣсь? . . Отъ чего носъ Ковалева? . . И зачѣмъ самъ Ковалевъ? . . . Нѣтъ, не понимаю, совсѣмъ не понимаю. Для меня это такъ неизъяснимо, что я . . . Нѣтъ, этого не льзя понять!

Н. Гоголь.

Kennst du das Land?

Kennst du das Land wo blüht
Oranienbaum?

Kennst du das Land, гдѣ фиміамомъ чистымъ
Упоены воздушныя струи,
Гдѣ по холмамъ прохладнымъ и тѣнистымъ
Весна таитъ сокровища свои?
Гдѣ нѣгой розъ и блескомъ ихъ румянца
Ковры луговъ пестрѣютъ и цвѣтутъ,
И гдѣ срослись и злато померанца,
И зелени душистый изумрудъ?

Kennst du das Land, гдѣ сѣверъ смотритъ югомъ,
Роскошно-свѣжъ, улыбчиво-красивъ,
И свѣтлый брегъ зеленымъ полукругомъ
Спускается на голубой заливъ?

Тамъ все цвѣтетъ, тамъ все благоухаетъ!
Счастливый міръ волшебства и чудесъ!
И на душу тамъ что-то навѣваетъ
Златые дни полуденныхъ небесъ.

Kennst du das Land, гнѣздо орловъ и грома,
Гдѣ бурь мірскихъ безвѣстенъ нынѣ шумъ,
Гдѣ дышетъ миръ, гдѣ умъ и сердце дома,
И есть просторъ порыву чувствъ и думъ?
Тамъ храмъ стоитъ, богамъ пріютъ любимый,
Предъ олтаремъ искусства и наукъ;
Свѣтло горитъ тамъ пламенникъ, хранимый
Заботливымъ служеньемъ нѣжныхъ рукъ!

Kennst du das Land, гдѣ пурпуромъ и златомъ
Сгараетъ день въ блистательномъ вѣнцѣ,
И тихо дня любуяся закатомъ,
Красавица, съ раздумьемъ на лицѣ,
Съ мольбой въ глазахъ, съ улыбкой умиленья,
Душой глядитъ, какъ меркнетъ дня кумиръ?
И ангелъ ей несетъ благословенья,
Ей и землѣ даруя сладкій миръ!

Волшебная страна! предмѣстье рая!
Тамъ день безъ тучъ, тамъ радость безъ труда!
Тамъ царствуетъ богиня молодая,
Чужихъ небесъ прекрасная звѣзда!

Въ полночное созвѣздье закатившись,
Свѣтло взошла надъ Русскою землей,
И съ звѣздною семьею породнившись,
Она горитъ намъ прелестью родной!

Dahin, dahin, * * * нашъ Торквато!
Dahin, dahin, нашъ Тиціанъ-Брюловъ!
Тамъ закипитъ въ васъ горячо и свято
Живой восторгъ возвышенныхъ трудовъ!
Тамъ мыслямъ есть гостепріимный геній,
И есть привѣтъ фантазіямъ мечты!
Для лиры тамъ есть Муза вдохновеній,
Для кисти есть Харита красоты!

К. В.

МНѢНІЕ М. А. ЛОБАНОВА

О ДУХѢ СЛОВЕСНОСТИ, КАКЪ ИНОСТРАННОЙ, ТАК[Ъ] И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ.

(Читано имъ 18 Января 1836 г. въ Императорско[й] Россійской Академіи.)

Г. Лобановъ заблагоразсудилъ дать своему мнѣ-нію форму неопредѣленную, вовсе неакадемическую: это краткая статья, въ родѣ *журнальныхъ отмѣ-токъ,* помѣщаемыхъ въ *Литтературныхъ Прибавл[е]-ніяхъ къ Русскому Инвалиду*. Можетъ статься, то, чт[о] хорошо въ журналѣ, покажется слишкомъ легко[]-вѣснымъ, если будетъ произнесено въ присутстві[и] всей академіи и торжественно потомъ обнародовано. Какъ бы то ни было, мнѣніе г. Лобанова заслу-живаетъ и даже требуетъ самаго внимательнаго раз-смотрѣнія.

«Любовь къ чтенію и желанію образованія (так[ъ] начинается статья Г. Лобанова) сильно увеличи-лись въ нашемъ Отечествѣ въ послѣдніе годы

Умножились типографіи, умножилось число книгъ; журналы расходятся въ большемъ количествѣ; книжная торговля распространяется.»

Находя событіе сіе *пріятнымъ для наблюдателя успѣховъ въ нашемъ Отечествѣ*, г. Лобановъ изрекаетъ неожиданное обвиненіе. «Безпристрастные наблюдатели»—говоритъ онъ—«носящіе въ сердцахъ своихъ любовь ко всему, что клонится къ благу Отечества, преходя въ памяти своей все, въ последнія времена ими читанное, не безъ содроганія могутъ сказать: есть и въ нашей новѣйшей словесности нѣкоторый отголосокъ безнравія и нелѣпостей, порожденныхъ иностранными писателями.»

Г. Лобановъ, не входя въ объясненіе того, что разумѣетъ онъ подъ словами *безнравіе* и *нелѣпость*, продолжаетъ: «Народъ заимствуетъ у народа, и заимствовать полезное, подражать изящному — предписываетъ благоразуміе. Но что жъ заимствовать нынѣ (говорю о чистой словесности) у новѣйшихъ писателей иностранныхъ? Они часто обнажаютъ такія нелѣпыя, гнусныя и чудовищныя явленія, распространяютъ такія пагубныя и разрушительныя мысли, о которыхъ читатель до тѣхъ поръ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, и которыя насильственно влагаютъ въ душу его зародышъ безнравія, безвѣрія, и слѣдовательно будущихъ заблужденій или преступленій.»

«Уже ли жизнь и кровавыя дѣла разбойниковъ, палачей и имъ подобныхъ, наводняющихъ нынѣ

словесность въ повѣстяхъ, романахъ, въ стиха
и прозѣ, и питающихъ одно только любопытств
представляются въ образецъ для подражанія? У
ли отвратительнѣйшія зрѣлища, внушающія
назидательный ужасъ, а омерзѣніе, возмущающ
душу, служатъ въ пользу человѣчеству? Уже ли и
тощилось необъятное поприще благороднаго, наз
дательнаго, добраго и возвышеннаго, что обратили
къ нелѣпому, *отвратному (?)*, омерзительному,
даже ненавистному?»

Въ подтвержденіе сихъ обвиненій г. Лобано
приводитъ извѣстное мнѣніе Эдимбургскихъ журн
листовъ *о нынѣшнемъ состояніи Французской Сл
весности.* При семъ случаѣ своды Академіи огласі
лись собственными именами Жюль-Жанена, Евгені
Сю и прочихъ; имена сіи снабжены были странны
ми прилагательными.... Но что, если (паче всяка
чаянія) статья г. Лобанова будетъ переведена, и сі
господа увидятъ имена свои, напечатанныя въ о
четѣ Императорской Россійской Академіи? Н
пропадетъ ли втунѣ все краснорѣчіе нашего ора
тора? Не въ правѣ ли будутъ они гордиться тако
честію неожиданной, неслыханной въ лѣтописях
Европейскихъ академій, гдѣ доселѣ произносилис
имена только тѣхъ изъ живыхъ людей, которые воз
двигнули себѣ вѣковѣчные памятники своими талан
тами, заслугами и трудами? (Академіи безмолствова
ли о другихъ.) Критическая статья Англійскаго ари
старха напечатана была въ журналѣ; тамъ она за
няла ей приличное мѣсто, и произвела свое дѣй

ствіе. У насъ *Библіотека* перевела ее, и хорошо сдѣлала. Но тутъ и надлежало остановиться.

« Для Франціи» — пишетъ г. Лобановъ — «для народовъ, отуманенныхъ гибельною для человѣчества новѣйщею философіею, огрубѣлыхъ въ кровавыхъ явленіяхъ революцій, и упавшихъ въ омутъ душевнаго и умственнаго разврата, самыя отвратительнѣйшія зрѣлища, напримѣръ: гнуснѣйшая изъ драмъ, омерзительнѣйшій хаосъ ненавистнаго безстыдства и кровосмѣшенія, *Лукреція Борджіа*, не кажутся имъ таковыми; самыя разрушительнѣйшія мысли для нихъ не столь заразительны: ибо они давно ознакомились и, такъ сказать, срослись съ ними въ ужасахъ революцій.»

Спрашиваю: можно ли на цѣлый народъ изрекать такую страшную анаѳему? Народъ, который произвелъ Фенелона, Расина, Боссюэта, Паскаля и Монтескьё,—который и нынѣ гордится Шатобріаномъ и Балланшемъ; народъ, который Ламартина призналъ первымъ изъ своихъ поэтовъ, который Нибуру и Галламу противопоставилъ Баранта, обоихъ Тьерри и Гизо; народъ, который оказываетъ столь сильное религіозное стремленіе, который такъ торжественно отрекается отъ жалкихъ скептическихъ умствованій минувшаго столѣтія,—ужели весь сей народъ долженъ отвѣтствовать за произведенія нѣсколькихъ писателей, большею частію молодыхъ людей, употребляющихъ во зло свои таланты, и основывающихъ корыстные расчеты на любопытствѣ и нервной раз-

дражительности читателей? Для удовлетворенія пу
лики, всегда требующей новизны и сильныхъ вп
чатлѣній, многіе писатели обратились къ изобра
ніямъ отвратительнымъ, мало заботясь объ изя
номъ, объ истинѣ, о собственномъ убѣжденіи.
нравственное чувство, какъ и талантъ, дается не в
кому. Не льзя требовать отъ всѣхъ писателей ст
мленія къ одной цѣли. Никакой законъ не може
сказать: пишите именно о такихъ-то предметахъ
не о другихъ. Мысли, какъ и дѣйствія, раздѣляют
на *преступныя* и на *неподлежащія никакой о*
вѣтственности. Законъ не вмѣшивается въ пр
вычки частнаго человѣка, не требуетъ отчета о е
обѣдѣ, о его прогулкахъ, и тому подобномъ: зако
также не вмѣшивается въ предметы, избираемые п
сателемъ, не требуетъ чтобъ онъ описывалъ нра
Женевскаго пастора, а не приключенія разбойни
или палача, выхвалялъ щастіе супружеское, а
смѣялся надъ невзгодами брака. Требовать отъ всѣ
произведеній словесности изящества или нравстве
ной цѣли было бы то же, что требовать отъ всяк
го гражданина безпорочнаго житья и образовани
сти. Законъ постигаетъ одни преступленія, оставл
слабости и пороки на совѣсть каждаго. Вопре
мнѣнію г. Лобанова, мы не думаемъ, чтобъ нынѣш
ніе писатели *представляли разбойниковъ и палаче*
въ образецъ для подражанія. Лесажъ, написавъ «Жи
блаза» и «Гусмана д'Альфарашъ», конечно, не имѣл
намѣренія преподавать уроки въ воровствѣ и в
плутняхъ. Шиллеръ сочинилъ своихъ «Разбойников
вѣроятно не съ тою цѣлію, чтобъ молодыхъ люде

вызвать изъ университетовъ на большія дороги. Зачѣмъ же и въ нынѣшнихъ писателяхъ предполагать преступные замыслы, когда ихъ произведенія просто изъясняются желаніемъ занять и поразить воображеніе читателя? Приключенія ловкихъ плутовъ, страшныя исторіи о разбойникахъ, о мертвецахъ и пр. всегда занимали любопытство не только дѣтей, но и взрослыхъ ребятъ; а разскащики и стихотворцы изстари пользовались этой наклонностію души нашей.

Мы не полагаемъ, чтобы нынѣшняя раздражительная, *опрометчивая, безсвязная Французская Словесность была слѣдствіемъ политическихъ волненій* *. Въ Словесности Французской совершилась своя революція, чуждая политическому перевороту, низпровергшему старинную монархію Людовика XIV. Въ самое мрачное время революціи, литтература производила приторныя, сентиментальныя, нравоучительныя книжки. Литтературныя чудовища начали появляться уже въ послѣднія времена кроткаго и благочестиваго Возстановленія (Restauration). Начало сему явленію должно искать въ самой литтературѣ. Долгое время покорствовавъ своенравнымъ уставамъ, давшимъ ей слишкомъ стѣснительныя формы, она ударилась въ крайнюю сторону, и забвеніе всякихъ правилъ стала почитать законною свободой. Мелочная и ложная теорія, утвержденная старинными риторами, будто бы *польза* есть условіе и цѣль изящной словесности, сама собою уничтожилась. Почув-

* Современникъ, N° I: «О движеніи Журнальной Литтературы».

ствовали, что цѣль художества есть *идеалъ*, а не *нравоученіе.* Но писатели Французскіе поняли одну только половину истины неоспоримой, и положили, что и нравственное безобразіе можетъ быть цѣлію поэзіи, т. е. идеаломъ! Прежніе романисты представляли человѣческую природу въ какой-то жеманной напыщенности; награда добродѣтели и наказаніе порока были непремѣннымъ условіемъ всякаго ихъ вымысла: нынѣшніе, напротивъ, любятъ выставлять порокъ всегда и вездѣ торжествующимъ, и въ сердцѣ человѣческомъ обрѣтаютъ только двѣ струны: эгоизмъ и тщеславіе. Таковой поверхностный взглядъ на природу человѣческую обличаетъ, конечно, мелкомысліе, и вскорѣ такъ-же будетъ смѣшонъ и приторенъ, какъ чопорность и торжественность романовъ Арно и г-жи Котенъ, Покамѣстъ онъ еще новъ, и публика, т. е. большинство читателей, съ непривычки, видитъ въ нынѣшнихъ романистахъ глубочайшихъ знатоковъ природы человѣческой. Но уже «словесность отчаянія» (какъ назвалъ ее Гёте), «словесность сатаническая» (какъ говоритъ Соувей), словесность гальваническая, каторжная, пуншевая, кровавая, цыгарочная и пр., —эта словесность, давно уже осужденная высшею критикою, начинаетъ упадать даже и во мнѣніи публики.

Французская Словесность, со временъ Кантемира имѣвшая всегда прямое или косвенное вліяніе на рождающуюся нашу литтературу, должна была отозваться и въ нашу эпоху. Но нынѣ вліяніе ея было слабо. Оно ограничилось только переводами и кой-какими подражаніями, не имѣвшими большаго

успѣха. Журналы наши, которые, какъ и вездѣ, правильно и неправилно управляютъ общимъ мнѣніемъ, вообще оказались противниками новой романической школы. Оригинальные романы, имѣвшіе у насъ наиболѣе успѣха, принадлежатъ къ роду нравоописательныхъ и историческихъ. Лесажъ и Вальтеръ - Скоттъ, служили имъ образцами, а не Бальзакъ и не Жюль - Жаненъ. Поэзія осталась чужда вліянію Французскому; она болѣе и болѣе дружится съ Поэзіей Германскою, и гордо сохраняетъ свою независимость отъ вкусовъ и требованій публики.

« Останавливаясь на духѣ и направленіи нашей словесности» — продолжаетъ г. Лобановъ — «всякой просвѣщенный человѣкъ, всякой благомыслящій Русскій видитъ: въ теоріяхъ наукъ — сбивчивость, непроницаемую тьму и хаосъ несвязныхъ мыслей; въ приговорахъ литтературныхъ — совершенную безотчетность, безсовѣстность, наглость и даже буйство. Приличіе, уваженіе, здравый умъ отвергнуты, забыты, уничтожены. Романтизмъ, слово до сихъ поръ неопредѣленное, но слово магическое, сдѣлался для многихъ эгидою совершенной безотчетливости и литтературнаго сумасбродства. Критика, сія кроткая наставница и добросовѣстная подруга словесности, нынѣ обратилась въ площадное гаерство, въ литтературное пиратство, въ способъ добывать себѣ поживу изъ кармана слабоумія дерзкими и буйными выходками, не рѣдко даже противъ мужей государственныхъ, знаменитыхъ и гражданскими и литтературными заслугами. Ни санъ, ни умъ, ни талантъ,

ни лѣта, ни что не уважается. Ломоносовъ слыветъ педантомъ. Величайшій геній, оставившій въ достояніе Россіи высокую пѣснь Богу, пѣснь, которой нѣтъ равной ни на одномъ языкѣ народовъ вселенной, какъ бы не существуетъ для нашей словесности: онъ, какъ бы *безталанный* (г. Лобановъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать *безталантный*), оставленъ безъ вниманія. Имя Карамзина, мудреца глубокаго, писателя добросовѣстнаго, мужа чистаго сердцемъ, предано глумленію....»

Конечно, критика находится у насъ еще въ младенческомъ состояніи. Она рѣдко сохраняетъ важность и приличіе ей свойственныя; можетъ быть, ея рѣшенія часто внушены расчетами, а не убѣжденіемъ. Неуваженіе къ именамъ, освященнымъ славою (первый признакъ невѣжества и слабомыслія), къ нещастію, почитается у насъ не только дозволеннымъ, но еще и похвальнымъ удальствомъ. Но и тутъ г. Лобановъ сдѣлалъ несправедливыя указанія: у Ломоносова оспоривали (весьма неосновательно) титло поэта, но никто, нигдѣ, сколько я помню, не называлъ его педантомъ: напротивъ, нынѣ вошло въ обыкновеніе хвалить въ немъ мужа ученаго, унижая стихотворца. Имя великаго Державина всегда произносится съ чувствомъ пристрастія, даже суевѣрнаго. Чистая, высокая слава Карамзина принадлежитъ Россіи, и ни одинъ писатель съ истиннымъ талантомъ, ни одинъ истинно ученый человѣкъ, даже изъ бывшихъ ему противниками, не отказалъ ему дани уваженія глубокаго и благодарности.

Мы не принадлежимъ къ числу подобострастныхъ оклонниковъ нашего вѣка; но должны признаться, то науки сдѣлали шагъ впередъ. Умствованія велихъ Европейскихъ мыслителей не были тщетны и ля насъ. Теорія наукъ освободилась отъ эмпиризма, озымѣла видъ болѣе общій, оказала болѣе стременія къ единству. Германская Философія, особенно ъ Москвѣ, нашла много молодыхъ, пылкихъ, доб-осовѣстныхъ послѣдователей, и, хотя говорили они зыкомъ мало понятнымъ для непосвященныхъ, но ѣмъ не менѣе ихъ вліяніе было благотворно и часъ тъ часу становится болѣе ощутительно.

«Не стану говорить ни о господствующемъ вкуѣ, ни о понятіяхъ и ученіяхъ объ изящномъ. Перый явно вездѣ и во всемъ обнаруживается и всяому извѣстенъ; а послѣднія такъ сбивчивы и прератны, въ новѣйшихъ эфемерныхъ и разрушаюдихъ одна другую системахъ, или такъ спутаны въ уесловныхъ мудрованіяхъ, что они непроницаемы ля здраваго разума. Нынѣ едва ли вѣрятъ, что иящное, при нѣкоторыхъ только измѣненіяхъ формъ, ыло и есть одно и то же для всѣхъ вѣковъ и народовъ; что Гомеры, Данты, Софоклы, Шекспиры, Шиллеры, Расины, Державины, не смотря на различіе ихъ формъ, рода, вѣры и нравовъ, всѣ созидали зящное и для всѣхъ вѣковъ; что писатели, романики ли они или классики, должны удовлетворять мъ, воображеніе и сердце образованныхъ и провѣщенныхъ людей, а не одной толпы несмысленой, плещущей безъ разбора и гаерамъ подкачель-

нымъ. Нѣтъ, нынѣ проповѣдуютъ, что умъ человѣ-ческій далеко ушелъ впередъ, что онъ можетъ оставить въ покоѣ древнихъ и даже новѣйшихъ знаменитыхъ писателей, что ему не нужны руководители и образцы, что нынѣ всякій пишущій есть самобытный геній,—и подъ знаменемъ сего ложнаго ученія, поражая великихъ писателей древности именемъ тяжелыхъ и приторныхъ классиковъ (которые однакожь за тысячи лѣтъ плѣняли своихъ согражданъ, и всегда будутъ давать много возвышенныхъ наслажденій своему читателю), подъ знаменемъ сего ложнаго ученія, новѣйшіе писатели безотчетно омрачаютъ разумъ неопытной юности и ведутъ къ совершенному упадку и нравственность и словесность.»

Оставляя безъ возраженія сію филиппику, не могу не остановиться на заключеніи, выведенномъ г. Лобановымъ изо всего имъ сказаннаго:

«По множеству сочиняемыхъ нынѣ безнравственныхъ книгъ, Цензурѣ предстоитъ непреодолимый трудъ проникнуть всѣ ухищренія пишущихъ. Не легко разрушить превратность мнѣній въ словесности и обуздать дерзость языка, если онъ, движимый злонамѣренностію, будетъ провозглашать нелѣпое и даже вредное. Кто жъ долженъ содѣйствовать въ семъ трудномъ подвигѣ? Каждый добросовѣстный Русскій писатель, каждый просвѣщенный отецъ семейства, а всего болѣе Академія, для сего самаго учрежденная. Она, движимая любовію къ Государю и Отечеству, имѣетъ право, на ней лежитъ долгъ неослабно обнаруживать, поражать и разрушать зло, гдѣ бы

оно ни встрѣтилось на поприщѣ словесности. *Академія* (сказано въ ея Уставѣ, гл. III, § 2, и во всеподданнѣйшемъ Докладѣ § III), *яко сословіе, учрежденное для наблюденія нравственности, цѣломудрія и чистоты языка, разборъ книгъ, или критическія сужденія, долженствуетъ почитать одною изъ главнѣйшихъ своихъ обязанностей.* И такъ, милостивые государи, каждый изъ почтенныхъ сочленовъ моихъ да представляетъ для разсмотрѣнія и напечатанія въ собранія сей Академіи, согласно съ ея Уставомъ, разборы сочиненій и сужденія о книгахъ и журналахъ новѣйшей нашей словесности, и тѣмъ содѣйствуя общей пользѣ, да исполняетъ истинное назначеніе сего Высочайше утвержденнаго сословія.»

Но гдѣ же у насъ это множество безнравственныхъ книгъ? Кто сіи дерзкіе, злонамѣренные писатели, ухищряющіеся низпровергать законы, на коихъ основано благоденствіе общества? И можноли укорять у насъ Ценсуру въ неосмотрительности и послабленіи? Вопреки мнѣнію г. Лобанова, Ценсура не должна *проникать всѣ ухищренія* пишущихъ. «Ценсура долженствуетъ обращать особенное вниманіе на духъ разсматриваемой книги, на видимую «цѣль и намѣреніе автора, и въ *сужденіяхъ своихъ* «*принимать всегда за основаніе явный смыслъ рѣчи, не дозволяя себѣ произвольнаго толкованія оной* «*въ дурную сторону*» (Уставъ о Ценсурѣ § 6.). Такова была Высочайшая воля, даровавшая намъ литтературную собственность и законную свободу мысли! Если съ перваго взгляда сіе основное правило

нашей Ценсуры и можетъ показаться льготою чрезвычайною, то по внимательнѣйшемъ разсмотрѣніи увидимъ, что безъ того не было бы возможности напечатать ни одной строчки, ибо всякое слово можетъ быть перетолковано въ худую сторону. *Нелѣпое,* если оно просто нелѣпо, а не заключаетъ въ себѣ ничего противнаго вѣрѣ, правительству, нравственности и чести личной, не подлежитъ уничтоженію Ценсуры. Нелѣпость, какъ и глупость, подлежитъ осмѣянію общества и не вызываетъ на себя дѣйствія закона. Просвѣщенный отецъ семейства не дастъ въ руки своимъ дѣтямъ многихъ книгъ, дозволенныхъ Ценсурою: книги пишутся не для всѣхъ возрастовъ одинаково. Нѣкоторые моралисты утверждаютъ, что и восьмнадцатилѣтней дѣвушкѣ не льзя позволить чтеніе романовъ: изъ того еще не слѣдуетъ, чтобъ Ценсура должна была запрещать всѣ романы. Ценсура есть установленіе благодѣтельное, а не притѣснительное; она есть вѣрный стражъ благоденствія частнаго и государственнаго, а не докучливая нянька, слѣдующая по пятамъ шалливыхъ ребятъ.

Заключимъ искреннимъ желаніемъ, чтобы Россійская Академія, уже принесшая истинную пользу нашему прекрасному языку и совершившая столь много знаменитыхъ подвиговъ, ободрила, оживила отечественную словесность, награждая достойныхъ писателей дѣятельнымъ своимъ покровительствомъ, а недостойныхъ — наказывая однимъ невниманіемъ.

ОТВѢТЪ.

Не говори, красавица, for ever! *
трашусь сихъ словъ разлуки роковой;
ай съ юга мнѣ перенести на сѣверъ
адежду вновь увидѣться съ тобой.

Познать и такъ ужъ тяжело разлуку,
такъ друзьямъ подобье смерти въ ней.
нѣтъ, подай мнѣ до свиданья руку,
въ чашу слезъ отрады каплю влей.

Чтобъ трудъ земной намъ въ немощи умѣрить
подъ грозой судебъ не изнемочь,
уша должна надѣятсь и вѣрить,
озорить грядущимъ жизни ночь.

---

* Fare thee well, and if for ever,
Still for ever fare thee well.

Byron.

О, пощади печаль мою и нѣжность,
Души моей безвѣрьемъ не мертви:
Не та же ль смерть слѣпая безнадежность?
А смерти нѣтъ для сердца и любви!

Римъ.

ОБЪ ИСТОРІИ ПУГАЧЕВСКАГО БУНТА.

(РАЗБОРЪ СТАТЬИ, НАПЕЧАТАННОЙ ВЪ «СЫНѢ ОТЕЧЕСТВА», ВЪ ЯНВАРѢ 1835 ГОДА.)

Нѣсколько дней послѣ выхода изъ печати «Исторіи Пугачевскаго Бунта» явился въ «Сынѣ Отечества» разборъ этой книги. Я почелъ за долгъ прочитать его со вниманіемъ, надѣясь воспользоваться замѣчаніями неизвѣстнаго критика. Въ самомъ дѣлѣ, онъ указалъ мнѣ на *одну* ошибку и на *три* важныя опечатки. Статья вообще показалась мнѣ произведеніемъ человѣка, имѣющаго мало свѣдѣній о предметѣ, мною описанномъ. Я собирался при другомъ изданіи исправить замѣченныя погрѣшности, оправдаться въ несправедливыхъ обвиненіяхъ и принести изъявленіе искренней моей благодарности рецензенту, тѣмъ болѣе, что его разборъ написанъ со всевозможной умѣренностію и благосклонностію.

Недавно въ «Сѣверной Пчелѣ» сказано было, ч
сей разборъ составленъ покойнымъ Броневским
авторомъ «Исторіи Донскаго Войска». Это застави
меня перечесть его критику и возразить на ону
въ моемъ журналѣ, тѣмъ болѣе что «Исторія П
гачевскаго Бунта», не имѣвъ въ публикѣ никако
успѣха, вѣроятно не будетъ имѣть и новаго изданія.

Въ началѣ своей статьи, критикъ, изъявляя с
жалѣніе о томъ, что «Исторія Пугачевскаго Бунт
писана вяло, холодно, сухо, а не пламенной кисті
Байрона и проч., признаетъ, что эта книга «ест
драгоцѣнный матеріалъ, и что будущему историку,
безъ пособія нераспечатаннаго еще дѣла о Пугач
вѣ, не трудно будетъ исправить *нѣкоторые поэти
ческіе вымыслы, незначащіе недосмотры*, и да
сему мертвому матеріалу жизнь новую и блист
тельную.» За симъ г. Броневскій отмѣчаетъ сіи по
тическіе вымыслы и недосмотры «не въ судъ
осужденіе автору, а единственно для пользы наук
для его и общей пользы.» Будемъ слѣдовать за каж
дымъ шагомъ нашего рецсзента.

Критика г. Броневскаго.

«На сей-то рѣкѣ (Яикѣ), говоритъ г. Пушкин
«въ XV столѣтіи явились Донскіе Казаки.»

Выписанное въ подтвержденіе сего факта изъ Ис
торіи Уральскихъ Казаковъ г. Левшина (см. При
1. 3—8 стр.) долженствовало бы убѣдить автор
что Донскіе Казаки пришли на Яикъ въ XVI, а н
въ XV столѣтіи, и именно около 1584 года.

Объясненіе.

Есть разница между *появленіемъ* Казаковъ на Яикѣ и *поселеніемъ* ихъ на сей рѣкѣ. Въ Русскихъ лѣтописяхъ упоминается о Казакахъ не прежде какъ въ XVI столѣтіи; но преданіе могло сохранить то, о чемъ умалчивала хроника. Наша лѣтопись въ первый разъ о Татарахъ упоминаетъ въ XIII столѣтіи, но Татаре существовали и прежде. Г. Левшинъ неоспоримо доказалъ, что Казаки поселились на Яикѣ не прежде XVI столѣтія. Къ сему же времени должно отнести и существованіе полу-баснословной Гугнихи. Г. Левшинъ, опровергая Рычкова, спрашиваетъ: какъ могла она (Гугниха) помнить происшествія, которыя были *почти* за сто лѣтъ до ея рожденія? Отвѣчаю: такъ же, какъ и мы помнимъ происшествія временъ Императрицы Анны Іоановны, — по преданію.

Критика г. Броневскаго.

Вся первая глава, служащая введеніемъ къ «Ист. Пуг. Бун.», какъ краткая выписка изъ сочиненія г. Левшина, не имѣла, какъ думаемъ, никакой нужды въ огромномъ примѣчаніи къ сей главѣ (26 стр. мелкой печати), которое составляетъ почти всю небольшую книжку г. Левшина. Книжка эта не есть древность или такая рѣдкость, которой за деньги купить не льзя; посему почтенный авторъ могъ и долженъ былъ ограничить себя однимъ указаніемъ, откуда первая глава имъ заимствована.

Объясненіе.

Полное понятіе о внутреннемъ управленіи Яицкихъ Казаковъ, объ образѣ жизни ихъ и проч. необходимо для совершеннаго объясненія Пугачевскаго бунта; и потому необходимо и *огромное* (т. е. пространное) примѣчаніе къ 1-й главѣ моей книги. Я не видѣлъ никакой нужды пересказывать по своему то, что было уже сказано какъ нельзя лучше г-мъ Левшинымъ, который, по своей благосклонной снисходительности, не только дозволилъ мнѣ воспользоваться его трудомъ, но еще и доставилъ мнѣ свою книжку, сдѣлавшуюся довольно рѣдкою.

Критика г Броневскаго.

«Извѣстно, говоритъ авторъ, что въ царствованіе «Анны Іоанновны Игнатій Некрасовъ успѣлъ увлечь «за собою множество Донскихъ Козаковъ въ Тур- «цію.» *Стр.* 16.

Некрасовцы бѣжали съ Дона на Кубань, въ царствованіе Петра Великаго, во время Булавинскаго бунта, въ 1708 году. См. Исторію Д. Войска, Исторію Петра Великаго Берхмана, и другія.

Объясненіе.

Что Булавинъ и Некрасовъ бунтовали въ 1708 году, это неоспоримо. Неоспоримо и то, что въ слѣдующемъ сей послѣдній оставилъ Донъ и поселился на Кубани. Но изъ сего еще не слѣдуетъ, чтобъ при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ не могъ онъ съ своими единомышленниками перейти на Турецкіе бе-

рега Дуная, гдѣ нынѣ находятся селенія Некрасовцевъ. Въ Исторіи Петра 1-го въ послѣдній разъ объ нихъ упоминается въ 1711 году, во время переговоровъ при Прутѣ. Некрасовцы поручены *покровительству Крымскаго хана* (къ великой досадѣ Петра 1-го, требовавшаго возвращенія бѣглецовъ и наказанія ихъ предводителя.) Положившись на показанія рукописнаго Историческаго Словаря, составленнаго учеными и трудолюбивыми издателями «*Словаря о Святыхъ и Угодникахъ*», я повѣрилъ, что Некрасовцы перешли съ Кубани на Дунай во время походовъ Графа Миниха, въ то время, какъ Запорожцы признали снова владычество Русскихъ Государей *. *Но это показаніе несправедливо:* Некрасовцы оставили Кубань гораздо позже, именно въ 1775 году. Г. Броневскій (авторъ «Исторіи Донскаго Войска») и самъ не зналъ сихъ подробностей; но тѣмъ не менѣе благодаренъ я ему за дѣльное замѣчаніе, заставившее меня сдѣлать новыя, успѣшныя изслѣдованія.

Критика г. Броневскаго.

«Атаманъ Ефремовъ былъ смѣненъ, а на его мѣсто избранъ Семенъ *Силинъ*. Послано повелѣніе въ «Черкаскъ сжечь домъ Пугачева... Государыня не «согласилась по просьбѣ начальства перенесть станицу на другое мѣсто, хотя бы и *менѣе выгодное*: «она согласилась только переименовать Зимовейскую «Станицу Потемкинскою.» Стр. 74.

* Измѣнникъ Орликъ, сподвижникъ Мазепы, современникъ Некрасова, былъ тогда еще живъ и пріѣзжалъ изъ Бендеръ уговаривать старинныхъ своихъ товарищей.

Въ 1772 году войсковой атаманъ Степанъ Ефр мовъ, за недоставленіе отчетовъ объ израсходова ныхъ суммахъ, былъ арестованъ и посаженъ въ кр пость; вмѣсто его пожалованъ изъ старшинъ въ н казные атаманы Алексѣй Иловайскій. Силинъ былъ Донскимъ войсковымъ атаманомъ. Изъ До ской Исторіи не видно, чтобы правительство пр казало сжечь домъ Пугачева; а видно только, чт по прошенію Донскаго начальства, Зимовѣйская Ст ница перенесена *на выгоднѣйшее мѣсто* и назва Потемкинскою. См. «Исторію Д. Войска» стр. 88 124 части I.

Объясненіе.

Въ 1773 и 74 году войсковымъ атаманомъ До скаго войска *былъ Семенъ Сулинъ* (а не Силин Иловайскій былъ избранъ уже на его мѣсто. У м ня было въ рукахъ болѣе пятнадцати указовъ имя войсковаго атамана Семена Сулина и столь же докладовъ отъ войсковаго атамана Семена Сулин Въ «Русскомъ Инвалидѣ», въ нынѣшнемъ 1836 год напечатано нѣсколько донесеній отъ полковни Платова къ войсковому атаману Семену Никитич Сулину во время осады Силистріи въ 1773 год Правда, что въ «Исторіи Донскаго Войска» (сочинен моего рецензента) не упомянуто о Семенѣ Сулин Это пропускъ важный, и къ сожалѣнію, не единстве ный въ его книгѣ.

Г. Броневскій также несправедливо оспориваетъ мо показаніе, что послано было изъ Петербурга пов лѣніе сжечь домъ и имущество Пугачева, ссылаяс

опять на свою «Исторію Донскаго Войска», гдѣ о семъ обстоятельствѣ опять не упомянуто. Указъ о томъ, писанный на имя атамана Сулина, состоялся 1774 года Января 10 (NB казнь Пугачева совершилась ровно черезъ годъ, 1775 года 10 Января). Вотъ собственныя слова указа:

«Дворъ Ем. Пугачева, въ какомъ бы онъ худомъ или лучшемъ состояніи ни находился, и хотя бы состоялъ онъ въ развалившихся токмо хижинахъ, имѣетъ Донское войско, при присланномъ отъ оберъ-коменданта Крѣпости Св. Димитрія штабъ-офицерѣ, собравъ священный той станицы чинъ, старѣйшинъ и прочихъ оной жителей, при всѣхъ ихъ сжечь, и на томъ мѣстѣ черезъ палача или профоса пепелъ развѣять; потомъ это мѣсто огородить надолбами, или рвомъ окопать, оставя на вѣчныя времена безъ поселенія, какъ оскверненное жительствомъ на немъ всѣ казни лютыя и истязанія дѣлами своими превосшедшаго злодѣя, котораго имя останется мерзостію навѣки, а особливо для Донскаго общества, яко оскорбленнаго ношеніемъ тѣмъ злодѣемъ казацкаго на себѣ имени, — хотя отнюдь такимъ богомерзкимъ чудовищемъ ни слава войска Донскаго, ни усердіе онаго, ни ревность къ Намъ и Отечеству помрачаться и' ни малѣйшаго нареканія претерпѣть не можетъ.»

Я имѣлъ въ рукахъ и донесеніе Сулина о точномъ исполненіи указа (иначе и быть не могло). Въ семъ-то донесеніи Сулинъ отъ имени жителей

*

Зимовѣйской Станицы проситъ о дозволеніи перенести ихъ жилища съ земли, оскверненной пребываніемъ злодѣя, на другое мѣсто, *хотя бы и менѣе удобное*. Отвѣта я не нашелъ; но по всѣмъ новѣйшимъ картамъ видно, что Потемкинская Станица стоитъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ на старинныхъ означена Зимовѣйская. Изъ сего я вывелъ заключеніе, что Государыня не согласилась на столь убыточное доказательство усердія, и только переименовала Зимовѣйскую станицу въ Потемкинскую.

Критика г. Броневскаго.

Авторъ не сличилъ показанія жены Пугачева съ его собственнымъ показаніемъ; явно, что свидѣтельство жены не могло быть вѣрно: она, конечно, не могла знать всего и, конечно, не все высказала, что знала. Собственное же признаніе Пугачева, что онъ скрывался въ Польшѣ, должно предпочесть показанію станичнаго атамана Трофима Ѳомина, въ которомъ сказано, что будто бы Пугачевъ, отлучаясь изъ дому въ разное время, кормился *милостиною!!* и въ 1771 былъ на Кумѣ. — Но Пугачевъ въ началѣ 1772 года явился на Яикъ съ Польскимъ фальшивымъ паспортомъ, котораго онъ на Кумѣ достать не могъ.

На Дону по преданію извѣстно, что Пугачевъ до Семилѣтней Войны промышлялъ по обычаю предковъ, на Волгѣ, на Кумѣ и около Кизляра; послѣ первой Турецкой войны скрывался между Польскими и Глуховскими раскольниками. Словомъ, въ мир-

ное время иногда приходилъ въ домъ свой на короткое время; а постоянно занимался воровствомъ и разбоемъ въ окрестностяхъ Донской Земли, около Данкова, Таганрога и Острожска.

Объясненіе.

Показанія мои извлечены изъ оффиціальныхъ, неоспоримыхъ документовъ. Рецензентъ мой, укоряя меня въ несообразностяхъ, не показываетъ, въ чемъ оныя состоятъ. Изъ показаній жены Пугачева, станичнаго атамана Ѳомина и наконецъ самого самозванца, въ *концѣ* (а не въ началѣ) 1772 года приведеннаго въ Малыковскую Канцелярію, видно, что онъ въ 1771 году отпущенъ изъ арміи на Донъ, по причинѣ болѣзни; что въ концѣ того же года, уличенный въ возмутительныхъ рѣчахъ, онъ успѣлъ убѣжать, и тайно возвратясь домой въ началѣ 1772 года, былъ схваченъ, и бѣжалъ опять. Здѣсь прекращаются свѣдѣнія, собранныя правительствомъ на Дону. Самъ Пугачевъ показалъ, что весь 1772 годъ скитался онъ за Польской границею и пришелъ оттуда на Яикъ, кормясь милостынею (о чемъ Ѳоминъ не упоминаетъ ни слова). Г. Броневскій, выписывая сіе послѣднее показаніе, подчеркиваетъ слово *милостыня* и ставитъ нѣсколько знаковъ удивленія (! !); но что жъ удивительнаго въ томъ, что нищій бродяга питается милостынею? Г. Броневскій, не взявъ на себя труда сличить мои показанія съ документами, приложенными къ «Исторіи Пугачевскаго Бунта», кажется, не читалъ и манифеста *о преступленіяхъ Казака Пугачева,* въ которомъ именно сказано, что онъ *кор-*

мился отъ подаянія (См. манифестъ отъ 19 Декабря 1774 года, въ «Приложеніи къ Исторіи Пугачевскаго Бунта»).

Г. Броневскій, опровергая свидѣтельство жены Пугачева, показанія станичнаго атамана Ѳомина и оффиціально обнародованное извѣстіе, пишетъ, что *Пугачевъ въ началѣ* 1772 *года* явился на Яикѣ съ *Польскимъ фальшивымъ паспортомъ, котораго онъ на Кумѣ достать не могъ*. Пугачевъ въ *началѣ* 1772 года былъ на Кубани и на Дону; онъ явился на Яикъ въ *концѣ* того же года не съ Польскимъ *фальшивымъ* паспортомъ, но съ Русскимъ, даннымъ ему отъ начальства, имъ обманутаго, съ Добрянскаго Форпоста. Преданіе, слышанное г. Броневскимъ, будто бы Пугачевъ, *по обычаю предковъ (!)*, промышлялъ разбоями на Волгѣ, на Кумѣ и около Кизляра, ни на чемъ не основано, и опровергнуто оффиціальными, достовѣрнѣйшими документами. Пугачевъ былъ *подозрѣваемъ* въ воровствѣ (см. показаніе Ѳомина); но до самаго возмущенія Яицкаго Войска *ни въ какихъ разбояхъ не бывалъ*.

Г. Броневскій, оспоривая достовѣрность неоспоримыхъ документовъ, имѣлъ, кажется, въ виду оправдать собственныя свои показанія, помѣщенныя имъ въ «Исторіи Донскаго Войска». Тамъ сказано, что природа одарила Пугачева *чрезвычайной живостію*, и съ *неустрашимымъ мужествомъ дала ему и силу тѣлесную и твердость душевную;* но что, *къ нещастію, ему не доставало самой лучшей и нужнѣйшей*

прикрасы — добродѣтели; что отецъ его былъ у-
битъ въ 1738; что двѣнадцатилѣтній Пугачевъ,
*гордясь своимъ одиночествомъ, своею свободою, съ
дерзостію и самонадѣяніемъ вызывалъ дѣтей рав-
ныхъ съ нимъ лѣтъ на бой, нападалъ храбро, билъ
ихъ всегда;* что въ одной изъ такихъ забавъ убилъ
онъ предводителя противной стороны; что по пят-
надцатому году *онъ уже не терпѣлъ никакой вла-
сти;* что на двадцатомъ году *ему стало тѣсно и
душно на родной землѣ;* что честолюбіе мучило
его; что въ слѣдствіе того онъ сѣлъ однажды на
коня и *пустился искать приключеній въ чистое по-
ле;* что онъ поѣхалъ на Востокъ, *достигнулъ Вол-
ги и увидѣлъ большую дорогу;* что встрѣтивъ че-
тырехъ удальцевъ, началъ онъ съ ними грабить и
разбойничать; что, *вѣроятно*, онъ занимался раз-
боями только во время мира, а во время войны
служилъ въ казачьихъ полкахъ; что Генералъ Тотле-
бенъ, во время Прусской войны, увидѣвъ однажды
Пугачева, сказалъ окружавшимъ его чиновникамъ:
*«чѣмъ болѣе смотрю на сего Казака, тѣмъ болѣе
поражаюсь сходствомъ его съ Великимъ Княземъ.»*
И проч. и проч. (См. «Исторію Донскаго Войска»
Ч. II. Гл. XI.) Все это ни на чемъ не основано,
и заимствовано г. Броневскимъ изъ пустаго Нѣмец-
каго романа «Ложный Петръ III», незаслуживающа-
го никакого вниманія. Г. Броневскій, укоряющій
меня въ какихъ-то *поэтическихъ вымыслахъ*, самъ
поступилъ неосмотрительно, повторивъ въ своей
«Исторіи» вымыслы столь нелѣпые.

Критика г. Броневскаго.

«Шигаевъ, думая заслужить себѣ прощеніе, з держалъ Пугачева и Хлопушу, и послалъ къ Оре бургскому губернатору сотника Логинова съ пре ложеніемъ о выдачѣ самозванца». Но въ поставле номъ тутъ же подъ No 12 примѣчаніи авторъ гов ритъ, что сіе показаніе Рычкова невѣроятно: и Пугачевъ и Шигаевъ, послѣ бѣгства ихъ изъ-по Оренбурга, продолжали дѣйствовать заодно.

Если показаніе Рычкова невѣроятно, то въ текс и не должно было его ставить; если же Шигае только въ крайнемъ случаѣ въ самомъ дѣлѣ дума предать Пугачева, то это обстоятельство не мѣш ло продолжать дѣйствовать заодно съ Пугачевым ибо бѣда еще не наступила. Историку, конечн показалось труднымъ сличать противорѣчащія п казанія и выводить изъ нихъ слѣдствія; но это е обязанность, а не читателей.

Объясненіе.

Выписываю точныя слова текста и примѣчан на оный:

«Послѣ сраженія подъ Татищевой, Пугачевъ 60 Казаками пробился сквозь непріятельское во ско, и прискакалъ самъ-пятъ въ Бердскую Слобо съ извѣстіемъ о своемъ пораженіи. Бунтовщики н чали выбираться изъ Берды, кто верхомъ, кто саняхъ. На воза громоздили заграбленное имуществ Женщины и дѣти шли пѣшія. Пугачевъ велѣлъ ра бить бочки вина, стоявшія у его избы, опасая

пьянства и смятенія. Вино хлынуло по улицѣ. Между тѣмъ Шигаевъ, видя, что все пропало, думалъ заслужить себѣ прощеніе, и задержавъ Пугачева и Хлопушу, послалъ отъ себя къ Оренбургскому губернатору съ предложеніемъ о выдачѣ ему самозванца, и прося дать ему сигналъ двумя пушечными выстрѣлами.

«*Примѣчаніе.* Рычковъ пишетъ, что Шигаевъ велѣлъ связать Пугачева. Показаніе невѣроятное. Увидимъ, что Пугачевъ и Шигаевъ дѣйствовали за одно нѣсколько времени послѣ бѣгства ихъ изъ-подъ Оренбурга.»

Шигаевъ, человѣкъ лукавый и смышленый, могъ подъ какимъ ни есть предлогомъ *задержать* нехитраго самозванца; но не думаю, чтобъ онъ его *связалъ*: Пугачевъ этого ему бы не простилъ.

Критика г. Броневскаго.

Стр. 97. «Уфа была освобождена. Михельсонъ, нигдѣ не останавливаясь, пошелъ на Тибинскъ, куда послѣ Чесноковскаго дѣла прискакали Ульяновъ и Чика. Тамъ они были схвачены *Казаками* и выданы побѣдителю, который отослалъ ихъ скованныхъ въ Уфу.» Въ примѣчаніи же 16-мъ (ст. 51), принадлежащемъ къ сей V главѣ, сказано совсѣмъ другое, именно: «По своемъ разбитіи, Чика съ Ульяновымъ остановилися ночевать въ Богоявленскомъ Мѣдноплавильномъ Заводѣ. Прикащикъ угостилъ ихъ, и напоивъ до пьяна, ночью связалъ и представилъ въ *Тобольскъ*. Михельсонъ подарилъ 500 руб. прикащиковой женѣ, подавшей совѣтъ напоить бѣглецовъ.

Мѣсто дѣйствія находилось въ окрестностяхъ Уфы; а посему прикащикъ не имѣлъ нужды отсылать преступниковъ въ Тобольскъ, находящійся отъ Уфы въ 1145 верстахъ.

Объясненіе.

Еслибы г. Броневскій потрудился взглянуть на текстъ, то онъ тотчасъ исправилъ бы опечатку, находящуюся въ примѣчаніи. Въ текстѣ сказано, что Ульяновъ и Чика были выданы Михельсону въ *Табинскѣ* (а не въ *Тобольскѣ*, который слишкомъ далеко отстоитъ отъ Уфы, и не въ *Тибинскѣ*, который не существуетъ).

Критика г. Броневскаго.

«Солдатамъ начали выдавать въ сутки только по четыре фунта муки, т. е. десятую часть мѣры обыкновенной. *Стр.* 100.

Солдатъ получаетъ въ сутки два фунта муки, или по три фунта печенаго хлѣба. По означенной выше мѣрѣ выйдетъ, что солдаты во время осады получали двойную порцію, или что весь гарнизонъ состоялъ изъ 20 только человѣкъ. Тутъ что нибудь да не такъ.

Объясненіе.

Очевидная опечатка: вмѣсто *четыре фунта*, должно читать *четверть фунта*, что и составитъ около *десятой части* мѣры обыкновенной, т. е. двухъ фунтовъ печенаго хлѣба. Смотри статью «Объ осадѣ Яицкой Крѣпости», откуда заимствовано сіе показа-

іе. Вотъ собственныя слова неизвѣстнаго повѣствователя: «Солдатамъ стали выдавать въ сутки только по четверти фунта муки, что составляетъ десятую часть обыкновенной порціи.»

Критика г. Броневскаго.

Въ примѣчаніи 18, стр. 52, сказано, что оборона Яицкой Крѣпости составлена по статьѣ, напечатанной въ «Отечественныхъ Запискахъ» и по журналу коменданта полковника Симонова. Какъ авторъ принялъ уже за правило помѣщать вполнѣ всѣ акты, изъ которыхъ онъ что либо заимствовалъ, то журналъ Симонова, нигдѣ до сего ненапечатанный, заслуживалъ быть помѣщеннымъ въ примѣчаніяхъ также вполнѣ, какъ Рычкова—объ осадѣ Оренбурга, и архимандрита Платона—о сожженіи Казани.

Объясненіе.

Я не могъ помѣстить *всѣ* акты, изъ коихъ заимствовалъ свои свѣдѣнія. Это составило бы болѣе десяти томовъ: я долженъ былъ ограничиться любопытнѣйшими.

Критика г. Броневскаго.

Стр. 129. «Михельсонъ, оставя Пугачева вправѣ, пошелъ прямо на Казань, и 11 Іюля вечеромъ былъ уже въ 15 верстахъ отъ нея. — Ночью отрядъ его тронулся съ мѣста. Поутру, въ 45 верстахъ отъ Казани, услышалъ пушечную пальбу! . . .» Маленькій недосмотръ!

Объясненіе.

Важный недосмотръ: вмѣсто *въ 15 верстахъ*, должно читать *въ пятидесяти.*

Критика г. Броневскаго.

Пугачевъ отдыхалъ сутки въ Сарептѣ, оттуда пустился внизъ къ Черному Яру. Михельсонъ шелъ по его пятамъ. Наконецъ, 25 Августа на разсвѣтѣ онъ настигнулъ Пугачева въ *ста пяти* верстахъ отъ Царицына. Здѣсь Пугачевъ, разбитый въ последній разъ, бѣжалъ, и въ семидесяти верстахъ отъ мѣста сраженія переплылъ Волгу *выше* Черноярска. Стр. 155 — 156.

Изъ сего описанія видно, что Пугачевъ переплылъ Волгу въ 175 верстахъ *ниже* Царицына; какъ между симъ городомъ и Черноярòмъ считается только 155 верстъ, то изъ сего выходитъ, что онъ переправился чрезъ Волгу *ниже* Чернояра въ 20 верстахъ.—По другимъ извѣстіямъ, Пугачеву нанесенъ последній ударъ подъ самымъ Царицынымъ, откуда онъ бѣжалъ по дорогѣ къ Чернояру, и въ сорока верстахъ отъ Царицына переправился черезъ Волгу, то есть, верстахъ въ десяти ниже Сарепты.

Объясненіе.

Выписываю точныя слова текста:

« Пугачевъ стоялъ на высотѣ, между двумя дорогами. Михельсонъ *ночью обошелъ его* и сталъ противу мятежниковъ. Утромъ Пугачевъ опять увидѣлъ предъ собою своего грознаго гонителя; но не сму

ился, а смѣло пошелъ на Михельсона, отрядивъ вою пѣшую сволочь противу Донскихъ и Чугуевкихъ Казаковъ, стоящихъ по обоимъ крыламъ отряда. Сраженіе продолжалось недолго. Нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ разстроили мятежниковъ. Михельсонъ на нихъ ударилъ. Они бѣжали, бросяпушки и весь обозъ. Пугачевъ, переправясь черезъ мостъ, апрасно старался ихъ удержать; онъ бѣжалъ вмѣтѣ съ ними. Ихъ били и преслѣдовали сорокъ ерстъ. Пугачевъ потерялъ до четырехъ тысячъ убиыми и до семи тысячъ взятыми въ плѣнъ. Остальые разсѣялись. Пугачевъ, въ семидесяти верстахъ тъ мѣста сраженія, переплылъ Волгу, выше Чероярска, на четырехъ лодкахъ, и ушелъ на луговую торону, не болѣе какъ съ тридцатью Казаками. Прелѣдовавшая его конница опоздала четвертью часа. ѣглецы, неуспѣвшіе переправиться на лодкахъ, бро-ились вплавь, и перетонули.»

Рецензентъ пропустилъ безъ вниманія главное обтоятельство, поясняющее дѣйствіе Михельсона, коорый *ночью обошелъ* Пугачева, и слѣдственно разивъ его, погналъ не *въ низъ,* а *вверхъ* по Волгѣ, къ Царицыну. Такимъ образомъ мнимая нелѣпость моего разсказа исчезаетъ. Не понимаю, какимъ образомъ военный человѣкъ и военный писатель (ибо Броневскій писалъ военныя книги) могъ сдѣлать толь опрометчивую критику на мѣсто столь ясное амо по себѣ!

Критика г. Броневскаго.

Къ VI главѣ 6 примѣчанія не достаетъ. См. 1
и 55 стр.

На картѣ не означено многихъ мѣстъ, и даже г родовъ и крѣпостей. Это чрезвычайно затрудняет читателя.

Объясненіе.

Цыфръ, означающій ссылку на замѣчаніе, ест опечатка.

Карта далеко неполна; но оная была необходи ма, и я не имѣлъ возможности составить другую болѣе совершенную.

Г. Броневскій заключаетъ свою статью слѣду щими словами: «Сіи немногіе недостатки ни мал не уменьшаютъ внутренняго достоинства книги, если бы нашлось и еще нѣсколько ошибокъ, книг по содержанію своему, всегда останется достойно вниманія публики.»

Еслибы всѣ замѣчанія моего критика были спр ведливы, то врядъ ли книга моя была бы достой на вниманія публики, которая въ правѣ требоват отъ историка, если не таланта, то добросовѣстн сти въ трудахъ и осмотрительности въ показаніях Знаю, что оправдываться опечатками легко; но, н дѣюсь, читатели согласятся, что *Тобольскъ* вмѣст *Табинскъ; въ пятнадцати верстахъ* вмѣсто *въ пят десяти верстахъ,* и наконецъ *четыре фунта* вмѣст

четверти фунта болѣе походятъ на опечатки, нежели слѣдующія errata, которыя гдѣ-то мы видѣли: *Митрополитъ*—читай: *простой священникъ, духовникъ царскій; зала въ тридцать саженей вышины,*—читай: *зала въ пятнадцать аршинъ вышины; Петръ I изъ Вѣны отправился въ Венецію,*—читай: *Петръ I изъ Вѣны поспѣшно возвратился въ Москву.*

Рецезенту, на скоро набрасывающему бѣглыя замѣчанія на книгу бѣгло прочитанную, очень извинительно ошибаться; но автору, посвятившему, два года на составленіе ста шестидесяти осьми страничекъ, таковое небреженіе и легкомысліе были бы непростительны. Я долженъ былъ поступать тѣмъ съ большею осмотрительностію, что въ изложеніи военныхъ дѣйствій (предметѣ для меня совершенно новомъ) не имѣлъ я тутъ никакого руководства, кромѣ донесеній частныхъ начальниковъ, показаній Казаковъ, бѣглыхъ крестьянъ, и тому подобнаго,—показаній, часто другъ другу противорѣчащихъ, преувеличенныхъ, иногда совершенно ложныхъ. Я прочелъ со вниманіемъ все, что было напечатано о Пугачевѣ, и сверхъ того 18 толстыхъ томовъ in-folio разныхъ рукописей, указовъ, донесеній, и проч. Я посѣтилъ мѣста, гдѣ произошли главныя событія эпохи мною описанной, повѣряя мертвые документы словами еще живыхъ, но уже престарѣлыхъ очевидцевъ, и вновь повѣряя ихъ дряхлѣющую память исторической критикою.

Сказано было, что «Исторія Пугачевскаго Бунта» не открыла ничего новаго, неизвѣстнаго. Но вся

эта эпоха была худо извѣстна. Военная часть оной никѣмъ не была обработана; многое даже могло быть обнародовано только съ Высочайшаго соизволенія. Взглянувъ на «Приложенія къ Исторіи Пугачевскаго Бунта», составляющія весь второй томъ всякой легко удостовѣрится во множествѣ важныхъ историческихъ документовъ, въ первый разъ обнародованныхъ. Стоитъ упомянуть о собственноручныхъ указахъ Екатерины II, о нѣсколькихъ Ея письмахъ, о любопытной лѣтописи нашего славнаго академика Рычкова, коего труды ознаменованы истинной ученостію и добросовѣстностію — достоинствами столь рѣдкими въ наше время, о множествѣ писемъ знаменитыхъ особъ, окружавшихъ Екатерину: Панина, Румянцева, Бибикова, Державина и другихъ... Признаюсь, я полагалъ себя въ правѣ ожидать отъ публики благосклоннаго пріема, конечно, не за самую «*Исторію Пугачевскаго Бунта*», но за историческія сокровища, къ ней приложенныя. Сказано было, что историческая достовѣрность моего труда поколебалась отъ разбора г. Броневскаго. Вотъ доказательство, какое вліяніе имѣетъ у насъ критика, какъ бы поверхностна и неосновательна она ни была!

Теперь обращаюсь къ г. Броневскому, уже не какъ къ рецензенту, но какъ къ историку.

Въ своей «Исторіи Донскаго Войска» онъ помѣстилъ краткое извѣстіе о Пугачевскомъ бунтѣ. Источниками служили ему: вышеупомянутый романъ «Ложный Петръ III», «Жизнь А. И. Бибикова», и наконецъ

преданія, слышанныя имъ на Дону. О романѣ мы уже сказали наше мнѣніе. «Записки о жизни и службѣ А. И. Бибикова» по всѣмъ отношеніямъ очень замѣчательная книга, а въ нѣкоторыхъ и авторитетъ. Что касается до преданій, то если оныя съ одной стороны драгоцѣнны и незамѣнимы, то съ другой я по опыту знаю, сколь много требуютъ они строгой повѣрки и осмотрительности. Г. Броневскій не умѣлъ ими пользоваться. Преданія, собранныя имъ, не даютъ его разсказу печати живой современности, а показанія, на нихъ основанныя, сбивчивы, темны, а иногда и совершенно ложны.

Укажемъ и мы на *нѣкоторые вымыслы* (къ сожалѣнію, непоэтическіе), на нѣкоторые *недосмотры* и явныя несообразности.

Приводя вышеупомянутый анекдотъ о Тотлебенѣ, будто бы замѣтившемъ сходство между Петромъ III и Пугачевымъ, г. Броневскій пишетъ: «Если анекдотъ сей справедливъ, то можно согласиться, что слова сіи, просто сказанныя, хотя въ то время не сдѣлали на умъ Пугачева большаго впечатлѣнія, но въ послѣдствіи могли подать ему мысль называться Императоромъ.» А черезъ нѣсколько страницъ г. Броневскій пишетъ: «Пугачевъ принялъ предложеніе Яицкаго Казака Ивана Чики, болѣе его дерзновеннаго, называться Петромъ III». — Противорѣчіе!

Анекдотъ о Тотлебенѣ есть вздорная выдумка. Историку не слѣдовало о немъ и упоминать, и того менѣе выводить изъ него какокое бы то ни было

заключеніе. Государь Петръ III былъ дороденъ, бѣлокуръ, имѣлъ голубые глаза: самозванецъ былъ смуглъ, сухощавъ, малорослъ; словомъ, ни въ одной чертѣ не сходствовалъ съ Государемъ.

Страница 98. «12 Генваря 1773, раскольники (въ Яицкомъ Городкѣ) взбунтовались и убили какъ генерала (Траубенберга), такъ и своего атамана.»

Не въ 1773, но въ 1771. См. Левшина, Рычкова, Ист. Пугач. Бунта, и пр.

Стран. 102. «Полковникъ Чернышевъ прибылъ на освобожденіе Оренбурга, и 29 Апрѣля 1774 года сражался съ мятежниками; Губернаторъ не подалъ ему никакой помощи» и проч.

Не 29 Апрѣля 1774, а 13 Ноября 1773; въ Апрѣлѣ 1774 года разбитый Пугачевъ скитался въ Уральскихъ Горахъ, собирая новую шайку.

Г. Броневскій, описавъ прибытіе Бибикова въ Казань, пишетъ, что въ то время (въ Январѣ 1774) *самозванецъ въ Самарѣ и Пензѣ былъ принятъ народомъ съ хлѣбомъ и солью.*

Самозванецъ въ Январѣ 1774 года находился подъ Оренбургомъ, и разъѣзжалъ по окрестностямъ онаго. Въ *Самарѣ онъ никогда не бывалъ*, а *Пензу взялъ уже послѣ сожженія Казани*, во время своего страшнаго бѣгства, за нѣсколько дней до своей собственной погибели.

Описывая первыя дѣйствія генерала Бибикова и медленное движеніе войскъ, идущихъ на пораженіе самозванца къ Оренбургу, г. Броневскій пишетъ: «Пугачевъ, умѣя грабить и рѣзать, не умѣлъ воспользоваться симъ выгоднымъ для него положеніемъ. Повѣривъ распущеннымъ нарочно слухамъ, что будто отъ Астрахани идетъ для нападенія на него нѣсколько гусарскихъ полковъ съ Донскими Казаками, онъ долго простоялъ на мѣстѣ, потомъ обратился къ низовью Волги, и чрезъ то упустилъ время, чтобы стать на угрожаемомъ нападеніемъ мѣстѣ.»

Показаніе ложное. Пугачевъ все стоялъ подъ Оренбургомъ и не думалъ обращаться къ *низовью Волги.*

Г. Броневскій пишетъ: «Новый главноначальствующій, Графъ Панинъ, не нашелъ *на мѣстѣ* (на какомъ мѣстѣ?) всѣхъ нужныхъ средствъ, чтобы утишить пожаръ мгновенно, и не допустить распространенія онаго за Волгою.»

Графъ П. И. Панинъ назначенъ главноначальствующимъ, когда уже Пугачевъ переправился черезъ Волгу и когда пожаръ уже распространился отъ Нижняго-Новагорода до Астрахани. Графъ прибылъ изъ Москвы въ Керенскъ, когда уже Пугачевъ разбитъ былъ окончательно полковникомъ Михельсономъ.

Умалчиваю о нѣсколькихъ незначащихъ ошибкахъ, но не могу не замѣтить важныхъ пропусковъ.

Г. Броневскій не говоритъ ничего о генералъ-майорѣ Карѣ, игравшемъ столь замѣчательную и рѣшительную роль въ ту нещастную эпоху. Не сказываетъ, кто былъ назначенъ главноначальствующимъ по смерти А. И. Бибикова. Дѣйствія Михельсона въ Уральскихъ Горахъ, его быстрое, неутомимое преслѣдованіе мятежниковъ оставлены безъ вниманія. Ни слова не сказано о Державинѣ, ни слова о Всеволожскомъ. Осада Яицкаго Городка описана въ трехъ слѣдующихъ строкахъ: «Онъ (Мансуровъ) освободилъ Яицкій Городокъ отъ осады и избавилъ жителей отъ голодной смерти: ибо они уже употребляли въ пищу землю.»

Политическія и нравоучительныя размышленія *, коими г. Броневскій украсилъ свое повѣствованіе, слабы и пошлы, и не вознаграждаютъ читателей за недостатокъ фактовъ, точныхъ извѣстій и яснаго изложенія происшествій.

Напримѣръ: «Нравственный міръ, также какъ и физическій, имѣетъ свои феномены, способные устрашить всякаго любопытнаго, дерзающаго разсматривать оные. Если вѣрить философамъ, что человѣкъ состоитъ изъ двухъ стихій, добра и зла: то Емелька Пугачевъ безспорно принадлежалъ къ рѣдкимъ явленіямъ, къ извергамъ, внѣ законовъ природы рожденнымъ; ибо въ естествѣ его не было и малѣйшей искры добра, того благаго начала, той духовной части, которыя разумное твореніе отъ безсмысленнаго животнаго отличаютъ. Исторія сего злодѣя можетъ изумить порочнаго и вселить отвращеніе даже въ самыхъ разбойникахъ и убійцахъ. Она вмѣстѣ съ тѣмъ доказываетъ, какъ низко можетъ падать человѣкъ, и какою адскою злобою можетъ быть преисполнено его сердце. Если бы дѣянія Пугачева подвержены были малѣйшему сомнѣнію, я съ радостію вырвалъ бы страницу сію изъ труда моего.

Я не имѣлъ случая изучать исторію Дона, и потому не могу судить о степени достоинства книги г. Броневскаго; прочитавъ ее, я не нашелъ ничего новаго, мнѣ неизвѣстнаго; замѣтилъ нѣкоторыя ошибки, а въ описаніи эпохи мнѣ знакомой—непростительную опрометчивость. Кажется, г. Броневскій не имѣлъ ни средствъ, ни времени совершить истинно историческій памятникъ. «Тяжкая болѣзнь» — говоритъ онъ въ началѣ «Исторіи Донскаго Войска»—«принудила меня отправиться на Кавказъ. Первый курсъ леченія Пятигорскими минеральными водами, хотя не оказалъ большаго дѣйствія, но, по совѣту медиковъ, я рѣшился взять другой курсъ. Ѣхать въ Петербургъ и къ веснѣ назадъ возвращаться было слишкомъ далеко и убыточно; оставаться на зиму въ горахъ слишкомъ холодно и скучно; и такъ 15 Сентября 1831 года отправился я въ Новочеркасскъ, гдѣ родной мой братъ жилъ по службѣ съ своимъ семействомъ. Осьмимѣсячное мое пребываніе въ городѣ Донскаго войска доставило мнѣ случай познакомиться со многими почтенными особами Донскаго края» и проч. «Въ послѣдствіи увѣрившись, что въ словесности нашей не достаетъ исторіи Донскаго войска, имѣя досугъ и добрую волю, я рѣшился пополнить этотъ недостатокъ» и проч.

Читатели г. Броневскаго могли, конечно, удивиться, увидя вмѣсто статистическихъ и хронологическихъ изслѣдованій о Казакахъ, подробный отчетъ о леченіи автора; но кто не знаетъ, что для больнаго человѣка здоровье его не въ примѣръ за-

нимательнѣе и любопытнѣе всевозможныхъ исто-
рическихъ изысканій и предположеній! Изъ добро-
душныхъ показаній г. Броневскаго видно, что
онъ въ своихъ историческихъ занятіяхъ искалъ толь-
ко невиннаго развлеченія. Это лучшее оправданіе
недостаткамъ его книги.

А. П

ЭПИГРАММЫ И ПР.

I.

Когда я повстрѣчалъ красавицу мою,
Которую любилъ, которую люблю,
Чей власти избѣжать я льстилъ себя обманомъ,—
Я обомлѣлъ! Такъ случаемъ нежданымъ
Гуляющій на волѣ удалецъ
Встрѣчается солдатъ - бѣглецъ
Съ своимъ ужаснымъ капитаномъ.

Д. Д — въ.

II.

Мериносъ собакой сталъ;
Онъ нахальствуетъ упрямо,
Онъ все стадо забодалъ.
Сторожъ, что жъ ты оплошалъ?
Подойди къ барану прямо,
Зацѣпи его на крюкъ,
И прижги ему курдюкъ
Раскаленной эпиграммой!

Н.

III.

Нѣтъ, кажется, тебѣ не суждено
Сразить врага: твой врагъ дѣтина чудный;
Въ немъ совѣсть спитъ покойно, непробудно
Заставить молодца стыдиться—мудрено;
Заставить покраснѣть—не трудно

Н.

IV.

Вошла, какъ Психея, томна и стыдлива,
Какъ юная Пери, стройна и красива;
И шопотъ восторга бѣжитъ по устамъ,
И кроются вѣдьмы, и тошно чертямъ.

Д. Д—въ.

V.

УЧЕНЫЙ РАЗГОВОРЪ.

О ты, убившій жизнь въ ученомъ кабинетѣ,
Скажи мнѣ: сколько чудъ считается на свѣтѣ?
— Семь. — Нѣтъ: осьмое ты, педантъ мой дорогой;
Девятое твой носъ, носъ сизо-красноватый,
Что такъ спѣсиво приподнятый,
Стоитъ украшенный табачною ноздрей.

О
ПАРТИЗАНСКОЙ ВОЙНѢ.

Односторонній взглядъ на предметъ или сужден[...] о немъ съ мнимою предусмотрительностію ест[...] причина того понятія о партизанской войнѣ, к[...]торое не престаетъ еще господствовать. *Схватит[...] языка*, предать пламени нѣсколько непріятельских[...] хранилищъ, недалеко отстоящихъ отъ арміи, со[...]вать незапно передовую стражу, или въ умнож[...]ніи партій видѣть пагубную систему раздробител[...]наго дѣйствія арміи — суть обыкновенныя сей вой[...]ны опредѣленія. И то и другое ложно. Партизанска[...] война состоитъ ни въ весьма дробныхъ, ни въ пер[...]востепенныхъ предпріятіяхъ: ибо занимается н[...] сожженіемъ одного или двухъ амбаровъ, не сорван[...]емъ пикетовъ и не нанесеніемъ прямыхъ ударов[...] главнымъ силамъ непріятеля. *Она объемлетъ и пе[...]ресѣкаетъ все протяженіе путей, отъ тыла пр[...]тивной арміи до того пространства земли, кот[...]рое опредѣлено на снабженіе ея войсками, пропита[...]*

ніемъ и зарядами, чрезъ что заграждая теченіе источника ея силъ и существованія, она подвергаетъ ее ударамъ своей арміи обезсиленною, голодною, обезоруженною и лишенною спасительныхъ узъ подчиненности. Вотъ партизанская война въ полномъ смыслѣ слова.

Безъ сомнѣнія, такого рода война была бы менѣе полезна, еслибъ воевали однѣми малосильными арміями, не требующими большаго количества съѣстныхъ потребностней и дѣйствующими однимъ холоднымъ оружіемъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ изобрѣтены порохъ и огнестрѣльное оружіе, съ тѣхъ поръ, какъ умножили огромность военныхъ силъ, и наконецъ съ тѣхъ поръ, какъ склонились болѣе къ системѣ сосредоточенія, чѣмъ раздробленія войскъ при размѣщеніи и направленіи ихъ въ походахъ и въ дѣйствіи, — съ тѣхъ поръ и пропитаніе ихъ, извлекаемое изъ того пространства земли, которое они собою покрываютъ, должно было встрѣтить невозможности, а производство зарядовъ въ лабораторіяхъ, обученіе рекрутъ и образованіе резервовъ — необоримыя затрудненія среди тревогъ, битвъ и военныхъ случайностей.

При таковыхъ обстоятельствахъ надлежало искать средства къ снабженію войскъ всѣми для войны необходимыми потребностями не чрезъ извлеченія ихъ изъ пространства земли, войсками покрываемаго, что отъ несоразмѣрности потребителей съ произведеніями было бы невозможно, а изъ предѣ-

ловъ, находящихся внѣ боевыхъ происшествій. Отъ сего произошло раздѣленіе театра войны на два поля: на *боевое поле* и на *поле запасовъ*, и снабженіе перваго произведеніями втораго но не вдругъ и не великими громадами, а по мѣрѣ израсходованія съѣстныхъ и боевыхъ предметовъ, возимыхъ при арміи, дабы не обременять ее излишними тяжестями и чрезъ то не оковывать ея движеній. Но само собою разумѣется, что изобрѣтеніе это долженствовало произвести и со стороны противника изобрѣтеніе къ прегражденію снабженія непріятельской арміи предметами столь для нея необходимыми.

Для достиженія этой цѣли два способа представились при первомъ взглядѣ: или дѣйствіе отрядами *на боевое поле* непосредственно въ тылъ фронта арміи, гдѣ производится раздача привозимыхъ зарядовъ и провіанта и размѣщеніе прибывшихъ войскъ изъ резервовъ, или дѣйствіе оными же отрядами на самое *поле запасовъ*.

Но тутъ же удостовѣрились, что первое съ трудомъ прикосновенно отъ смежности самой непріятельской арміи съ мѣстомъ, назначеннымъ для нападенія, а послѣднее обыкновенно ограждаемо укрѣпленіями, въ срединѣ коихъ заключаются склады продовольствія, приготовляются заряды и производится образованіе резервовъ. Осталось то пространство по которому всѣ сіи три предмета доставляются въ армію: вотъ *поле партизанскаго дѣйствія.* Оно не представляетъ тѣхъ препятствій, которыми изоби-

дуетъ и *боевое поле* и *поле запасовъ:* ибо какъ главныя силы арміи, такъ и укрѣпленія, находясь на оконечностяхъ онаго, не въ состояніи защищать его —первыя отъ стремленія всѣхъ усилій на борьбу съ противоположной имъ главной арміей, послѣднія по причинѣ естественной неподвижности своей.

Изъ сего слѣдуетъ, что партизанская война существовать не можетъ, когда непріятельская армія расположена на самомъ *полѣ запасовъ;* но чѣмъ болѣе она удаляется отъ онаго, и слѣдственно, чѣмъ болѣе увеличивается пространство, отдѣляющее *боевое поле* отъ *поля запасовъ,* тѣмъ партизанская война полезнѣе и рѣшительнѣе.

Правда, что осторожные полководцы не минуютъ опредѣлять по всему протяженію главнаго пути, разсѣкающему означенное пространство, и укрѣпленные *этапы,* или *пріюты,* для защиты подвозовъ во время ихъ приваловъ и ночлеговъ, и отряды войскъ для прикрытія сихъ подвозовъ во время переходовъ ихъ отъ этапы до этапы: мѣры благоразумныя, но далеко уступающія и долженствующія уступить нападенію многочисленныхъ и дѣятельныхъ партій, какъ всякое оборонительное дѣйствіе уступаетъ наступательному. Къ тому же, надо прибавить и то, что эти укрѣпленныя этапы сколько ни были бы обширны, никакъ не въ состояніи вмѣщать въ себѣ то количество подводъ, которое составляетъ и самый слабый подвозъ армій нашего времени; прикрытіе, сколько ни было бы многолюдно, никогда

совокупно итти не можетъ по той причинѣ, что, охраняя все протяженіе подвоза, оно принуждено растягиваться по мѣрѣ протяженія онаго во время переходовъ, и потому всегда быть слабѣе на точке натиска партіи, совокупно дѣйствующей. Независимо отъ этихъ неудобствъ, сколько надо боевой силы для снабженія ею сихъ укрѣпленныхъ этаповъ, болѣе и болѣе умножающихся по мѣрѣ движенія впередъ, по мѣрѣ успѣховъ, увлекающихъ наступающую армію далѣе и далѣе отъ *поля запасовъ!*

Теперь, чтобы окончательно выразить всю важность партизанской войны при огромныхъ ополченіяхъ и системѣ сосредоточенія въ дѣйствіяхъ нашего времени, сдѣлаемъ нѣсколько вопросовъ и отвѣтовъ:

1) Кѣмъ производится война?

Людьми соединенными въ арміи.

2) Но люди, такъ сказать, съ пустыми руками могутъ ли сражаться?

Нѣтъ. Война не кулачный бой. Этимъ людямъ нужно оружіе; но со времени изобрѣтенія пороха, и оружіе само собою недостаточно: этому оружію нужны и патроны и заряды, для произведенія дѣйствія отъ него требуемаго; а такъ какъ патроны и заряды болѣе или менѣе выстрѣливаются въ каждой битвѣ и дѣланіе ихъ затруднительно при движеніяхъ и дѣйствіи войскъ, то необходимо нужно снабжать оружія новыми зарядами и патронами съ того мѣста, гдѣ они приготовляются. Это ясно дока-

зываетъ, что армія, и съ оружіемъ въ рукахъ, но безъ патроновъ и зарядовъ, не что иное какъ устроенная толпа людей съ рогатинами, толпа, которая отъ перваго непріятельскаго выстрѣла должна разсѣяться, или, принявъ битву, погибнуть. Словомъ, нѣтъ силы въ арміи, или, можно сказать, что со времени изобрѣтенія пороха—нѣтъ арміи безъ зарядовъ и патроновъ.

3) Требуетъ ли армія подкрѣпленія въ теченіе войны?

Требуетъ, по мѣрѣ потери людей и лошадей въ сраженіяхъ, въ стычкахъ и перестрѣлкахъ, также и отъ ранъ, получаемыхъ ими въ битвахъ, также и отъ болѣзней, умножающихся отъ усиленныхъ переходовъ, ненастья, трудовъ и недостатковъ всякаго рода. Безъ укомплектованія себя, арміи должны мало по малу уменьшаться и потомъ исчезнуть совершенно. — Наконецъ

4) Нечего спрашивать, нужна ли пища солдату: ибо человѣкъ безъ пищи не только сражаться, но и жить не можетъ; а такъ какъ доказано, что по многолюдству своему, арміи нашего времени не въ состояніи довольствоваться произведеніями того пространства земли, которое онѣ собою покрываютъ, то имъ необходимы подвозы съ пищею, безъ которыхъ онѣ должны или умереть съ голоду, или, разсѣясь для отысканія пропитанія за кругъ боевыхъ происшествій, превратиться въ раз-

вратную толпу бродягъ и грабителей, и погибнуть по частямъ, безъ защиты и славы.

И такъ, чтобы лишить непріятеля сихъ трехъ, можно сказать, коренныхъ стихій жизненной и боевой силы всякой арміи, какое для сего избрать средство? Нѣтъ другаго, какъ истребленіе ихъ во время ихъ перемѣщенія съ *поля запасовъ* на *боевое поле,* слѣдственно, средствомъ партизанской войны. Что предприметъ непріятель безъ пищи, безъ зарядовъ и безъ укомплектованія себя войсками? Онъ принужденъ будетъ или прекратить дѣйствіе миромъ, или плѣномъ, или разсѣяніемъ, безъ надежды на соединеніе — три послѣдствія весьма неутѣшительныя и совершенно противоположныя тѣмъ, которыя ста[...]жаетъ всякая армія при открытіи военныхъ дѣйствій. Независимо отъ гибели, которою угрожаетъ партизанская война симъ тремъ кореннымъ стихіямъ силы и существованія всякой арміи, есть второстепенныя необходимости, тѣсно связанныя съ благосостояніемъ ея, и не менѣе подвозовъ съ пищею и съ зарядами, не менѣе доставленія къ ней резервовъ подвергающіяся опасности: подвозы съ одеждою, съ обувью и съ оружіемъ на смѣну испорченному отъ чрезмѣрнаго употребленія или потерянному въ сумятицахъ сраженій; хирургическія и гошпитальныя вещи; курьеры и адъютанты, возящіе иногда весьма важныя повелѣнія изъ непріятельской главной квартиры къ оставшимся позади областямъ, резервамъ, заведеніямъ, отдѣльнымъ корпусамъ и отрядамъ, такъ какъ и донесенія послѣднихъ въ глав[...]

ную квартиру,—чрезъ что разрушается содѣйствіе всѣхъ частей между собою.—Транспорты раненыхъ и больныхъ, перевозимыхъ изъ арміи въ больницы, или команды выздоровѣвшихъ, возвращающіяся изъ больницъ въ армію; чиновники высшаго званія, переѣзжающіе съ одного мѣста на другое для осмотра отдѣльныхъ частей, или для принятія отдѣльнаго начальства, и проч.

Но этого недостаточно. Партизанская война имѣетъ вліяніе и на главныя операціи непріятельской арміи. Перемѣщеніе ея въ теченіе кампаніи по стратегическимъ видамъ долженствуетъ встрѣтить необоримыя затрудненія, когда первый и каждый шагъ ея можетъ немедленно быть извѣстенъ противному полководцу посредствомъ партій, когда сими же партіями, на первомъ и на каждомъ шагу, она можетъ быть задержана засѣками, истребленными переправами, и атакована всѣми противными силами въ то время, какъ, оставя одинъ стратегическій пунктъ, она не успѣла еще достичь до другаго,— что приводитъ намъ на память Сеславина и Малоярославецъ. Таковыми преградами угрожаемъ непріятель и во время отступленія своего. Преграды эти, воздвигнутыя и защищаемыя партіями, способствуютъ преслѣдующей арміи тѣснить отступающую и пользоваться мѣстными выгодами для окончательнаго ея разрушенія: зрѣлище, коему мы были свидѣтелями въ 1812 году, при отступленіи Наполеоновыхъ полчищъ отъ Москвы до Нѣмана.

Но и этого мало. Нравственная часть едва ли уступаетъ вещественной части этого рода дѣйствія. Поднятіе упадшаго духа въ жителяхъ тѣхъ областей, которыя находятся въ тылу непріятельской арміи; отвлеченіе отъ содѣйствія ей людей безпокойныхъ, корыстолюбивыхъ, посредствомъ всякаго рода добычи, отбиваемой у нея и раздѣляемой съ жителями въ замѣну приманокъ, расточаемыхъ имъ вождями противныхъ войскъ въ однѣхъ только прокламаціяхъ; ободреніе собственной арміи частымъ доставленіемъ къ ней и подъ глаза ея плѣнныхъ солдатъ и чиновниковъ, обозовъ, подвозовъ съ провіантомъ, парковъ и даже орудій, и сверхъ того потрясеніе и подавленіе духа въ противодѣйствующихъ войскахъ: таковы плоды партизанской войны, искусно управляемой. Какихъ послѣдствій не будемъ мы свидѣтелями, когда успѣхи партій обратятъ на ихъ сторону все народонаселеніе областей, находящихся въ тылу непріятельской арміи, и ужасъ, посѣянный на ея путяхъ сообщенія, разгласится въ рядахъ ея? когда мысль, что нѣтъ ни прохода, ни проѣзда отъ партій, похищая у каждаго воина надежду при немочи на безопасное убѣжище въ больницахъ, устроенныхъ на *полѣ запасовъ*, а въ рядахъ достаточное пропитаніе, съ того же поля привозимое, въ первомъ случаѣ произведетъ въ немъ робкую предусмотрительность, въ послѣднемъ увлечетъ его на неизбѣжное грабительство — одну изъ главныхъ причинъ паденія дисциплины, а съ дисциплиною совершеннаго разрушенія арміи.

Иностранные писатели излагаютъ законы военнаго искусства не для насъ Русскихъ, а для государствъ, коимъ принадлежали они, слѣдственно, по масштабу и по свойству военной силы, имъ извѣстной, а не по масштабу государства, коего военная сила, средства и мѣстность, и понынѣ находясь за предѣлами понятій и расчетовъ ихъ, столь рѣзко разнствуютъ съ другими государствами. Напримѣръ: правила, чтобы *не употреблять легкаго войска на долгое время и на дальное разстояніе отъ главной арміи,* дабы чрезъ то не лишить ея той числительной силы, которая въ генеральныхъ сраженіяхъ такъ необходима, и что *партизанская война безопасна только въ собственномъ и въ союзномъ государствѣ, но гибельна и невозможна въ предѣлахъ непріятеля* —суть правила справедливыя и неоспоримыя относительно всѣхъ Европейскихъ государствъ, но ошибочныя относительно Россіи.

Легкая Европейская конница составлена изъ людей одинаковаго свойства съ людьми, составляющими всѣ другія части линейнаго войска. Она различествуетъ отъ нихъ одною одеждой и названіемъ, но ничѣмъ другимъ: ни особою способностію къ наѣздамъ и поискамъ, ни особою отважностію, сноровкой и подвижностію; слѣдственно, отдѣленіе отъ главной массы такой легкой конницы на предпріятія, по неспособности ея, невѣрныя и гадательныя— есть истинное раздробленіе арміи на части и лишеніе ея силъ необходимыхъ въ генеральныхъ сраженіяхъ. Къ неспособности этой конницы на отдѣль-

ное дѣйствіе надо присовокупить и малочисленность оной, затрудняющую пребываніе ея въ непріятельской землѣ, которой народонаселеніе въ такой враждѣ или въ явномъ противъ нея возстаніи. Все это чуждо для Россійской арміи. Легкая конница ея состоитъ не изъ бригадъ или дивизій, носящихъ только званіе легкаго войска, а изъ цѣлыхъ племенъ воинственныхъ всадниковъ, исключительно занимающихся наѣздами, и изъ рода въ родъ передающихъ способность свою къ сему роду дѣйствія. Конница эта никогда нейдетъ у насъ въ счетъ съ линейнымъ войскомъ для генеральныхъ сраженій,—и мало полезная въ нихъ, превосходна и неподражаема въ отдѣльныхъ поискахъ.

И такъ, потому что Европейскими арміями не употребляется партизанская война отъ неимѣнія ни единаго истинно - легкаго всадника и отъ необходимости содержать въ общей массѣ даже и тѣхъ, кои носятъ званіе легкихъ всадниковъ, не уже ли и мы, обладающіе цѣлыми народами летучихъ, неутомимыхъ и врожденныхъ наѣздниковъ, ни мало не ослабляющихъ отсутствіемъ своимъ регулярную армію, —не уже ли и мы обязаны воспретить себѣ родъ дѣйствія, для насъ столь полезный, для противниковъ нашихъ столь гибельный? Еслибы случилось Россіи воевать государства, у коихъ не было бы ни артиллеріи, ни конницы, не уже ли надлежало бы отказаться ей отъ употребленія противу нихъ и артиллеріи и конницы? Что сказали бы объ Англіи, если бъ вздумала она заключить флотъ свой въ пристаняхъ, вмѣ-

сто того чтобы сражаться имъ въ открытомъ морѣ съ флотами, столь много уступающими ему и качествомъ и количествомъ? Вотъ, однакоже, что̀ дѣлала Россія въ отношеніи къ своей легкой конницѣ. Насыщенная неразрывнымъ рядомъ побѣдъ и завоеваній, пріобрѣтенныхъ усиліями однихъ линейныхъ войскъ своихъ, и потому имѣя все право избѣгать заботы въ изысканіи другаго рода средствъ къ покоренію своихъ противниковъ, она довольствовалась одними прямыми ударами штыка, ядра и сабли, столь усердно служившихъ ей въ теченіе полнаго столѣтія. Послѣ Бородинскаго сраженія приступлено было къ испытанію этого новаго употребленія легкой конницы. Пущено нѣкоторое число казачьихъ отрядовъ на пути сообщенія непріятельской арміи: и едва отдѣлились они отъ главныхъ нашихъ силъ, какъ безмятежные дотолѣ пути сообщенія непріятеля приняли иной видъ; все обратилось на нихъ вверхъ дномъ и въ хаосъ,—и несмѣтное число солдатъ и всякихъ степеней чиновниковъ, подвозовъ съ провіантомъ и съ оружіемъ, парковъ съ зарядами и даже орудій загромоздили нашу главную квартиру. Безошибочно можно сказать, что болѣе трети войска, отхваченнаго у непріятеля, и всѣ транспорты, къ нему шедшіе и доставшіеся намъ въ сей рѣшительный переломъ судьбы Россіи, принадлежатъ тѣмъ изъ казачьихъ отрядовъ, кои дѣйствовали въ тылу и на флангахъ непріятельской арміи. Если выводъ единаго *испытанія* этого, — ибо по малочисленности партій, пущенныхъ тогда на путь сообщенія непріятеля, можно почесть это предпріятіе истиннымъ

испытаніемъ,—если выводъ этотъ, говорю я, представляетъ намъ такой огромный выигрышъ, при употребленіи такихъ слабыхъ средствъ: то чего не можно ожидать отъ развитія этого рода дѣйствія по размѣру, сообразному съ многочисленностію легкой конницы нашей, въ наступательныхъ войнахъ съ Европою?

Надо надѣяться, или лучше сказать, можно съ достовѣрностію ожидать, что современемъ и эт. часть военной силы, считаемая иноземцами недостойною вниманія,—потому что они судятъ о легкихъ войскахъ нашихъ по своимъ легкимъ войскамъ,—что и эта часть отъ бо̀льшаго и бо̀льшаго усовершенствованія вскорѣ поступитъ на степень прочихъ частей военной силы государства.

Огромна наша мать-Россія! Изобиліе средствъ ея дорого уже стоитъ многимъ народамъ, посягавшимъ на ея честь и существованіе; но не знаютъ еще они всѣхъ слоевъ лавы, покоящихся на днѣ ея. Одинъ изъ сихъ слоевъ состоитъ, безъ сомнѣнія, изъ полудикихъ и воинственныхъ народовъ, населяющихъ всю часть Имперіи, лежащую между Днѣпра, Дона, Кубани, Терека и верховьевъ Урала, и коихъ поголовное ополченіе можетъ выставить въ поле сто, полтораста, двѣсти тысячъ природныхъ наѣздниковъ. Единое мановеніе Царя нашего—и застонутъ поля непріятелей подъ копытами сей свирѣпой и неутомимо-подвижной конницы, предводимой просвѣщенными чиновниками регулярной арміи? Не разрушится ли, не раз-

вѣется ли, не снесется ли прахомъ съ лица земли все, что ни повстрѣчается, живаго и неживаго, на широкомъ пути урагана, направленнаго въ тылъ непріятельской арміи, занятой въ то же время борьбою съ милліонною нашею арміей—первою въ мірѣ по своей храбрости, дисциплинѣ и устройству?

Еще Россія не подымалась во весь исполинскій ростъ свой —и горе ея непріятелямъ, если она когда нибудь подымется!

Д. Давыдовъ.

РОДОСЛОВНАЯ МОЕГО ГЕРОЯ.

(ОТРЫВОКЪ ИЗЪ САТИРИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ)

Начнемъ ab ovo:

Мой Езерскій

Происходилъ отъ тѣхъ вождей,
Чей въ древни вѣки парусъ дерзкій
Поработилъ брега морей.
Одульфъ, его начальникъ рода,
Вельми бѣ грозенъ воевода
(Гласитъ Софійскій Хронографъ).
При Ольгѣ, сынъ его Варлафъ
Пріялъ крещенье въ Царѣградѣ
Съ приданымъ Греческой княжны.
Отъ нихъ два сына рождены,
Якубъ и Дорофей. Въ засадѣ
Убитъ Якубъ, а Дорофей
Родилъ двѣнадцать сыновей.

Онд͡рей, по прозвищу Езерскій,
Родилъ Ивана да Илью,
И въ Лаврѣ схимился Печерской.
Отсель фамилію свою
Ведутъ Езерскіе. При Калкѣ
Одинъ изъ нихъ былъ схваченъ въ свалкѣ,
А тамъ раздавленъ какъ комаръ
Задами тяжкими Татаръ.
За то на Куликовомъ Полѣ
Другой Езерскій, Елизаръ,
Упился кровію Татаръ,
Между Непрядвою и Дономъ,
Ударя съ тыла въ таборъ ихъ
Съ дружиной Суздальцевъ своихъ.

Въ вѣка старинной нашей славы,
Какъ и въ худыя времена,
Крамолъ и смутъ во дни кровавы
Блестятъ Езерскихъ имена.
Они и въ войскѣ, и въ совѣтѣ,
На воеводствѣ, и въ отвѣтѣ *
Служили доблестно Царямъ.
Изъ нихъ Езерскій Варлаамъ
Гордыней славился боярской;

* Въ посольствѣ.

За споръ то съ тѣмъ онъ, то съ другимъ,
Съ большимъ безчестьемъ выводимъ
Бывалъ изъ-за трапезы Царской,
Но снова шелъ подъ тяжкій гнѣвъ
И умеръ, Сицкихъ *пересѣвъ* *.

Когда отъ думы величавой
Пріялъ Романовъ свой вѣнецъ,
Какъ подъ отеческой державой
Русь отдохнула наконецъ,
А наши вороги смирились:
Тогда Езерскіе явились
Въ великой силѣ при дворѣ,
При Императорѣ Петрѣ....
Но извините: статься можетъ,
Читатель, вамъ я досадилъ;
Вашъ умъ духъ вѣка просвѣтилъ,
Васъ спѣсь дворянская не гложетъ,
И нужды нѣтъ вамъ никакой
До вашей книги родовой.

Кто бъ ни былъ вашъ родоначальникъ,
Мстиславъ, Князь Курбскій, иль Ермакъ,
Или Митюшка цѣловальникъ

---

* *Пересѣсть кого,* старинное выраженіе, значитъ занять мѣсто выше.

Вамъ все равно. Конечно, такъ:
Вы презираете отцами
Ихъ славой, честію, правами
Великодушно и умно;
Вы отреклись отъ нихъ давно,
Прямаго просвѣщенья ради,
Гордясь (какъ общей пользы другъ)
Красою *собственныхъ заслугъ,*
Звѣздой двоюроднаго дяди,
Иль приглашеніемъ на балъ
Туда, гдѣ дѣдъ вашъ не бывалъ.

Я самъ — хоть въ книжкахъ и словесно
Собратья надо мной трунятъ —
Я мѣщанинъ, какъ вамъ извѣстно,
И въ этомъ смыслѣ демократъ;
Но каюсь: новый Ходаковскій *,
Люблю отъ бабушки Московской
Я толки слушать о роднѣ,
О толстобрюхой старинѣ.
Мнѣ жаль, что нашей славы звуки
Уже намъ чужды; что спроста̀
Изъ баръ мы лѣземъ въ tiers état,
Что намъ не въ прокъ пошли науки,

* Извѣстный любитель древности, умершій нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

И что спасибо намъ за то
Не скажетъ, кажется, никто.

Мнѣ жаль, что тѣхъ родовъ боярскихъ
Блѣднѣетъ блескъ и никнетъ духъ;
Мнѣ жаль, что нѣтъ князей Пожарскихъ,
Что о другихъ пропалъ и слухъ,
Что ихъ поноситъ и Фигляринъ,
Что Русскій вѣтреный бояринъ
Считаетъ грамоты Царей
За пыльный сборъ календарей,
Что въ нашемъ теремѣ забытомъ
Растетъ пустынная трава,
Что геральдическаго льва
Демократическимъ копытомъ
Теперь лягаетъ и оселъ:
Духъ вѣка вотъ куда зашелъ!

Вотъ почему, архивы роя,
Я разбиралъ въ досужный часъ
Всю родословную героя,
О комъ затѣялъ свой разсказъ,
И здѣсь потомству заповѣдалъ.
Езерскій самъ же твердо вѣдалъ
Что дѣдъ его, великій мужъ,
Имѣлъ двѣнадцатъ тысячъ душъ;

Изъ нихъ отцу его досталась
Осьмая часть, и та сполна
Была давно заложена
И ежегодно продавалась;
А самъ онъ жалованьемъ жилъ
И регистраторомъ служилъ.

ВОЛЬТЕРЪ.

(Correspondance inédite de Voltaire avec l[e] président de Brosses, etc. Paris 1836).

Недавно издана въ Парижѣ переписка Вольтер[а] съ президентомъ де Броссомъ. Она касается покуп[ки] земли, совершенной Вольтеромъ въ 1758 году.

Всякая строчка великаго писателя становится дра[го]цѣнной для потомства. Мы съ любопытством[ъ] разсматриваемъ автографы, хотя бы они были н[е] что иное, какъ отрывокъ изъ расходной тетради или записки къ портному объ отсрочкѣ платежа. Насъ невольно поражаетъ мысль, что рука, начер[]тавшая эти смиренныя цифры, эти незначащія сло[]ва, тѣмъ же самымъ почеркомъ и, можетъ быть, тѣм[ъ] же самымъ перомъ написала и великія творенія предметъ нашихъ изученій и восторговъ. Но, ка[]жется, одному Вольтеру предоставлено было соста[]вить изъ дѣловой переписки о покупкѣ земли кни[]гу, на каждой страницѣ заставляющую васъ смѣять[-]

ся, и передать сдѣлкамъ и купчаямъ всю заманчивость остроумнаго памфлета. Судьба на столь забавнаго покупщика послала продавца не менѣе забавнаго. Президентъ де Броссъ есть одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ писателей прошедшаго столѣтія. Онъ извѣстенъ многими учеными сочиненіями, * но лучшимъ изъ его произведеній мы почитаемъ письма, имъ написанныя изъ Италіи въ 1730—1740, и недавно вновь изданныя подъ заглавіемъ: «L'Italie il y a cent ans». Въ этихъ дружескихъ письмахъ де Броссъ обнаружилъ необыкновенный талантъ. Ученость истинная, но никогда неотягощенная педантизмомъ, глубокомысліе, шутливая острота, картины набросанныя съ небреженіемъ, но живо и смѣло, ставятъ его книгу выше всего, что̀ писано было въ томъ же родѣ.

Вольтеръ, изгнанный изъ Парижа, принужденный бѣжать изъ Берлина, искалъ убѣжища на берегу Женевскаго Озера. Слава не спасала его отъ безпокойствъ. Личная свобода его была не безопасна; онъ дрожалъ за свои капиталы, розданные имъ въ разныя руки. Покровительство маленькой, мѣщанской республики не слишкомъ его ободряло. Онъ хотѣлъ на всякой случай помириться съ своимъ отечествомъ и желалъ (пишетъ онъ самъ) имѣть одну ногу въ монархіи, другую въ республикѣ — дабы перешагать туда и сюда, смотря по обстоятельствамъ.

---

* Histoire des navigations aux terres australes; Traité de la formation mécanique des langues; Histoire du VII siède de la République Romaine; Traité du culte des dieux fétiches, и проч.

Мѣстечко Турне (Tournoy), принадлежавшее президенту де Броссъ, обратило на себя его вниманіе. Онъ зналъ президента за человѣка безпечнаго, расточительнаго, вѣчно имѣющаго нужду въ деньгахъ, и вступилъ съ нимъ въ переговоры слѣдующимъ письмомъ:

«Я прочелъ съ величайшимъ удовольствіемъ то, что вы пишите объ Австраліи; но позвольте сдѣлать вамъ предложеніе, касающееся твердой земли. Вы не такой человѣкъ, чтобъ Турне могло приносить вамъ доходъ. Шуэ, вашъ арендаторъ, думаетъ уничтожить свой контрактъ. Хотите ли продать мнѣ землю вашу пожизненно? Я старъ и хворъ. Я знаю, что дѣло это для меня невыгодно; но вамъ оно будетъ полезно, а мнѣ пріятно—и вотъ условія, которыя вздумалось мнѣ повергнуть вашему благоусмотрѣнію.

«Обязуюсь изъ матеріаловъ вашего прегадкаго замка выстроить хорошенькій домикъ. Думаю на то употребить 25,000 ливровъ. Другіе 25,000 ливровъ заплачу вамъ чистыми деньгами.

«Все, чѣмъ украшу землю, весь скотъ, всѣ земледѣльческія орудія, коими снабжу хозяйство, будутъ вамъ принадлежать. Если умру, не успѣвъ выстроить домъ, то у васъ останутся въ рукахъ 25,000 ливровъ, и вы достроите его, коли вамъ будетъ угодно. Но я постараюсь прожить еще два года, и

тогда вы будете даромъ имѣть очень порядочный домикъ.

«Сверхъ сего обязуюсь прожить не болѣе четырехъ или пяти лѣтъ.

«Въ замѣнъ сихъ честныхъ предложеній, требую вступить въ полное владѣніе вашимъ движимымъ и недвижимымъ имѣніемъ, правами, лѣсомъ, и даже каноникомъ, до самаго того времени, какъ онъ меня похоронитъ. Если этотъ забавный торгъ покажется вамъ выгоднымъ, то вы однимъ словомъ можете утвердить его не на шутку. Жизнь слишкомъ коротка: дѣла не должны длиться.

«Прибавлю еще слово. Я украсилъ мою норку, прозванную les Delices; я украсилъ домъ въ Лозанѣ; то и другое теперь стóитъ вдвое противу прежней цѣны: то же сдѣлаю и съ вашей землею. Въ теперешнемъ ея положеніи, вы никогда ея съ рукъ не сбудете.

«Во всякомъ случаѣ прошу васъ сохранить все это въ тайнѣ, и честь имѣю», и проч.

Де Броссъ не замедлилъ своимъ отвѣтомъ. Письмо его, какъ и Вольтерово, исполнено ума и веселости.

«Если бы я былъ въ вашемъ сосѣдствѣ (пишетъ онъ) въ то время, какъ вы поселились такъ близко къ городу *, то, восхищаясь вмѣстѣ съ ва-

* Вольтеръ въ 1755 году купилъ *les Délices sur St. Jean*, близъ самой Женевы.

ми физическою красотою береговъ вашего озера, я бы имѣлъ честь шепнуть вамъ на ухо, что нравственный характеръ жителей требовалъ, чтобы вы поселились во Франціи, по двумъ важнымъ причинамъ: во-первыхъ, потому что надобно жить у себя дома, во-вторыхъ, потому что не надобно жить у чужихъ. Вы не можете вообразить, до какой степени эта республика заставляетъ меня любить монархіи . . . . . Я бы вамъ и тогда предложилъ свой замокъ, еслибъ онъ былъ васъ достоинъ; но замокъ мой не имѣетъ даже чести быть древностію: это просто *вѣтошь.* Вы вздумали возвратить ему юность, какъ Мемнону: я очень одобряю ваше предположеніе. Вы не знаете, можетъ быть, что г. д'Аржанталь имѣлъ для васъ то же намѣреніе. — Приступимъ къ дѣлу.»

Тутъ де Броссъ разбираетъ одно за другимъ всѣ условія, предлагаемыя Вольтеромъ; съ иными соглашается, другимъ противорѣчитъ, обнаруживая смѣтливость и тонкость, которыхъ Вольтеръ отъ президента, кажется, не ожидалъ. Это подстрекнуло его самолюбіе. Онъ началъ хитрить; переписка завязалась живѣе. Наконецъ 15 Декабря купчая была совершена.

Эти письма, заключающія въ себѣ переговоры торгующихся, и нѣсколько другихъ, писанныхъ по заключеніи торга, составляютъ лучшую часть переписки Вольтера съ де Броссомъ. Оба другъ передъ другомъ кокетничаютъ; оба поминутно оставля-

ютъ дѣловые запросы для шутокъ самыхъ неожиданныхъ, для сужденій самыхъ искреннихъ о людяхъ и происшествіяхъ современныхъ. Въ этихъ письмахъ Вольтеръ является Вольтеромъ, т. е. любезнѣйшимъ изъ собесѣдниковъ; де Броссъ—тѣмъ острымъ писателемъ, который такъ оригинально описалъ Италію въ ея правленіи и привычкахъ, въ ея жизни художественной и сладострастной.

Но вскорѣ согласіе между новымъ хозяиномъ земли и прежнимъ ея владѣльцемъ было прервано. Война, какъ и многія другія войны, началась отъ причинъ маловажныхъ. Срубленныя деревья осердили нетерпѣливаго Вольтера; онъ поссорился съ президентомъ, не менѣе его раздражительнымъ. Надобно видѣть, что̀ такое гнѣвъ Вольтера! Онъ уже смотритъ на де Бросса какъ на врага, какъ на Фрерона, какъ на великаго инквизитора. Онъ собирается его погубить: «qu'il tremble!» — восклицаетъ онъ въ бѣшенствѣ — «il ne s'agit pas de le rendre ridicule: il s'agit de le deshonorer!» Онъ жалуется, онъ плачетъ, онъ скрежещетъ.... а все дѣло въ двухъстахъ франкахъ. Де Броссъ съ своей стороны не хочетъ уступить вспыльчивому философу; въ отвѣтъ на его жалобы, онъ пишетъ знаменитому старцу надменное письмо, укоряетъ его въ природной дерзости, совѣтуетъ ему въ минуты сумасшествія воздерживаться отъ пера, не краснѣть опомнившись потомъ, и окончиваетъ письмо, желаніемъ Ювенала:

Mens sana in corpore sano.

*

Посторонніе вмѣшиваются въ распрю сосѣдей. Общій ихъ пріятель, г. Рюфе, старается усовѣстить Вольтера и пишетъ къ нему ѣдкое письмо (которое, вѣроятно, диктовано самимъ де Броссомъ): «Вы боитесь быть обманутымъ»—говоритъ г. Рюфе,—«но изъ двухъ ролей это лучшая . . . Вы не имѣли никогда тяжебъ: онѣ разорительны, даже когда ихъ и выигрываемъ . . . Вспомните устрицу Лафонтена и пятую сцену втораго дѣйствія въ *Скапиновыхъ Обманахъ* *. Сверхъ адвокатовъ, вы должны еще опасаться и литтературной черни, которая рада будетъ на васъ броситься . . . .»

Вольтеръ первый утомился, и уступилъ. Онъ долго дулся на упрямаго президента, и былъ причиною тому, что де Броссъ не попалъ въ Академію (что въ то время много значило). Сверхъ того Вольтеръ имѣлъ удовольствіе его пережить: де Броссъ, младшій изъ двухъ пятнадцатью годами, умеръ въ 1777 году, годомъ прежде Вольтера.

Не смотря на множество матеріаловъ, собранныхъ для исторіи Вольтера (ихъ цѣлая библіотека), какъ человѣкъ дѣловой, капиталистъ и владѣлецъ, онъ еще весьма мало извѣстенъ. Нынѣ изданная переписка открываетъ многое. «Надобно видѣть»—пишетъ издатель въ своемъ предисловіи,—«какъ баловень Европы, собесѣдникъ Екатерины Великой и Фридерика II, занимается послѣдними мелочами для

* Сцену, въ которой Леандръ заставляетъ Скапина на колѣняхъ признаваться во всѣхъ своихъ плутняхъ.

поддержанія своей мѣстной важности; надобно видѣть, какъ онъ въ праздничномъ кафтанѣ въѣзжаетъ въ свое графство, сопровождемый своими обѣими племянницами (*которыя весь въ бриллiантахъ*); какъ выслушиваетъ онъ рѣчь своего священника, и какъ новые подданные привѣтствуютъ его пальбой изъ пушекъ, взятыхъ на прокатъ у Женевской Республики. — Онъ въ вѣчной распрѣ со всѣмъ мѣстнымъ духовенствомъ. *Габель* (налогъ на соль) находитъ въ немъ тонкаго и дѣятельнаго противника. Онъ хочетъ быть банкиромъ своей провинціи. Вотъ онъ пускается въ спекуляціи. У него свои дворяне: онъ шлетъ ихъ посланниками въ Швейцарію. И все это его ворочаетъ; онъ искренно тревожится обо всемъ, съ этой раздражительностію страстей, исключительно ему свойственной. Онъ расточаетъ то искусныя разсужденія адвоката, то прицѣпки прокурора, то хитрости купца, то гиперболы стихотворца, то порывы истиннаго краснорѣчія. Письмо его къ президенту о дракѣ въ кабакѣ право напоминаетъ его заступленіе за семейство Коласа.»

Въ одномъ изъ этихъ писемъ встрѣтили мы неизвѣстные стихи Вольтера. На нихъ легкая печать его неподражаемаго таланта. Они писаны сосѣду, который прислалъ ему розаны.

Vos rosiers sont dans mes jardins,
Et leur fleurs vont bientôt paraître
Doux asile où je suis mon maître!
Je renonce aux lauriers si vains,
Qu'à Paris j'aimai strop peut-être.
Je me suis trop piqué les mains
Aux épines qu'ils ont fait naître.

Признаемся въ *госоco* нашего запоздалаго вкуса въ этихъ семи стихахъ мы находимъ болѣе *слога*, болѣе жизни, болѣе мысли, нежели въ полдюжинѣ длинныхъ Французскихъ стихотвореній, писанныхъ въ нынѣшнемъ вкусѣ, гдѣ мысль замѣняется исковерканнымъ выраженіемъ, ясный языкъ Вольтера— напыщеннымъ языкомъ Ронсара, живость его—несноснымъ однообразіемъ, а остроуміе—площаднымъ цинизмомъ или вялой меланхоліей.

Вообще переписка Вольтера съ де Броссомъ, представляетъ намъ творца Меропы и Кандида съ его милой стороны. Его притязанія, его слабости, его дѣтская раздражительность—все это не вредитъ ему въ нашемъ воображеніи. Мы охотно извиняемъ его и готовы слѣдовать за всѣми движеніями пылкой его души и безпокойной чувствительности. Но не такое чувство раждается при чтеніи писемъ, приложенныхъ издателемъ къ концу книги, нами разбираемой. Эти новыя письма найдены въ бумагахъ г. де ла Туша, бывшаго Французскимъ посланникомъ при дворѣ Фридерика II (въ 1752 г.)

Въ это время Вольтеръ не ладилъ съ *Сѣвернымъ Соломономъ* *, своимъ прежнимъ ученикомъ. Мопертюи, президентъ Берлинской Академіи, поссорился съ профессоромъ Кёнигомъ. Король взялъ сторону своего президента; Вольтеръ заступился за профессора. Явилось сочиненіе безъ имени автора, подъ заглавіемъ: *Письмо къ Публикѣ*. Въ немъ осужда-

* Такъ называлъ Вольтеръ Фридерика II въ хвалебныхъ своихъ посланіяхъ.

ли Кёнига и задѣвали Вольтера. Вольтеръ возразилъ, и напечаталъ свой колкій отвѣтъ въ Нѣмецкихъ журналахъ. Спустя нѣсколько времени, «Письмо къ Публикѣ» было перепечатано въ Берлинѣ съ изображеніемъ короны, скиптра и Прусскаго орла на заглавномъ листѣ. Вольтеръ только тогда догадался, съ кѣмъ имѣлъ онъ неосторожность состязаться, и сталъ помышлять о благоразумномъ отступленіи. Онъ видѣлъ въ поступкахъ Короля явное къ нему охлажденіе и предчувствовалъ опалу. «Я стараюсь тому не вѣрить»—писалъ онъ въ Парижъ къ д'Аржанталю,—«но боюсь быть подобну рогатымъ мужьямъ, которые силятся увѣрить себя въ вѣрности своихъ женъ. Бѣдняжки втайнѣ чувствуютъ свое горе!» Не смотря на свое уныніе, онъ однакожь не могъ удержаться, чтобъ еще разъ не задѣть своихъ противниковъ. Онъ написалъ самую язвительную изъ своихъ сатиръ (la Diatribe du Dr. Akakia) и напечаталъ ее, выманивъ обманомъ позволеніе на то отъ самого Короля.

Слѣдствія извѣстны. Сатира, по повелѣнію Фридерика, сожжена была рукою палача. Вольтеръ уѣхалъ изъ Берлина, задержанъ былъ во Франкфуртѣ Прусскими приставами, нѣсколько дней находился подъ арестомъ, и принужденъ былъ выдать стихотворенія Фридерика, напечатанныя для немногихъ, и между коими находилась сатирическая поэма противъ Людовика XV и его двора. —

Вся эта жалкая исторія мало приноситъ чести философіи. Вольтеръ, во все теченіе долгой своей жиз-

ни, никогда не умѣлъ сохранить своего собственнаго достоинства. Въ его молодости заключеніе въ Бастилію, изгнаніе и преслѣдованіе не могли привлечь на его особу состраданія и сочувствія, въ которыхъ почти никогда не отказывали страждущему таланту. Наперсникъ Государей, идолъ Европы, первый писатель своего вѣка, предводитель умовъ и современнаго мнѣнія, Вольтеръ и въ старости не привлекалъ уваженія къ своимъ сѣдинамъ: лавры, ихъ покрывающія, были обрызганы грязью. Клевета, преслѣдующая знаменитость, но всегда уничтожающаяся передъ лицемъ истины, вопреки общему закону, для него не исчезала, ибо была всегда правдоподобна. Онъ не имѣлъ самоуваженія и не чувствовалъ необходимости въ уваженіи людей. Что влекло его въ Берлинъ? За чѣмъ ему было промѣнивать свою независимость на милости Государя, ему чужаго, не имѣвшаго никакого права его къ тому принудить? . . .

Къ чести Фридерика II скажемъ, что самъ отъ себя Король, вопреки природной своей насмѣшливости, не сталъ бы унижать своего стараго учителя, не надѣлъ бы на перваго изъ Французскихъ поэтовъ шутовскаго кафтана, не предалъ бы его на посмѣяніе свѣта, если бы самъ Вольтеръ не напрашивался на такое жалкое посрамленіе.

До сихъ поръ полагали, что Вольтеръ самъ отъ себя, въ порывѣ благороднаго огорченія, отослалъ Фридерику каммергерскій ключь и Прусскій орденъ,

знаки непостоянныхъ его милостей; но теперь открывается, что Король самъ ихъ потребовалъ обратно. Роль перемѣнена: Фридерикъ негодуетъ и грозитъ, Вольтеръ плачетъ и умоляетъ....

Что̀ изъ этого заключить? Что геній имѣетъ свои слабости, которыя утѣшаютъ посредственность, но печалятъ благородныя сердца, напоминая имъ о несовершенствѣ человѣчества; что настоящее мѣсто писателя есть его ученый кабинетъ, и что наконецъ независимость и самоуваженіе однѣ могутъ насъ возвысить надъ мелочами жизни и надъ бурями судьбы.

ѲРАКІЙСКІЯ ЭЛЕГІИ, *

СТИХОТВОРЕНІЯ ВИКТОРА ТЕПЛЯКОВА. 1836.

Въ наше время молодому человѣку, который готовится посѣтить великолѣпный Востокъ, мудрено, садясь на корабль, не вспомнить лорда Байрона и невольнымъ соучастіемъ не сблизить судьбы своей съ судьбою Чильдъ-Гарольда. Ежели, паче чаянія, молодой человѣкъ еще и поэтъ и захочетъ выразить свои чувствованія, то какъ избѣжать ему подражанія? Можно ли за то его укорять? Талантъ неволенъ, и его подражаніе не есть постыдное похищеніе — признакъ умственной скудости, но благородная надежда на свои собственныя силы, надежда открыть новые міры, стремясь по слѣдамъ генія, — или чувство, въ смиреніи своемъ еще болѣе возвышенное: желаніе изучить свой образецъ и дать ему вторичную жизнь.

---

* Отпечатаны и на дняхъ поступятъ въ продажу.

Нѣтъ сомнѣнія, что фантастическая тѣнь Чильдъ-Гарольда сопровождала г. Теплякова на кораблѣ, принесшемъ его къ Θракійскимъ берегамъ. Звуки прощальныхъ строфъ

Adieu, adieu, my native land!

отзываются въ самомъ началѣ его пѣсенъ:

Плывемъ!... Блѣднѣетъ день; бѣгутъ брега родные;
Златой струится блескъ по синему пути;
Прости, земля! прости Россія!
Прости, о родина, прости!

Но уже съ первыхъ стйховъ поэтъ обнаруживаетъ самобытный талантъ:

Безумецъ! что за грусть? Въ минуту разлученья
Чьи слезы ты лобзалъ на берегу родномъ?
Чьи слышалъ ты благословенья?
Одно минувшее мудренымъ, тяжкимъ сномъ
Въ тотъ мигъ душѣ твоей мелькало,
И юности твоей избитый бурей чёлнъ,
И бездны, передъ ней отверстыя, казало! —
Пусть такъ! Но грустно мнѣ! Какъ плескъ угрюмыхъ волнъ
Печально въ сердцѣ раздается!
Какъ быстро мой корабль въ чужую даль несется!
О, лютня странника, святой отъ грусти щитъ,
Приди, подруга думъ завѣтныхъ!
Пусть въ каждомъ звукѣ струнъ привѣтныхъ
Къ тебѣ душа моя, о родина, летитъ!

I.

Пускай на юность ты мою
Вѣнецъ терновый наложила —
О мать! душа не позабыла
Любовь старинную твою!
Теперь — сны сердца прочь летите!
Къ отчизнѣ душу не маните!
Тамъ никому меня не жаль!
Синѣй, синѣй, чужая даль!
Сѣдыя волны, не дремлите!

II.

Какъ жадно вольной грудью я
Пью безпредѣльности дыханье!
Лазурный міръ! въ твоемъ сіяньи
Сгараетъ, тонетъ мысль моя!
Шумите, парусы, шумите!
Мечты о родинѣ, молчите:
Тамъ никому меня не жаль!
Синѣй, синѣй, чужая даль!
Сѣдыя волны, не дремлите!

III.

Увижу я страну боговъ;
Краснорѣчивый прахъ открою:
И зашумитъ передо мною
Рой незапамятныхъ вѣковъ!
Гуляйте-жъ, вѣтры, не молчите!
Утесы родины, простите!

Тамъ никому меня не жаль!
Синѣй, синѣй, чужая даль!
Сѣдыя волны, не дремлите!

Тутъ есть гармонія, лирическое движеніе, истина чувствъ!

Вскорѣ поэтъ плыветъ мимо береговъ, прославленныхъ изгнаніемъ Овидія; они мелькаютъ передъ нимъ на краю волнъ,

Какъ поясъ желтый и струистый.

Поэтъ привѣтствуетъ незримую гробницу Овидія, стихами слишкомъ небрежными:

Святая тишина Назоновой гробницы
Громка, какъ дальній шумъ побѣдной колесницы!
О! кто средь мертвыхъ сихъ песковъ
Мнѣ славный гробъ его укажетъ?
Кто повѣсть мукъ его разскажетъ —
Степной ли вѣтръ, иль плескъ валовъ,
Иль въ шумѣ бури гласъ вѣковъ?...
Но тише.... тише.... что за звуки?
Чья тѣнь надъ бездною сѣдой
Меня манитъ, подъемля руки,
Качая тихо головой?
У ногъ лежитъ вѣнецъ терновый (!),
Въ лучахъ сіяетъ голова,
Бѣлѣе волнъ хитонъ *перловый*,
Святѣй ихъ ропота слова. —
И подъ эѳирными перстами

О древнихъ людяхъ, съ ихъ бѣдами,
Златая лира говоритъ.
Печально струнъ ея бряцанье:
Въ немъ сердцу слышится изганье;
Въ немъ *стонъ о родинѣ звучитъ,*
Какъ плачъ души безъ упованья.

Тишина гробницы, громкая какъ дальній шумъ колесницы; стонъ, звучащій какъ плачъ души; слова, которыя святѣе ропота волнъ... все это не точно, фальшиво, или просто ничего не значитъ.

Гросетъ въ одномъ изъ своихъ посланій пишетъ:

Je cesse d'estimer Ovide,
Quand il vient sur de faibles tons
Méchanter, pleureur insipide,
De longues lamentations.

Книга *Tristium* не заслуживала такого строгаго осужденія. Она выше, по нашему мнѣнію, всѣхъ прочихъ сочиненій Овидіевыхъ (кромѣ «Превращеній»). Героиды, элегіи любовныя, и самая поэма «Ars amandi», мнимая причина его изгнанія, уступаютъ «Элегіямъ Понтійскимъ». Въ сихъ послѣднихъ болѣе истиннаго чувства, болѣе простодушія, болѣе индивидуальности, и менѣе холоднаго остроумія. Сколько яркости въ описаніи чуждаго климата и чуждой земли! Сколько живости въ подробностяхъ! И какая грусть о Римѣ! Какія трогательныя жалобы! Благодаримъ г. Теплякова за то, что онъ не ищетъ блистать душевной твердостію на счетъ бѣднаго изгнанника, а съ живостію заступается за него.

И ты-ль тюремный вопль, о странникъ! назовешь
Ласкательствомъ души уничиженной?—
Нѣтъ, самъ терновою стезею ты идешь,
Слѣпой судьбы проклятьемъ пораженный!...

Подобно мнѣ (Овидію), ты сиръ и одинокъ межъ всѣхъ,
И знаешь самъ хладъ жизни безъ отрады;
Огнь сердца безъ тепла, и безъ веселья смѣхъ,
И плачъ безъ слезъ, и слезы безъ услады!

Пѣснь, которую поэтъ влагаетъ въ уста Назоновой тѣни, имѣла бы болѣе достоинства, если бы г. Тепляковъ болѣе соображался съ характеромъ Овидія, такъ искренно обнаруженнымъ въ его *плачѣ*. Онъ не сказалъ бы, что при набѣгахъ Гетовъ и Бессовъ, поэтъ

Радостно на смертный мчался бой.

Овидій добродушно признается, что онъ и смолоду не былъ охотникъ до войны, что тяжело ему подъ старость покрывать сѣдину свою шлемомъ, и трепетной рукою хвататься за мечь при первой вѣсти о набѣгѣ (См. Trist. Lib. IV. El. I).

Элегія «Томисъ» окончивается прекрасными стихами:

Не буря-ль это, кормчій мой?
Ужь черезъ мачты море хлещетъ,
И предъ чудовищной волной,
Какъ предъ тираномъ рабъ нѣмой,

Корабль твой гнется и трепещетъ!»

. . . .

. . . .

. . . .

«Вели стрѣлять! Быть можетъ, насъ
Какой нибудь въ сей страшный часъ
Корабль услышитъ отдаленный!» —
И грянулъ знакъ .... и все молчитъ,
Лишь море бьется и кипитъ,
Какъ тигръ бросаясь разъяренный; —
Лишь вѣтра свистъ, лишь бури вой,
Лишь съ неба голосъ громовой
Толпѣ отвѣтствуютъ смятенной.»
«Мой кормчій, какъ твой блѣденъ ликъ!»
— Не ты-ль дерзнулъ бы въ этотъ мигъ,
О странникъ, бурѣ улыбаться? —
«Ты отгадалъ!...» Я сердцемъ съ ней
Желалъ-бы каждый мигъ сливаться;
Желалъ-бы въ бой стихій вмѣшаться!...
Но нѣтъ, — и громче, и сильнѣй
Святой призывъ съ другаго свѣта,
Слова погибшаго поэта
Теперь звучатъ въ душѣ моей!

Вскорѣ изъ глазъ поэта исчезаютъ берега, съ которыхъ низвергаются въ море воды семиустнаго Дуная.

Какъ старъ сей шумный Истръ! *Чела его морщины*
Сѣдыхъ вѣковъ скрываютъ рой:

Во мглѣ ихъ Дарія мелькаетъ челнъ нѣмой,
Мелькаютъ и орлы Траяновой дружины.
Скажи, сафирный богъ, надъ брегомъ ли твоимъ,
По дебрямъ и горамъ, сквозь боръ необозримый,
Средь тучи варваровъ, на этотъ вѣчный Римъ
Летѣлъ Сатурнъ неотразимый?
Не ты ль спиралъ свой быстрый бѣгъ
Народовъ съ бурными волнами,
И твой ли въ ихъ крови *не растопился* брегъ,
Племенъ безчисленныхъ усѣянный костями?

Хотите ль знать, зачѣмъ, куда,
И изъ какой глуши далекой
Неслась ихъ бурная чреда,
Какъ лавы огненной потоки?
— Спросите вы, зачѣмъ къ садамъ,
Къ богатымъ нивамъ и лугамъ
По вѣтру саванъ свой летучій
Мчатъ саранчи голодной тучи;
Спросите молнію, куда она летитъ,
Откуда ураганъ крушительный бѣжитъ,
Зачѣмъ кочуетъ валъ ревучій!

Слѣдуетъ идиллическая, немного блѣдная картина народа кочующаго; размышленія при видѣ развалинъ Венеціянскаго зáмка имѣютъ ту невыгоду, что напоминаютъ нѣкоторыя строфы изъ четвертой пѣсни Чильдъ—Гарольда, строфы, слишкомъ сильно врѣзанныя въ наше воображеніе. Но вскорѣ поэтъ снова одушевляется.

Улегся вѣтеръ; водъ стекло
Яснѣй небесъ лазурныхъ блещетъ;
Повисшій парусъ нашъ, какъ лебедя крыло,
Свинцомъ охотника пронзенное, трепещетъ.
Но что за гулъ?.. Какъ громъ глухой
Надъ тихимъ моремъ онъ раздался. —
То грохотъ пушки заревой,
Изъ Русской Варны онъ примчался!
О радость! завтра мы узримъ
Страну поклонниковъ Пророка;
Подъ небомъ вѣчно-голубымъ
Упьемся воздухомъ твоимъ,
Земля роскошнаго Востока!
И въ темныхъ миртовыхъ садахъ,
Фонтановъ мраморныхъ при медленномъ журчаньи,
При соблазнительныхъ луны твоей лучахъ,
Въ твоемъ, о юная невольница, лобзаньи
Цвѣтовъ родной твоей страны,
Живыхъ восточныхъ розъ отвѣдаемъ дыханье
И жаръ, и свѣжесть ихъ весны!....

Элегія «Гебеджинскія Развалины», по мнѣнію нашему, лучшая изо всѣхъ. Въ ней обнаруживается необыкновенное искусство въ описаніяхъ, яркость въ выраженіяхъ и сила въ мысляхъ. Пользуясь намъ даннымъ позволеніемъ, выписываемъ бо̀льшую часть этой Элегіи.

Столбовъ, поникнувшихъ сѣдыми головами,
Столбовъ у Тлѣнности угрюмой на часахъ,

Стоящихъ пасмурно надъ падшими столбами —
Повсюду сумрачный дедалъ въ моихъ очахъ!
. . . .
. . . .
. . . .
Дружины мертвецовъ гранитныхъ!
Не вы ли стражи тѣхъ столбовъ,
На коихъ чудеса вѣковъ,
Искусствъ и знаній первобытныхъ
Рукою Сиѳовыхъ начертаны сыновъ?...
Какъ знать? И здѣсь былой порою,
Творенья, можетъ быть, весною,
Родъ человѣческій безъ умолку жужжалъ —
Въ тѣ времена, какъ нашихъ башенъ
Главою отрокъ достигалъ,
И мамонта, могучъ и страшенъ,
На битву равную охотникъ вызывалъ!
Быть можетъ, нѣкогда и въ этомъ запустѣньи
Гигантской роскоши лилось обвороженье:
Вздымались портики близъ кедровыхъ палатъ,
Кругомъ висячіе сады благоухали,
Тѣснились мѣдныя чудовища у вратъ,
И мраморъ золотомъ расписанныхъ аркадъ
Слоны гранитные хребтами подпирали!
И здѣсь огромныхъ башенъ лѣсъ,
До вѣковыхъ переворотовъ,
Пронзалъ, быть можетъ, сводъ небесъ,
И пѣна горныхъ струй, средь пальмовыхъ древесъ,
Изъ пасти бронзовыхъ сверкала бегемотовъ! —
И здѣсь на жертвенную кровь,

Быть можетъ, мирными вѣнчанные цвѣтами,
Колоссы яшмовыхъ боговъ
Глядѣли весело алмазными очами....
Такъ, такъ! подлуннаго величія звѣздой
И сей Ничтожества былъ озаренъ объѣдокъ, —
Парилъ умовъ надмѣнныхъ рой,
Цвѣла любовь.... и напослѣдокъ —
Повсюду смерть, повсюду прахъ
Въ печальныхъ странника очахъ!

Лишь ты, Армида красотою,
Надъ сей могилой вѣковою,
Природа-мать, лишь ты одна
Души магической полна!
Какою роскошью чудесной
Сей градъ развалинъ неизвѣстный
Повсюду богатитъ она! —
Взгляните: этотъ столбъ, гигантъ окаменѣлый,
Какъ въ полѣ колосъ переспѣлый,
Къ землѣ онъ древнею склонился головой;
Но съ нимъ, подвинутый годами,
Сосѣдъ, увѣнчанный цвѣтами,
Гирляндой связанъ молодой;
Но съ головы его маститой
Кудрей зеленыхъ вьется рой,
И плащъ изъ листьевъ шелковитый,
Колышетъ вѣтръ на немъ лѣсной!
Вотъ столбъ другой: на дернъ кудрявый,
Какъ трупъ онъ рухнулся безглавый;

Но по сіяющимъ развалины рубцамъ
Играетъ свѣжій плющъ и вьется миртъ душистый,
И великана корень мшистый
Корзиной вешнимъ сталъ цвѣтамъ!
И вмѣсто рухнувшей громады
Ужь юный тополь нѣжитъ взгляды,
И тихо все... лишь соловей,
Какъ сердце, полное—то безнадежной муки,
То чудной радости—съ густыхъ его вѣтвей
Свои льетъ пламенные звуки....
Лишь посреди сѣдыхъ столбовъ,
Хаоса дикихъ травъ, обломковъ и цвѣтовъ,
Вечернимъ золотомъ облитыхъ—
Семейсгво ящерицъ отъ странника бѣжитъ,
И въ камняхъ, зелени узорами обвитыхъ,
Кустами дальними шумитъ!...

Іероглифы вѣковые,
Былаго міра мавзолей!
Межь вами и душой моей,
Скажите, что за симпатія? —
Нѣтъ! вы не мертвая Ничтожества строка:
Вашъ прахъ—урокъ судьбы тщеславію потомковъ;
Живѣй ли гордый лавръ сихъ дребезговъ цвѣтка?...
О дайте жь, дайте для вѣнка
Мнѣ листьевъ съ мертвыхъ сихъ обломковъ!

Остатки Древности святой,
Когда безмолвно я надъ вами
Парю крылатою мечтой —

Вѣка̀ смѣняются вѣками,
Какъ волны моря предо мной!
И съ великанами былыми —
Тогда я будто какъ съ родными,
И неземнаго бытія
Призывъ блаженный слышу я!...

Но день погасъ, а я душою
Къ симъ камнямъ будто пригвождёнъ,
И вотъ ужь яхонтовой мглою
Одѣлся вѣчный небосклонъ.
По морю синяго эѳира,
Какъ челнъ мистическаго міра,
Царица ночи поплыла,
И на чудесныя громады
Свои опаловые взгляды,
Сквозь тѣнь лѣсную, навела.
Рубины звѣздъ надъ нею блещутъ,
И межь столбовъ сѣдыхъ трепещутъ;
И будто движа ихъ, встаютъ
Изъ-подъ земли былаго дѣти,
И мертвый градъ свой узнаютъ,
Паря во мглѣ тысячелѣтій....

Звѣрей и птицъ ночныхъ пріютъ,
Давноминувшаго зерцало,
Ничтожныхъ дребезговъ твоихъ
Для градовъ нашихъ бы достало!
Къ обломкамъ гордыхъ зданій сихъ,

О, Альнаскары! приступите,
Свои имъ грезы разскажите,
Откройте имъ: боговъ земныхъ
О чемъ тщеславіе хлопочетъ?
Чего докучливый отъ нихъ
Народовъ муравейникъ хочетъ?...
Ты правъ, божественный пѣвецъ:
Вѣка̀ вѣковъ лишь повторенье!
Сперва—свободы обольщенье,
Гремушки славы наконецъ;
За славой—роскоши потоки,
Богатства съ золотымъ ярмомъ,
Пото̀мъ—изящные пороки,
Глухое варварство пото̀мъ!...

Это прекрасно! Энергія послѣднихъ стиховъ уди-
тельна!

Остальныя элегіи (между коими шестая весьма
мѣчательна) заключаютъ въ себѣ недостатки и
асоты, уже нами указанные: силу выраженія пе-
ходящую часто въ надутость, яркость описанія
емненную иногда неточностію. — Вообще глав-
я достоинства «Θракійскихъ Элегій»: блескъ и энер-
главные недостатки: напыщенность и однооб-
іе. —

Къ «Θракійскимъ Элегіямъ» присовокуплены раз-
и мелкія стихотворенія, имѣющія неоспоримое
тоинство: вездѣ гармонія, вездѣ мысли, изрѣдка
ина чувствъ. Если бы г. Тепляковъ ничего дру-

гаго не написалъ, кромѣ элегіи *Одиночество* и станса *Любовь, и Ненависть;* то и тутъ занялъ бы онъ почетное мѣсто между нашими поэтами. Заключимъ разборъ, выписавъ стихотвореніе, которымъ заключается и книга г. Теплякова.

ОДИНОЧЕСТВО.

I.

Въ лѣсу осенній вѣтръ и стонетъ, и дрожитъ;
По морю темному ревучій валъ кочуетъ;
Уныло крупный дождь въ окно мое стучитъ;
Раздумье тяжкое мечты мои волнуетъ.

II.

Мнѣ грустно! Догорѣлъ каминъ трескучій мой;
Послѣдній красный блескъ надъ угольями вьется...,
Мнѣ грустно! Тусклый день ужь гаснетъ надо мной;
Ужь съ неба темнаго туманный вечеръ льется.

III.

Какъ сладко онъ для двухъ супруговъ пролетитъ,
Въ кругу, гдѣ бабушка *внучатъ* своихъ ласкаетъ;
У креселъ дѣдовскихъ красавица сидитъ —
И былямъ старины, работая, внимаетъ!

IV.

Мечта докучная! зачѣмъ передъ тобой
Супруговъ долгія лобзанья пламенѣютъ?
Что въ томъ, какъ ихъ сердца̀, подъ ризою ночной,
Средь ненасытныхъ ласкъ, въ палящей нѣгѣ млѣютъ,

V.

Межь тѣмъ какъ онъ кипитъ, мой одинокій умъ!
Какъ сердце сирое, облившись кровью, рвется,
Когда душа моя, средь вихря горькихъ думъ,
Надъ ихъ мучительно-завидной долей вьется!

VI.

Но если для меня безвѣстный уголокъ
Не созданъ, темными *дуба̀ми* осѣненный,
Подруга милая и яркій камелёкъ,
Въ часы осеннихъ бурь друзьями окруженный, —

VII.

О жаръ святыхъ молитвъ, зажгись въ душѣ моей!
Лучь вѣры пламенной блесни въ ея пустынѣ?
Пролейся въ грудь мою цѣлительный елей:
Пусть сны вчерашніе не мучатъ сердца нынѣ!

VIII.

Пусть, упоенная надеждой неземной,
Съ душой всемірною моя соединится;
Пускай сей мрачный долъ исчезнетъ предо мной;
Осеній въ о̀кна вѣтръ, бушуя, не стучится!

IX.

О, пусть превыше звѣздъ мой вознесется духъ,
Туда, гдѣ взоръ Творца ихъ сонмы зажигаетъ!
Въ мірахъ надсолнечныхъ пускай мой жадный слухъ
Органамъ ангеловъ, восторженный, внимаетъ....

X.

Пусть я увижу ихъ, въ безмолвіи святомъ,
Предъ трономъ Вѣчнаго, колѣнопреклоненныхъ;
Прочту символы тайнъ, пылающихъ на немъ,
И юнымъ первенцамъ творенья откровенныхъ...

XI.

Пусть Соломоновой премудрости звѣзда
Блеснетъ душѣ моей въ безоблачномъ эѳирѣ;
Поправъ земную грусть, быть можетъ, я тогда
Не буду тосковать о другѣ въ здѣшнемъ мірѣ!

АНЕКДОТЫ.

I.

На Потемкина часто находила хандра. Онъ по цѣ-
ымъ суткамъ сидѣлъ одинъ, никого къ себѣ не пу-
кая, въ совершенномъ бездѣйствіи. Однажды, когда
ылъ онъ въ такомъ состояніи, множество накопилось
умагъ, требовавшихъ немедленнаго его разрѣше-
я; но никто не смѣлъ къ нему войти съ докладомъ.
олодой чиновникъ, по имени Пѣтушковъ, подслу-
авъ толки, вызвался представить нужныя бумаги
нязю для подписи. Ему поручили ихъ съ охотою,
съ нетерпѣніемъ ожидали, что̀ изъ этого будетъ.
ѣтушковъ съ бумагами вошелъ прямо въ каби-
тъ. Потемкинъ сидѣлъ въ халатѣ, босой, нечеса-
ій, грызя ногти въ задумчивости. Пѣтушковъ смѣ-
объяснилъ ему въ чемъ дѣло, и положилъ предъ
мъ бумаги. Потемкинъ, молча, взялъ перо и под-
салъ ихъ одну за другою. Пѣтушковъ поклонил-
и вышелъ въ переднюю съ торжествующимъ ли-
мъ. «Подписалъ!»... Всѣ къ нему кинулись, гля-

дять: всѣ бумаги въ самомъ дѣлѣ подписаны. Пѣтушкова поздравляютъ. «Молодецъ! нечего сказать.» Но кто-то всматривается въ подпись—и что-же? на всѣхъ бумагахъ вмѣсто: князь Потемкинъ — подписано: *Пѣтушковъ, Пѣтушковъ, Пѣтушковъ*....

II.

Надмѣнный въ сношеніяхъ своихъ съ вельможами, Потемкинъ былъ снисходителенъ къ низшимъ. Однажды ночью онъ проснулся и началъ звонить. Никто не шелъ. Потемкинъ соскочилъ съ постели, отворилъ дверь и увидѣлъ ординарца своего, спящаго въ креслахъ. Потемкинъ сбросилъ съ себя туфли, и босой прошелъ въ переднюю тихонько, чтобъ не разбудить молодаго офицера.

III.

Молодой Ш. какъ-то напроказилъ. Князь Б. собирался пожаловаться на него самой Государынѣ. Родня перепугалась. Кинулись къ князю Потемкину, прося его заступиться за молодаго человѣка. Потемкинъ велѣлъ Ш. быть на другой день у него, и прибавилъ: «да сказать ему, чтобъ онъ со мною былъ посмѣлѣе.» — Ш. явился въ назначенное время. Потемкинъ вышелъ изъ кабинета въ обыкновенномъ своемъ нарядѣ, не сказалъ никому ни слова, и сѣлъ играть въ карты. Въ это время пріѣзжаетъ князь Б. Потемкинъ принимаетъ его какъ не льзя хуже, и продолжаетъ играть. Вдругъ онъ подзываетъ къ се-

ѣ Ш. «Скажи, братъ»—говоритъ Потемкинъ, показызая ему свои карты—«какъ мнѣ тутъ сыграть?» —Да инѣ какое дѣло, ваша свѣтлость—отвѣчалъ ему Ш.—играйте какъ умѣете! «Ахъ, мой батюшка»—возразилъ Лотемкинъ — «и слòва не льзя тебѣ сказать; ужь и разсердился!» Услыша таковой разговоръ, князь Б. раздумалъ жаловаться.

IV.

Графъ Румянцевъ однажды рано утромъ расхаживалъ по своему лагерю. Какой-то майоръ въ шлафрокѣ и въ колпакѣ стоялъ передъ своею палаткою, и въ утренней темнотѣ не узналъ приближающагося фельдмаршала, пока не увидѣлъ его передъ собою лицемъ къ лицу. Майоръ хотѣлъ-было скрыться, но Румянцевъ взялъ его подъ руку, и, дѣлая ему разные вопросы, повелъ съ собою по лагерю, который между тѣмъ проснулся. Бѣдный майоръ былъ въ отчаяніи. Фельдмаршалъ, разгуливая такимъ образомъ, возвратился въ свою ставку, гдѣ уже вся свита ожидала его. Майоръ, умирая отъ стыда, очутился посреди генераловъ, одѣтыхъ по всей формѣ. Румянцевъ, тѣмъ еще недовольный, имѣлъ жестокость напоить его чаемъ, и потомъ ужѐ отпустилъ, не сдѣлавъ никакого замѣчанія.

V.

Нѣкто, отставной мичманъ, будучи еще ребенкомъ, представленъ былъ Петру I въ числѣ дворянъ, при-

сланныхъ на службу. Государь открылъ ему лобъ, взглянулъ въ лице, и сказалъ: «Ну! этотъ плохъ. Однако записать его во флотъ. До мичмановъ авось дослужится.» Старикъ любилъ разсказывать этотъ анекдотъ, и всегда прибавлялъ: «Таковъ былъ пророкъ, что и въ мичманы-то попалъ я только при отставкѣ!»

VI.

Всѣмъ извѣстны слова Петра Великаго, когда представили ему двѣнадцатилѣтняго школьника, Василья Тредьяковскаго: *вѣчный труженикъ!* Какой взглядъ! какая точность въ опредѣленіи! Въ самомъ дѣлѣ, что̀ былъ Тредьяковскій, какъ не вѣчный труженикъ?

VII.

Графъ Самойловъ получилъ Георгія на шею въ чинѣ полковника. Однажды во дворцѣ Государыня замѣтила его, заслоненнаго толпою генераловъ и придворныхъ. «Графъ Александръ Николаевичь,» сказала Она ему — «ваше мѣсто здѣсь впереди, какъ и на войнѣ.»

VIII.

Государыня Екатерина II говаривала: «Когда хочу заняться какимъ нибудь новымъ установленіемъ, я приказываю порыться въ архивахъ и отыскать, не говорено ли было уже о томъ при Петрѣ Великомъ, —и почти всегда открывается, что предполагаемое дѣло было уже имъ обдумано.»

IX.

Петръ I говаривалъ: «Нещастія бояться,— щастья не видать.»

X.

Любимый изъ племянниковъ князя Потемкина былъ покойный Н. Н. Раевскій. Потемкинъ для него написалъ нѣсколько наставленій; Н. Н. ихъ потерялъ, и помнилъ только первыя строки: *Во-первыхъ, старайся испытать, не трусъ ли ты; если нѣтъ, то укрѣпляй врожденную смѣлость частымъ обхожденіемъ съ непріятелемъ.*

IX.

Когда родился Іоаннъ Антоновичь, то Императрица Анна Іоанновна послала къ Эйлеру приказаніе составить гороскопъ новорожденному. Эйлеръ сначала отказывался, но принужденъ былъ повиноваться. Онъ занялся гороскопомъ вмѣстѣ съ другимъ академикомъ. Они составили его по всѣмъ правиламъ астрологіи, хоть и не вѣрили ей. Заключеніе, выведенное ими, испугало обоихъ матеметиковъ — и они послали Императрицѣ другой гороскопъ, въ которомъ предсказывали новорожденному всякія благополучія. Эйлеръ сохранилъ однако жъ первый и показывалъ его графу К. Г. Разумовскому, когда судьба несчастнаго Іоанна Антоновича совершилась.

ПОЛКОВОДЕЦЪ.

У Русскаго Царя въ чертогахъ есть палата:
Она не золотомъ, не бархатомъ богата;
Не въ ней алмазъ вѣнца хранится за стекломъ;
Но сверху до низу, во всю длину, кругомъ,
Своею кистію свободной и широкой
Ее разрисовалъ художникъ быстроокій.
Тутъ нѣтъ ни сельскихъ Нимфъ, ни дѣвственныхъ
Мадоннъ,
Ни Фавновъ съ чашами, ни полногрудыхъ женъ,
Ни плясокъ, ни охотъ: а все плащи, да шпаги,
Да лица полныя воинственной отваги.
Толпою тѣсною художникъ помѣстилъ
Сюда начальниковъ народныхъ нашихъ силъ,
Покрытыхъ славою чудеснаго похода
И вѣчной памятью двѣнадцатаго года.
Нерѣдко медленно межь ими я брожу,
И на знакомые ихъ образы гляжу,

, мнится, слышу ихъ воинственные клики.
зъ нихъ ужь многихъ нѣтъ; другіе, коихъ лики
ще такъ молоды на яркомъ полотнѣ,
же состарѣлись, и никнутъ въ тишинѣ
лавою лавровой.
Но въ сей толпѣ суровой
динъ меня влечетъ всѣхъ больше. Съ думой новой
сегда остановлюсь предъ нимъ, и не свожу
ъ него моихъ очей. Чѣмъ долѣе гляжу,
ѣмъ болѣе томимъ я грустію тяжелой.

Онъ писанъ во весь ростъ. Чело, какъ черепъ голый,
ысоко лоснится, и, мнится, залегла
амъ грусть великая. Кругомъ—густая мгла;
а нимъ—военный станъ. Спокойный и угрюмый,
нъ, кажется, глядитъ съ презрительною думой.
воюли точно мысль художникъ обнажилъ,
огда онъ таковымъ его изобразилъ,
ли невольное то было вдохновенье,—
о Доу далъ ему такое выраженье.

О вождь нещастливый! Суровъ былъ жребій твой:
се въ жертву ты принесъ землѣ тебѣ чужой.
епроницаемый для взгляда черни дикой,
ъ молчаньи шелъ одинъ ты съ мыслію великой,
въ имени твоемъ звукъ чуждый не взлюбя,
воими криками преслѣдуя тебя,

Народъ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался надъ твоей священной сѣдиною.
И тотъ, чей острый умъ тебя и постигалъ,
Въ угоду имъ тебя лукаво порицалъ....
И долго, укрѣпленъ могущимъ убѣжденьемъ,
Ты былъ неколебимъ предъ общимъ заблужденьемъ;
И на полу-пути былъ долженъ наконецъ
Безмолвно уступить и лавровый вѣнецъ,
И власть, и замыселъ, обдуманный глубоко, —
И въ полковыхъ рядахъ сокрыться одиноко.
Тамъ устарѣлый вождь, какъ ратникъ молодой,
Свинца веселый свистъ заслышавшій впервой,
Бросался ты въ огонь, ища желанной смерти, —
Вотще! —

. . . .
. . . .

О люди! жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха!
Жрецы минутнаго, поклонники успѣха!
Какъ часто мимо васъ проходитъ человѣкъ,
Надъ кѣмъ ругается слѣпой и буйный вѣкъ,
Но чей высокій ликъ въ грядущемъ поколѣньи
Поэта приведетъ въ восторгъ и въ умиленье!

ПОДРАЖАНІЯ
ИСПАНСКИМЪ СЕГИДИЛЬЯМЪ.

I.

Вчера, когда прохладной тьмою
Насъ ангелъ ночи осѣнялъ,
Мнѣ снилось: я любимъ тобою,
И клятвамъ я твоимъ внималъ.

Но мнѣ и сладкій сонъ не въ сладость;
И вмѣстѣ съ этимъ снилось мнѣ,
Что этотъ сонъ, что эта радость
Мнѣ только видится во снѣ.

*

II.

Не страшусь я смерти жадной,
Ей любви не уступлю;
Нѣтъ, и за могилой хладной
Я тебя не разлюблю.

Волны жизни скоротечной!
Удержать васъ не могу,
Но любовь душою вѣчной
Я на вѣчность берегу.

III.

Хоть вы красавица, хоть вы и баронесса,
Хоть безъ ума отъ васъ и мудрый и повѣса,
И стоитъ только вамъ нечаянно, хоть разъ,
Каленую стрѣлу пустить изъ черныхъ глазъ,
Чтобъ сердце поразить, — все это справедливо;
Но дайте жъ вамъ сказать: напрасно такъ спѣсиво
Вы смотрите на насъ съ двуглавой высоты
Баронства вашего и вашей красоты;
Слыхалъ я, не чужда любовь военныхъ шашенъ:
Найдутся лѣстницы и для высокихъ башенъ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ НЕИЗДАННЫХЪ ЗАПИСОКЪ ДАМЫ.

(1811 ГОДЪ.)

Читая «Рославлева», съ изумленіемъ увидѣла *я*, что завязка его основана на истинномъ происшествіи слишкомъ для меня извѣстномъ. Нѣкогда я была другомъ нещастной женщины, выбранной г. Загоскинымъ въ героини его повѣсти. Онъ вновь обратилъ вниманіе публики на происшествіе забытое, разбудилъ чувства негодованія, усыпленныя временемъ, и возмутилъ спокойствіе могилы. *Я* буду защитницею тѣни,—и читатель извинитъ слабость пера моего, уваживъ сердечныя мои побужденія. Буду принуждена много говорить о самой себѣ, потому что судьба моя долго была связана съ участью бѣдной моей подруги.

Меня вывезли въ свѣтъ зимою 1811 года. Не стану описывать первыхъ моихъ впечатлѣній. Легко

можно себѣ вообразить, что̀ должна была чувствовать шестнадцатилѣтняя дѣвушка, промѣнявъ антрсоли и учителей на безпрерывные балы. Я предавалась вихрю веселія со всею живостію моихъ лѣтъ, и еще не размышляла... Жаль: тогдашнее время стоило наблюденія.

Между дѣвицами, выѣхавшими вмѣстѣ со мною, отличалась княжна ** (г. Загоскинъ назвалъ ее Полиною, оставлю ей это имя). Мы скоро подружились вотъ по какому случаю.

Братъ мой, двадцати-двухъ-лѣтній малой, принадлежалъ сословію тогдашнихъ франтовъ; онъ считался въ Иностранной Коллегіи, и жилъ въ Москвѣ, танцуя и повѣсничая. Онъ влюбился въ Полину и упросилъ меня сблизить наши домы. Братъ былъ идоломъ всего нашего семейства, а изъ меня дѣлалъ, что хотѣлъ.

Сблизясь съ Полиною изъ угожденія къ нему, вскорѣ я искренно къ ней привязалась. Въ ней было много страннаго и еще болѣе привлекательнаго. Я еще не понимала ея, а уже любила. Нечувствительно я стала смотрѣть ея глазами и думать ея мыслями.

Отецъ Полины былъ заслуженный человѣкъ, т. е. ѣздилъ цугомъ и носилъ ключь и звѣзду, впрочемъ былъ вѣтренъ и простъ. Мать ея была напротивъ женщина степенная и отличалась важностію и здравымъ смысломъ.

Полина являлась вездѣ; она окружена была поклонниками; съ нею любезничали,—но она скучала, и скука придавала ей видъ гордости и холодности.

го чрезвычайно шло къ ея Греческому лицу и къ ернымъ бровямъ. Я торжествовала, когда мои сатирическія замѣчанія наводили улыбку на это правильное и скучающее лице.

Полина чрезвычайно много читала, и безъ всякаразбора. Ключь отъ библіотеки отца ея былъ у й. Библіотека большею частію состояла изъ сочиненій писателей XVIII вѣка. Французская словесность, отъ Монтескьё до романовъ Кребильйона, быей знакома. Руссо знала она наизусть. Въ библіокѣ не было ни одной Русской книги, кромѣ сочиній Сумарокова, которыхъ Полина никогда не скрывала. Она сказывала мнѣ, что съ трудомъ збирала Русскую печать, и вѣроятно ничего посски не читала, не исключая и стишковъ, поднеінныхъ ей Московскими стихотворцами. —

Здѣсь позволю себѣ маленькое отступленіе. Вотъ е, слава Богу, лѣтъ тридцать какъ бранятъ насъ бѣдхъ за то, что мы по-Русски не читаемъ, и не умѣь (будто бы) изъясняться на Отечественномъ языкѣ· В: Автору «Юрія Милославскаго» грѣхъ повторять шлыя обвиненія. Мы всѣ прочли его и, кажется, ной изъ насъ обязанъ онъ и переводомъ своего мана на Французскій языкъ.) Дѣло въ томъ, что и рады бы читать по-Русски; но словесность наша жется нестарѣе Ломоносова и чрезвычайно еще ограчена. Она, конечно, представляетъ намъ нѣсколько личныхъ поэтовъ, но не льзя же ото всѣхъ читателей требовать исключительной охоты къ стихамъ.

Въ прозѣ имѣемъ мы только «Исторію Карамзина»; первые два или три романа появились два или три го- да назадъ: между тѣмъ какъ во Франціи, Англіи и Гер- маніи книги одна другой замѣчательнѣе слѣдуютъ од- на за другой. Мы не видимъ даже и переводовъ; а если и видимъ, то, воля ваша, я все таки предпочи- таю оригиналы. Журналы наши занимательны для нашихъ литтераторовъ. Мы принуждены все, извѣ- стія и понятія, черпать изъ книгъ иностранныхъ; такимъ образомъ и мыслимъ мы на языкѣ иностран- номъ (по крайней мѣрѣ, всѣ тѣ, которые мыслятъ и слѣдуютъ за мыслями человѣческаго рода). Въ этомъ признавались мнѣ самые извѣстные наши литтера- торы. Вѣчныя жалобы нашихъ писателей на прене- бреженіе, въ коемъ оставляемъ мы Русскія книги, похожи на жалобы Русскихъ торговокъ, негодую- щихъ на то, что мы шляпки наши покупаемъ у Сихлера и не довольствуемся произведеніями Кострой- скихъ модистокъ. Обращаюсь къ моему предмету.

Воспоминанія свѣтской жизни обыкновенно слабы и ничтожны даже въ эпоху историческую. Одна- кожь появленіе въ Москвѣ одной путешественницы оставило во мнѣ глубокое впечатлѣніе. Эта путеше- ственница—M^de de Staël. Она пріѣхала лѣтомъ, когда большая часть Московскихъ жителей разъѣхалась по деревнямъ. Русское гостепріимство засуетилось; не знали, какъ угостить славную иностранку. Ра- зумѣется, давали ей обѣды. Мужчины и дамы съѣзжа- лись поглазѣть на нее, и были по большей части не до- вольны ею. Они видѣли въ ней пятидесятилѣтнюю

толстую бабу, одѣтую не по лѣтамъ. Тонъ ея не понравился, рѣчи показались слишкомъ длинны, а рукава слишкомъ коротки. Отецъ Полины, знавшій M^de^ de Staël еще въ Парижѣ, далъ ей обѣдъ, на который скликалъ всѣхъ нашихъ Московскихъ умниковъ. Тутъ увидѣла я сочинительницу Корины. Она сидѣла на первомъ мѣстѣ, облокотясь на столъ, свертывая и развертывая прекрасными пальцами трубочку изъ бумаги. Она казалась не въ духѣ, нѣсколько разъ принималась говорить и не могла разговориться. Наши умники ѣли и пили въ свою мѣру и, казалось, были гораздо болѣе довольны ухою князя, нежели бесѣдою M^de^ de Staël. Дамы чинились. Тѣ и другіе только изрѣдко прерывали молчаніе, убѣжденные въ ничтожествѣ своихъ мыслей и оробѣвшіе при Европейской знаменитости. Во все время обѣда Полина сидѣла какъ на иголкахъ. Вниманіе гостей раздѣлено было между осетромъ и M^de^ de Staël. Ждали отъ нея поминутно bon-mot; наконецъ вырвалось у ней двусмысліе, и даже довольно смѣлое. Всѣ подхватили его, захохотали, поднялся шопотъ удивленія; князь былъ внѣ себя отъ радости. Я взглянула на Полину. Лице ея пылало, и слезы показались на ея глазахъ. Гости встали изъ-за стола, совершенно примиренные съ M^de^ de Staël: она сказала каламбуръ, который они поскакали развозить по городу.

«Что̀ съ тобою сдѣлалось, ma chére?»—спросила я Полину,—«неужели шутка, немножко вольная, могла до такой степени тебя смутить?»—Ахъ, милая,—отвѣ-

чала Полина,—я въ отчаяніи! Какъ ничтожно должно было показаться наше большое общество этой необыкновенной женщинѣ! Она привыкла быть окружена людьми, которые ее понимаютъ, для которыхъ блестящее замѣчаніе, сильное движеніе сердца, вдохновенное слово никогда не потеряны; она привыкла къ увлекательному разговору высшей образованности. А здѣсь.... Боже мой! Ни одной мысли, ни одного замѣчательнаго слова въ теченіи трехъ часовъ! Тупыя лица, тупая важность—и только! Какъ ей было скучно! Какъ она казалась утомленною! Она увидѣла, чего имъ было надобно, что̀ могли понять эти обезьяны просвѣщенія, и кинула имъ каламбуръ. А они такъ и бросились! Я сгорѣла со стыда, и готова была заплакать..... Но пускай,—съ жаромъ продолжала Полина, —пускай она вывезетъ объ этой свѣтской мелочи мнѣніе, котораго они достойны. По крайней мѣрѣ, она видѣла нашъ добрый простой народъ, и понимаетъ его. Ты слышала, что̀ сказала она этому старому, несносному шуту, который изъ угожденія къ иностранкѣ вздумалъ было смѣяться надъ Русскими бородами: «Народъ, который, тому сто лѣтъ, отстоялъ свою бо-«роду, отстоитъ въ наше время и свою голову.» Какъ она мила! Какъ я люблю ее! Какъ ненавижу ея гонителя!

Не я одна замѣтила смущеніе Полины. Другія проницательныя глаза остановились на ней въ ту же самую минуту: черные глаза самой M^de^ de Staël. Не знаю, что̀ подумала она, но только она подошла по-

ѣ обѣда къ моей подругѣ, и съ нею разговорилась. резъ нѣсколько дней Mde de Staël написала ей слѣ-ющую записку:

Ma chére enfant, je suis toute malade. Il seroit bien nable à vous de venir me ranimer. Tachez de btenir de mde votre mère et veuillez lui présenter respects de votre amie. *de S:*

Эта записка хранится у меня. Никогда Полина не ьясняла мнѣ своихъ сношенiй съ Mde de Staël, не отря на все мое любопытство. Она была безъ мяти отъ славной женщины, столь же добродуш-й какъ и генiальной.

До чего доводитъ охота къ злословiю! Недавно зсказывала я все это въ одномъ очень порядочномъ щfeatured ществѣ. «Можетъ быть» — замѣтили мнѣ — «Mde de ёl была не что иное какъ шпiонъ Наполеоновъ, няжна ** доставляла ей нужныя свѣдѣнiя.» — По-луйте, — сказала я — Mde de Staël, десять лѣтъ нимая Наполеономъ, благородная, добрая Mde de ёl, насилу убѣжавшая подъ покровительство Рус-аго Императора, Mde de Staël, другъ Шатобрiана Байрона, Mde de Staël будетъ шпiономъ у На-леона!... «Очень, очень можетъ статься» — воз-зила востроносая графиня Б. — «Наполеонъ былъ кая бестiя, а Mde de Staël претонкая штука!» —

Съ Французскаго.

САПОЖНИКЪ.

(ПРИТЧА.)

Картину разъ высматривалъ Сапожникъ,
И въ обуви ошибку указалъ;
Взявъ тотчасъ кисть, исправился Художникъ.
Вотъ, подбочась Сапожникъ продолжалъ:
«Мнѣ кажется, лице немного криво...
А эта грудь не слишкомъ ли нага?»....
Тутъ Апеллесъ прервалъ нетерпѣливо:
Суди, дружокъ, не свыше сапога!

Есть у меня пріятель на примѣтѣ:
Не вѣдаю, въ какомъ бы онъ предметѣ
Былъ знатокомъ, хоть строгъ онъ на словахъ;
Но чортъ его несетъ судить о свѣтѣ:
Попробуй онъ судить о сапогахъ!

ДЖОНЪ ТЕННЕРЪ.

Съ нѣкотораго времени Сѣверо-Американскіе
…таты обращаютъ на себя въ Европѣ вниманіе лю-
…й наиболѣе мыслящихъ. Не политическія проис-
…ествія тому виною: Америка спокойно совершаетъ
…ое поприще, донынѣ безопасная и цвѣтущая, силь-
…я миромъ, упроченнымъ ей географическимъ ея
…ложеніемъ, гордая своими учрежденіями. Но нѣ-
…олько глубокихъ умовъ въ недавнее время заня-
…сь изслѣдованіемъ нравовъ и постановленій Аме-
…канскихъ, и ихъ наблюденія возбудили снова во-
…осы, которые полагали давно уже рѣшенными.
…аженіе къ сему новому народу и къ его уложе-
…о, плоду новѣйшаго просвѣщенія, сильно поко-
…балось. Съ изумленіемъ увидѣли демократію въ ея
…вратительномъ цинизмѣ, въ ея жестокихъ пред-
…зсудкахъ, въ ея нестерпимомъ тиранствѣ. Все бла-
…одное, безкорыстное, все возвышающее душу че-
…вѣческую, подавленное неумолимымъ эгоизмомъ и
…астію къ довольству (comfort); большинство, на-
… притѣсняющее общество; рабство Негровъ по-
…еди образованности и свободы; родословныя гоне-

нія въ народѣ, не имѣющемъ дворянства; со сторо-
ны избирателей алчность и зависть; со стороны у-
правляющихъ робость и подобострастіе; талантъ, из
уваженія къ равенству, принужденный къ добро-
вольному остракизму; богачъ, надѣвающій оборван-
ный кафтанъ, дабы на улицѣ не оскорбить надмен-
ной нищеты, имъ втайнѣ презираемой: такова кар-
тина Американскихъ Штатовъ, недавно выставлен-
ная передъ нами.

Отношенія Штатовъ къ Индійскимъ племенамъ,
древнимъ владѣльцамъ земли, нынѣ заселенной Евро-
пейскими выходцами, подверглись также строгому
разбору новыхъ наблюдателей. Явная несправедли-
вость, ябеда и безчеловѣчіе Американскаго Конгрес-
са осуждены съ негодованіемъ; такъ или иначе, чрезъ
мечь и огонь, или отъ рома и ябеды, или средства-
ми болѣе нравственными, но дикость должна ис-
чезнуть при приближеніи цивилизаціи. Таковъ не-
избѣжный законъ. Остатки древнихъ обитателей
Америки скоро совершенно истребятся; и простран-
ныя степи, необозримыя рѣки, на которыхъ сѣтьми
и стрѣлами добывали они себѣ пищу, обратятся
въ обработанныя поля, усѣянныя деревнями, и въ
торговыя гавани, гдѣ задымятся пироскафы, и раз-
зовьется флагъ Американскій.

Нравы Сѣверо-Американскихъ дикарей знакомы
намъ по описанію знаменитыхъ романистовъ. Но
Шатобріанъ и Куперъ оба представили намъ Индій-
цевъ съ ихъ поэтической стороны, и закрасили ис-
тину красками своего воображенія. «Дикари, выстав-

менные въ романахъ» — пишетъ Вашингтонъ-Ирвингъ—«также похожи на настоящихъ дикарей, какъ идиллическіе пастухи на пастуховъ обыкновенныхъ.» Это самое подозрѣвали и читатели; и недовѣрчивость къ словамъ заманчивыхъ повѣствователей уменьшала удовольствіе, доставляемое ихъ блестящими произведеніями.

Въ Нью-Йоркѣ недавно изданы «Записки Джона Теннера», проведшаго тридцать лѣтъ въ пустыняхъ Сѣверной Америки, между дикими ея обитателями. Эти «Записки» драгоцѣнны во всѣхъ отношеніяхъ. Онѣ самый полный, и вѣроятно послѣдній, документъ бытія народа, коего скоро не останется и сльдовъ. Лѣтописи племенъ безграмотныхъ, онѣ разливаютъ истинный свѣтъ на то, что̀ нѣкоторые философы называютъ естественнымъ состояніемъ человѣка; показанія простодушныя и безстрастныя, онѣ наконецъ будутъ свидѣтельствовать передъ свѣтомъ о средствахъ, которыя Американскіе Штаты употребляли въ XIX столѣтіи къ распространенію своего владычества и Христіанской цивилизаціи. Достовѣрность сихъ «Записокъ» не подлежитъ никакому сомнѣнію. Джонъ Теннеръ еще живъ; многія особы (между прочими Токвиль, авторъ славной книги: «De la democratie en Amérique») видѣли его, и купили отъ него самого его книгу. По ихъ мнѣнію, подлога тутъ быть не можетъ. Да и стоитъ прочитать нѣсколько страницъ, чтобы въ томъ удостовѣриться: отсутствіе всякаго искусства и смиренная простота повѣствованія ручаются за истину.

Отецъ Джона Теннера, выходецъ изъ Виргиніи, былъ священникомъ. По смерти жены своей, онъ поселился въ одномъ мѣстѣ, называемомъ Элькъ-Горнъ, въ недальнемъ разстояніи отъ Цинциннати.

Элькъ-Горнъ былъ подверженъ нападеніямъ Индійцевъ. Дядя Джона Теннера однажды ночью, сговорясь съ своими сосѣдями, приближился къ стану Индійцевъ, и застрѣлилъ одного изъ нихъ. Прочіе бросились въ рѣку и уплыли....

Отецъ Теннера, отправляясь однажды утромъ въ дальнее селеніе, приказалъ своимъ обѣимъ дочерямъ отослать маленькаго Джона въ школу. Онѣ вспомнили о томъ уже послѣ обѣда. Но шелъ дождь, и Джонъ остался дома. Вечеромъ отецъ возвратился, и узнавъ, что онъ въ школу не ходилъ, послалъ его самого за тростникомъ, и больно его высѣкъ. Съ той поры отеческій домъ опостылилъ маленькому Теннеру; онъ часто думалъ и говаривалъ: «Мнѣ бы хотѣлось уйти къ дикимъ!»

«Отецъ мой»—пишетъ Теннеръ—«оставилъ Элькъ-Горнъ, и отправился къ устью Бигъ-Міами, гдѣ онъ долженъ былъ завести новое поселеніе. Тамъ на берегу нашли мы обработанную землю и нѣсколько хижинъ, покинутыхъ поселенцами изъ опасенія дикихъ. Отецъ мой исправилъ хижины и окружилъ ихъ заборомъ. Это было весною. Онъ занялся хлѣбопашествомъ. Дней десять спустя по своемъ прибытіи на мѣсто, онъ сказалъ намъ, что лошади его безпокоятся, чуя близость Индійцевъ, которые вѣроятно ры-

дутъ по лѣсу. «Джонъ»—прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ,—«ты сегодня сиди дома.» Потомъ пошелъ онъ засѣвать поле съ своими Неграми и старшимъ моимъ братомъ.

«Насъ осталось дома четверо дѣтей. Мачиха, чтобъ вѣрнѣе меня удержать, поручила мнѣ смотрѣть за младшимъ, которому не было еще году. Я скоро соскучился, и сталъ щипать его, чтобъ заставить кричать. Мачиха велѣла мнѣ взять его на руки и съ нимъ гулять по комнатамъ. Я послушался, но не переставалъ его щипать. Наконецъ она стала его кормить грудью; а я побѣжалъ проворно на дворъ и проскользнулъ въ калитку, оттуда въ поле. Не въ далекомъ разстояніи отъ дома, и близъ самаго поля, стояло орѣховое дерево, подъ которымъ бѣгалъ я собирать прошлогодніе орѣхи. Я осторожно до него добрался, чтобъ не быть замѣчену ни отцемъ, ни его работниками..... Какъ теперь вижу отца моего, стоящаго съ ружьемъ на стражѣ посреди поля. Я спрятался за дерево и думалъ про себя: «Мнѣ бы очень хотѣлось увидѣть Индійцевъ!»

«Ужь моя соломенная шляпа была почти полна орѣхами, какъ вдругъ услышалъ я шорохъ. Я оглянулся: Индійцы! Старикъ и молодой человѣкъ схватили меня и потащили. Одинъ изъ нихъ выбросилъ изъ моей шляпы орѣхи и надѣлъ мнѣ ее на голову. Послѣ того ничего не помню. Вѣроятно я упалъ въ обморокъ, потому что не закричалъ. Наконецъ я очнулся подъ высокимъ деревомъ. Старика не бы-

ло. Я находился между молодымъ человѣкомъ и другимъ Индійцемъ, широкоплечимъ и малорослымъ. Вѣроятно я его чѣмъ нибудь да разсердилъ, потому что онъ потащилъ меня въ сторону, схватилъ свой *томагаукъ* (дубину) и знаками велѣлъ мнѣ глядѣть вверхъ. Я понялъ, что онъ мнѣ приказывалъ въ послѣдній разъ взглянуть на небо, потому что готовился меня убить. Я повиновался; но молодой Индіецъ, похитившій меня, удержалъ ударъ, взнесенный надъ моей головою. Оба заспорили съ живостію. Покровитель мой закричалъ. Нѣсколько голосовъ ему отвѣчало. Старикъ и четыре другіе Индійца прибѣжали поспѣшно. Старый начальникъ, казалось, строго говорилъ тому, кто угрожалъ мнѣ смертію. Потомъ онъ и молодой человѣкъ взяли меня, каждый за руку, и потащили опять. Между тѣмъ ужасный Индіецъ шелъ за нами. Я замедлялъ ихъ отступленіе, и замѣтилъ было, что они боялись быть настигнуты.

« Въ разстояніи одной мили отъ нашего дома, у берега рѣки, въ кустахъ, спрятанъ былъ ими челнокъ изъ древесной коры. Они сѣли въ него всѣ семеро, взяли меня съ собою, и переправились на другой берегъ, у самаго устья Бигъ-Міами. Челнокъ остановили. Въ лѣсу спрятаны были одѣяла (кожаныя) и запасы; они предложили мнѣ дичины и медвѣжьяго жиру. Но я не могъ ѣсть. Нашъ домъ отселѣ былъ еще видѣнъ; они смотрѣли на него, и потомъ обращались ко мнѣ со смѣхомъ. Не знаю, что̀ они говорили.

«Отобѣдавъ, они пошли вверхъ по берегу, таща меня съ собою по прежнему, и сняли съ меня башмаки, полагая, что они мѣшали бѣжать. Я не терялъ еще надежды отъ нихъ избавиться, не смотря на надзоръ, и замѣчалъ всѣ предметы, дабы по нимъ направить свой обратный побѣгъ; упирался также ногами о высокую траву и о мягкую землю, дабы оставить слѣды. Я надѣялся убѣжать во время ихъ сна. Настала ночь; старикъ и молодой Индіецъ легли со мною подъ одно одѣяло и крѣпко прижали меня. Я такъ усталъ, что тотчасъ заснулъ. На другой день я проснулся на зарѣ. Индійцы уже встали и готовы были въ путь. Такимъ образомъ шли мы четыре дня. Меня кормили скудно; я все надѣялся убѣжать, но при наступленіи ночи, сонъ каждый разъ мною овладѣвалъ совершенно. Ноги мои распухли, и были всѣ въ ранахъ и въ занозахъ. Старикъ мнѣ помогъ кое-какъ, и далъ пару *мокасиновъ* (родъ кожаныхъ лаптей), которыя облегчили меня немного.

«Я шелъ обыкновенно между старикомъ и молодымъ Индійцемъ. Часто заставляли они меня бѣгать до упаду. Нѣсколько дней я почти ничего не ѣлъ. Мы встрѣтили широкую рѣку, впадающую (думаю) въ Міами. Она была такъ глубока, что мнѣ не льзя было ея перейти. Старикъ взялъ меня къ себѣ на плечи, и перенесъ на другой берегъ. Вода доходила ему подъ мышки; я увидѣлъ, что одному мнѣ перейти эту рѣку было невозможно, и потерялъ всю надежду на скорое избавленіе. Я проворно вска-

рабкался на берегъ, сталъ бѣгать по лѣсу, и спугнулъ съ гнѣзда дикую птицу. Гнѣздо полно было яицъ; я взялъ ихъ въ платокъ и воротился къ рѣкѣ. Индійцы стали смѣяться, увидѣвъ меня съ моею добычею, разложили огонь и стали варить яица въ маленькомъ котлѣ. Я былъ очень голоденъ, и жадно смотрѣлъ на эти приготовленія. Вдругъ прибѣжалъ старикъ, схватилъ котелъ и вылилъ воду на огонь вмѣстѣ съ яицами. Онъ наскоро что-то шепнулъ молодому человѣку. Индійцы поспѣшно подобрали яица и разсѣялись по лѣсамъ. Двое изъ нихъ умчали меня со всевозможною быстротою. Я думалъ, что за нами гнались, и въ послѣдствіи узналъ, что не ошибся. Вѣроятно меня искали на томъ берегу рѣки....

«Два или три дня послѣ того, встрѣтили мы отрядъ Индійцевъ, состоявшій изъ двадцати или тридцати человѣкъ. Они шли въ Европейскія селенія. Старикъ долго съ ними разговаривалъ. Узнавъ (какъ послѣ мнѣ сказали), что бѣлые люди за нами гнались, они пошли имъ на встрѣчу. Произошло жаркое сраженіе, и съ обѣихъ сторонъ легло много мертвыхъ.

«Походъ нашъ сквозь лѣса былъ труденъ и скученъ. Черезъ десять дней пришли мы на берегъ Мауми. Индійцы разсыпались по̀ лѣсу, и стали осматривать деревья, перекликаясь между собою. Выбрали одно орѣховое дерево (hickory), срубили его, сняли кору и сшили изъ нея челнокъ, въ которомъ

мы всѣ помѣстились; поплыли по теченію рѣки, и вышли на берегъ у большой Индійской деревни, выстроенной близъ устья другой какой-то рѣки. Жители выбѣжали къ намъ на встрѣчу. Молодая женщина съ крикомъ кинулась на меня и била по головѣ. Казалось, многіе изъ жителей хотѣли меня убить; однако старикъ и молодой человѣкъ уговорили ихъ меня оставить. Повидимому, я часто бывалъ предметомъ разговоровъ, но не понималъ ихъ языка. Старикъ зналъ нѣсколько Англійскихъ словъ. Онъ иногда приказывалъ мнѣ сходить за водою, разложить огонь и тому подобное, начиная такимъ образомъ требовать отъ меня различныхъ услугъ.

« Мы отправились далѣе. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Индійской деревни находилась Американская контора. Тутъ нѣсколько купцовъ со мною долго разговаривали. Они хотѣли меня выкупить; но старикъ на то не согласился. Они объяснили мнѣ, что я у старика заступлю мѣсто его сына, умершаго недавно; обошлись со мною ласково, и хорошо меня кормили во все время нашего пребыванія. Когда мы разстались, я сталъ кричать—въ первый разъ послѣ моего похищенія изъ дому родительскаго. Купцы утѣшили меня, обѣщавъ черезъ десять дней выкупить изъ неволи.»

Наконецъ челнокъ причалилъ къ мѣсту, гдѣ обитали похитители бѣднаго Джона. Старуха вышла изъ деревяннаго шалаша, и побѣжала къ нимъ на встрѣ

чу. Старикъ сказалъ ей нѣсколько словъ; она закричала, обняла, прижала къ сердцу своему маленькаго плѣнника и поташила въ шалашъ.

Похититель Джона Теннера назывался Монито-о-гезикъ. Младшій изъ его сыновей умеръ незадолго передъ происшествіемъ, здѣсь описаннымъ. Жена его объявила, что не будетъ жива, если ей не отыщутъ ея сына. То есть, она требовала молодаго невольника, съ тѣмъ чтобъ его усыновить. Старый Монито-о-гезикъ съ сыномъ своимъ Кишъ-кау-ко и съ двумя единоплеменниками, жителями Гуронскаго Озера, тотчасъ отправились въ путь, чтобъ только удовлетворить желаніе старухи. Трое молодыхъ людей, родственники старика, присоединились къ нему. Всѣ семеро пришли къ селеніямъ, расположеннымъ на берегахъ Оіо. Наканунѣ похищенія, Индійцы переправились черезъ рѣку и спрятались близъ Теннерова дома. Молодые люди съ нетерпѣніемъ ожидали появленія ребенка, и нѣсколько разъ готовы были выстрѣлить по работникамъ. Старикъ насилу могъ ихъ удержать.

Возвратясь благополучно домой съ своею добычею, старый Монито-о-гезикъ на другой же день созвалъ своихъ родныхъ и знакомыхъ, и Джонъ Теннеръ былъ торжественно усыновленъ на самой могилѣ маленькаго дикаря.

Была весна. Индійцы оставили свои селенія и всѣ отправились на ловлю звѣрей. Выбравъ себѣ удобное мѣсто, они стали ограждать его заборомъ изъ

еленыхъ вѣтвей и молодыхъ деревъ, изъ-за ко-
орыхъ должны были стрѣлять. Джону поручили
бламывать сухія вѣточки и обрывать листья съ
ой стороны, гдѣ скрывались охотники. Маленькій
лѣнникъ, утомленный зноемъ и трудомъ, всегда
олодный и грустный, лѣниво исполнялъ свою дол-
ность. Старый Монито-о-гезикъ, заставъ однажды
го спящимъ, ударилъ мальчика по головѣ своимъ
юмагаукомъ и бросилъ за-мертво въ кусты. Воз-
ратясь въ таборъ, старикъ сказалъ женѣ своей:
Старуха! мальчикъ, котораго я тебѣ привелъ, ни
ъ чему негоденъ; я его убилъ. Ты найдешь его
мъ-то.» Старуха съ дочерью прибѣжали, нашли
еннера еще живаго, и привели его въ чувства.

Жизнь маленькаго пріемыша была самая горест-
ая. Его заставляли работать сверхъ силъ; старикъ
сыновья его били бѣднаго мальчика поминутно.
стъ ему почти ничего не давали; ночью онъ спалъ
быкновенно между дверью и очагомъ, и всякій, вхо-
и выходя, непремѣнно давалъ ему ногою толчекъ.
тарикъ возненавидѣлъ его, и обходился съ нимъ съ
дивительной жестокостію. Теннеръ никогда не могъ
быть слѣдующаго происшествія.

Однажды Монито-о-гезикъ, вышедъ изъ своей
жины, вдругъ возвратился, схватилъ мальчика за
лосы, потащилъ за дверь, и уткнулъ *какъ*
шку лицомъ въ навозную кучу. «Подобно всѣмъ
дійцамъ»—говоритъ Американскій издатель его За-
сокъ—«Теннеръ имѣетъ привычку скрывать свои

ощущенія. Но когда разсказывалъ онъ мнѣ сіе приключеніе, блескъ его взгляда и судорожный трепетъ верхней губы доказывали, что жажда мщенія — отличительное свойство людей, съ которыми провелъ онъ свою жизнь—не была чужда и ему. Тридцать лѣтъ спустя, желалъ онъ еще омыть обиду, претерпѣнную имъ на двѣнадцатомъ году!»

Зимою начались военныя приготовленія. Монито-о-гезикъ, отправляясь въ походъ, сказалъ Теннеру: « Иду убить твоего отца, братьевъ и всѣхъ родственниковъ» .... Черезъ нѣсколько дней онъ возвратился, и показалъ Джону бѣлую, старую шляпу, которую онъ тотчасъ узналъ: она принадлежала брату его. Старикъ увѣрилъ его, что сдержалъ свое слово, и что никто изъ его родныхъ уже болѣе не существуетъ.

Время шло, и Джонъ Теннеръ началъ привыкать къ судьбѣ своей. Хотя Монито-о-гезикъ все обходился съ нимъ сурово, но старуха его любила искренно и старалась облегчать его участь.—Черезъ два года произошла важная перемѣна. Начальница племени Отавуавовъ, Нетъ-но-куа, родственница стараго Индійца, похитителя Джона Теннера, купила его, чтобъ замѣнить себѣ потерю сына. Джонъ Теннеръ былъ вымѣненъ на боченокъ водки и на нѣсколько фунтовъ табаку.

Вторично усыновленный, Теннеръ нашелъ въ новой матери своей ласковую и добрую покровительницу. Онъ искренно къ ней привязался; вско-

рѣ отвыкъ отъ привычекъ своей дѣтской образованности и сдѣлался совершеннымъ Индійцемъ,—и теперь, когда судьба привела его снова въ общество, отъ коего былъ онъ отторгнутъ въ младенчествѣ, Джонъ Теннеръ сохранилъ видъ, характеръ и предразсудки дикарей, его усыновившихъ.

«Записки» Теннера представляютъ живую и грустную картину. Въ нихъ есть какое-то однообразіе, какая-то сонная безсвязность и отсутствіе мысли, дающія нѣкоторое понятіе о жизни Американскихъ дикарей. Это длинная повѣсть о застрѣленныхъ звѣряхъ, о мятеляхъ, о голодныхъ, дальнихъ шествіяхъ, объ охотникахъ, замерзшихъ на пути, о скотскихъ оргіяхъ, о ссорахъ, о враждѣ, о жизни бѣдной и трудной, о нуждахъ, непонятныхъ для чадъ образованности.

Американскіе дикари всѣ вообще звѣроловы. Цивилизація Европейская, вытѣснивъ ихъ изъ наслѣдственныхъ пустынь, подарила имъ порохъ и свинецъ: тѣмъ и ограничилось ея благодѣтельное вліяніе. Искусный стрѣлокъ почитается между ими за великаго человѣка. Теннеръ разсказываетъ первый свой опытъ на поприщѣ, на которомъ потомъ прославился.

«Я отроду еще не стрѣлялъ. Мать моя (Нетъ-но-куа) только что купила боченокъ пороху. Ободренный ея снисходительностію, я попросилъ у ней пистолетъ, чтобъ идти въ лѣсъ стрѣлять голубей. Мать моя согласилась, говоря: «Пора тебѣ быть охотникомъ.» Мнѣ дали заряженый пистолетъ, и сказали

что если удастся застрѣлить птицу, то дадутъ ружье и станутъ учить охотѣ.

«Съ того времени я возмужалъ, и нѣсколько разъ находился въ затруднительномъ положеніи; но никогда жажда успѣха не была во мнѣ столь пламенна. Едва вышелъ я изъ табора, какъ увидѣлъ голубей въ близкомъ разстояніи. Я взвелъ курокъ и поднялъ пистолетъ почти къ самому носу; прицѣлился и выстрѣлилъ. Въ то же время мнѣ послышалось жужжаніе, подобное свисту брошеннаго камня; пистолетъ полетѣлъ черезъ мою голову, а голубь лежалъ подъ деревомъ, на которомъ сидѣлъ.

«Не заботясь о моемъ израненномъ лицѣ, я побѣжалъ въ таборъ съ застрѣленнымъ голубемъ. Раны мои осмотрѣли; мнѣ дали ружье, порохъ и дробь, и позволили стрѣлять по птицамъ. Съ той поры стали со мною обходиться съ уваженіемъ.»

Вскорѣ послѣ того молодой охотникъ отличился новымъ подвигомъ.

«Дичь становилась рѣдка; толпа наша (отрядъ охотниковъ съ женами и дѣтьми) голодала. Предводитель нашъ совѣтовалъ перенести таборъ на другое мѣсто. Наканунѣ назначеннаго дня для походу, мать моя долго говорила о нашихъ неудачахъ и объ ужасной скудости, насъ постигшей. Я легъ спать; но ея пѣсни и молитвы разбудили меня. Старуха громко молилась большую часть ночи.

«На другой день, рано утромъ, она разбудила насъ;

елѣла обуваться и быть готовымъ въ походъ. По-
омъ призвала своего сына, Уа-ме-гонъ-е-бью, и ска-
ала ему: «Сынъ мой, въ нынѣшнюю ночь я моли-
ась Великому Духу. Онъ явился мнѣ въ образѣ че-
овѣческомъ, и сказалъ: Нетъ-но-куа! завтра бу-
етъ вамъ медвѣдь для обѣда. Вы встрѣтите на пу-
и вашемъ (по такому-то направленію) круглую до-
ину, и на долинѣ тропинку: медвѣдь находится на
ой тропинкѣ.»

«Но молодой человѣкъ, не всегда уважавшій слова
воей матери, вышелъ изъ хижины и разсказалъ
нъ ея другимъ Индійцамъ. «Старуха увѣряетъ»—
казалъ онъ смѣясь—«что мы сегодня будемъ ѣсть
едвѣдя; но не знаю, кто-то его убьетъ.» — Нетъ-
о-куа его за то побранила, но не могла уговорить
дти на медвѣдя.

«Мы пошли въ походъ. Мужчины шли впередъ и
если наши пожитки. Пришедъ на мѣсто, они от-
равились на ловлю, а дѣти остались стеречь по-
ажу до прибытія женщинъ. Я былъ тутъ же;
жье было при мнѣ. Я все думалъ о томъ, что го-
рила старуха, и рѣшился идти отыскивать доли-
, приснившуюся ей; зарядилъ ружье пулею, и,
говоря никому ни слова, воротился назадъ.

«Я прибылъ къ одному мѣсту, гдѣ вѣроятно нѣ-
гда находился прудъ, и увидѣлъ круглое, малое
ространство посреди лѣса. Вотъ,—подумалъ я,—до-
на, назначенная старухою. Вскорѣ нашелъ родъ
опинки, вѣроятно русло изсохшаго ручейка. Все
крыто было глубокимъ снѣгомъ.

«Мать сказывала также, что во снѣ видѣла он дымъ на томъ мѣстѣ, гдѣ находился медвѣдь. Я был увѣренъ, что нашелъ долину ею описанную, и до го ждалъ появленія дыма. Однакожь дымъ не пок зывался. Наскуча напраснымъ ожиданіемъ, сдѣлал я нѣсколько шаговъ тамъ, гдѣ, казалось, шла тр пинка, и вдругъ увязъ по поясъ въ снѣгу.

«Выкарабкавшись проворно, прошелъ я еще н сколько шаговъ, какъ вспомнилъ вдругъ разсказы И дійцевъ о медвѣдяхъ, и мнѣ пришло въ голову, чт можетъ быть, мѣсто, куда я провалился, была ме вѣжья берлога. Я воротился, и во глубинѣ впадин увидѣлъ голову медвѣдя; приставилъ ему ду ружья между глазами, и выстрѣлилъ. Коль ско дымъ разошелся, я взялъ палку и нѣсколько ра воткнулъ ея конецъ въ глаза и рану; потомъ, уд стовѣрясь, что медвѣдь убитъ, сталъ его тащить и берлоги, но не смогъ, и возвратился въ таборъ п своимъ слѣдамъ.

«Вошелъ въ шалашъ моей матери. Старуха ск зала мнѣ: «Сынъ мой, вынь изъ котла кусокъ б броваго мяса, которое мнѣ дали сегодня; да оста половину брату, который съ охоты еще не вор тился, и сегодня ничего не ѣлъ»... Я съѣлъ св кусокъ, и видя, что старуха одна, подошелъ къ не и сказалъ ей на ухо: «Мать! я убилъ медвѣдя!»—Ч ты говоришь? — «Я убилъ медвѣдя!» — Точно онъ убитъ?—«Точно». — Она нѣсколько времени г дѣла на меня неподвижно; потомъ обняла меня

ѣжностію и долго ласкала. Пошли за убитымъ едвѣдемъ; и какъ это былъ еще первый, то, по обыаю Индійцевъ, его изжарили цѣльнаго, и всѣ охотники приглашены были съѣсть его вмѣстѣ съ нами.»

Описаніе различныхъ охотъ и приключеній во ремя преслѣдованія звѣрей занимаетъ много мѣста ъ «Запискахъ» Джона Теннера. Исторіи объ однихъ битыхъ медвѣдяхъ составляютъ цѣлый романъ. То, го онъ говоритъ о *музѣ*, Американскомъ оленѣ ervus alces), достойно изслѣдованія натуралистовъ.

«Индійцы увѣрены, что музъ между прочимъ оданъ способностію долго оставаться подъ водою. вое изъ моихъ знакомыхъ, люди нелживые, возатились однажды вечеромъ съ охоты, и разсказали мъ, что молодой музъ, загнанный ими въ маленькій прудъ, нырнулъ въ средину. Они до вечера стегли его на берегу, куря табакъ; во все время не дали они ни малѣйшаго движенія воды, ни другой какой либо примѣты скрывшагося муза, и, порявъ надежду на успѣхъ, наконецъ возвратились.

«Нѣсколько минутъ по ихъ прибытіи, явился одикій охотникъ съ свѣжею добычею. Онъ разсказалъ, о звѣриный слѣдъ привелъ его къ берегамъ пруда, ѣ нашелъ онъ слѣды двухъ человѣкъ, повидимо- прибывшихъ туда съ музомъ почти въ одно вре-. Онъ заключилъ, что музъ былъ ими убитъ; сѣлъ берегъ, и вскорѣ увидѣлъ муза, приставшаго хо надъ неглубокою водою, и застрѣлилъ его пруду.

«Индійцы полагаютъ, что музъ животное само осторожное, и что достать его весьма трудно. Онъ бди тельнѣе, нежели дикій буйволъ (bison, bos americanus) и Канадскій олень (karibou), и имѣетъ болѣе остро чутье. Онъ быстрѣе лося, осторожнѣе и хитрѣе ди кой козы (l'antilope). Въ самую страшную бурю, когда вѣтеръ и громъ сливаютъ свой продолжитель ный ревъ съ безпрестаннымъ шумомъ проливнаг дождя, если сухой прутикъ хруститъ въ лѣсу под ногой или рукою человѣческой, музъ уже слы шитъ. Онъ не всегда убѣгаетъ, но перестаетъ ѣсти и вслушивается во всѣ звуки. Если въ теченіи цѣ лаго часа человѣкъ не произведетъ никакого шума то музъ начинаетъ ѣсть опять, но ужь не забы ваетъ звука, имъ услышаннаго, и на нѣсколько ча совъ осторожность его остается дѣятельнѣе».

Легкость и неутомимость Индійцевъ въ преслѣдо ваніи звѣрей почти неимовѣрны. Вотъ какъ Теннер описываетъ охоту за лосями.

«Холодная погода только что начиналась. Снѣг былъ еще не глубже одного фута; а мы уже чув ствовали голодъ. Намъ встрѣтилась толпа лосей, мы убили четырехъ въ одинъ день.

«Вотъ какъ Индійцы травятъ лосей. Спугнув съ мѣста, они преслѣдуютъ ихъ ровнымъ шагомъ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ. Испуганные звѣри сгоряча опережаютъ ихъ на нѣсколько миль; н Индійцы, слѣдуя за ними все тѣмъ же шагомъ, нако нецъ настигаютъ ихъ; толпа лосей, завидя ихъ, бѣ житъ съ новымъ усиліемъ, и исчезаетъ опять н

часъ или на два. Охотники начинаютъ открывать ихъ скорѣе и скорѣе, и лоси все долѣе и долѣе остаются въ ихъ виду; наконецъ охотники ужь ни на минуту не теряютъ ихъ изъ глазъ. Усталыя лоси бѣгутъ тихой рысью; вскорѣ идутъ шагомъ. Тогда и охотники находятся почти въ совершенномъ изнеможеніи. Однакожь они обыкновенно могутъ еще дать залпъ изъ ружей по стаду лосей; но выстрѣлы придаютъ звѣрямъ новую силу; а охотники, ежели снѣгъ не глубокъ, рѣдко имѣютъ духъ и возможность выстрѣлить болѣе одного или двухъ разъ. Въ продолжительномъ бѣгствѣ лось не легко высвобождаетъ копыто свое; въ глубокихъ снѣгахъ его достигнуть легко. Есть Индійцы, которые могутъ преслѣдовать лосей по степи и безснѣжной; но такихъ мало.»

Препятствія, нужды, встрѣчаемыя Индійцами въ сихъ предпріятіяхъ, превосходятъ все, что можно себѣ вообразить. Находясь въ безпрестанномъ движеніи, они не ѣдятъ по цѣлымъ суткамъ, и принуждены иногда, послѣ такого насильственнаго поста, довольствоваться вареной кожаной обувью. Проваливаясь въ пропасти, покрытыя снѣгомъ, переправляясь черезъ бурныя рѣки на легкой древесной корѣ, они находятся въ ежеминутной опасности потерять или жизнь или средства къ ея поддержанію. Подмочивъ гнилое дерево, изъ коего добываютъ себѣ огонь, часто охотники замерзаютъ въ снѣговой степи. Самъ Теннеръ нѣсколько разъ чувствовалъ приближеніе ледяной смерти. «Однажды рано утромъ»—говоритъ

онъ—«я погналъ лося и преслѣдовалъ его до ночи; уже готовъ былъ его достигнуть, но вдругъ лишился и силъ и надежды. Одежда моя, вопреки морозу, была вся мокра. Вскорѣ она оледѣнѣла. Мои суконныя *митассы* (порты) изорвались въ клочки во время бѣга сквозь кустарники. Я почувствовалъ, что замерзаю.... Около полуночи достигъ мѣста, гдѣ стояла наша хижина; ея уже тамъ не было: старуха перенесла ее на другое мѣсто.... Я пошелъ по слѣдамъ моей семьи, и вскорѣ холодъ сталъ нечувствителенъ: мною овладѣло усыпленіе, обыкновенный признакъ предшествующей смерти. Я удвоилъ усилія; и хотя былъ въ совершенной памяти и понималъ очень хорошо опасность своего положенія, но съ трудомъ могъ удержать желаніе прилечь на землю. Наконецъ совершенно забылся, не знаю на долго ли, и очнувшись какъ ото сна, увидѣлъ, что кружился на одномъ мѣстѣ.

«Я сталъ искать своихъ слѣдовъ, и вдругъ вдали увидѣлъ огонь; но снова потерялъ чувства. Еслибы я упалъ, то ужь никогда бы не всталъ. Я сталъ опять кружиться на одномъ мѣстѣ; наконецъ достигъ нашей хижины. Вошедъ въ нее, я упалъ, однакожь не лишился чувствъ. Какъ теперь вижу огонь, освѣщающій ярко нашу хижину, и ледъ, ее покрывающій; какъ теперь слышу слова старухи: она говорила, что ждали меня задолго передъ наступленіемъ ночи, не полагая, чтобъ я такъ долго остался на охотѣ.... Цѣлый мѣсяцъ я не могъ выд-

и: лице, руки и ляжки были у меня сильно отюрожены. . . .»

Подвергаясь таковымъ трудамъ и опасностямъ, Індійцы имѣютъ цѣлію заготовленіе бобровыхъ мѣовъ, буйволовыхъ кожъ и прочаго, дабы продать и ымѣнять ихъ купцамъ Американскимъ. Но рѣдко олучаютъ они выгоду въ торговыхъ своихъ оборогахъ: купцы обыкновенно пользуются ихъ простоюю и склонностію къ крѣпкимъ напиткамъ. Вынѣнявъ часть товаровъ на ромъ и водку, бѣдные Індійцы отдаютъ и остальные за безцѣнокъ; за проолжительнымъ пьянствомъ слѣдуетъ голодъ и ницета, и нещастные дикари принуждены вскорѣ опять братиться къ скудной и бѣдственной своей проышлености. Джонъ Теннеръ слѣдующимъ обраомъ описываетъ одну изъ этихъ оргій.

«Торгъ нашъ кончился. Старуха подарила купцу есять прекрасныхъ бобровыхъ мѣховъ. Въ замѣну одарка обыкновенно получала она одно платье, сеебряныя украшенія, знаки ея владычества, и бочу рому. Когда купецъ послалъ за нею, чтобъ вруить свой подарокъ, она такъ была пьяна, что е могла держаться на ногахъ. Я явился вмѣсто ея, былъ немножко навеселѣ; нарядился въ ея платье, адѣлъ на себя и серебряныя украшенія; потомъ взваливъ бочку на плечи, принесъ ее въ хижиу. Тутъ я поставилъ бочку наземь и прошибъ но обухомт. «Я не изъ тѣхъ начальниковъ»—сказалъ —«которые тянутъ ромъ изъ дырочки: пей кто хо-

четь и сколько хочетъ!»—Старуха прибѣжала съ тре мя котлами,—и въ пять минутъ все было выпито Я пьянствовалъ съ Индійцами во второй разъ отроду у меня спрятанъ былъ ромъ; тайно ходилъ я пить, и былъ пьянъ два дня сряду. Остатки по шелъ допивать съ племянникомъ старухи.... Онъ не былъ еще пьянъ; но жена его лежала передъ огнемъ въ совершенномъ безчувствіи....

«Мы сѣли пить. Вь это время Индіецъ, изъ племени Ожибуай, вошелъ шатаясь, и повалился передъ огнемъ. Ужь было поздно; но весь таборъ шумѣлъ и пьянствовалъ. Я съ товарищемъ вышелъ чтобъ попировать съ тѣми, которые захотятъ насъ пригласить; не будучи еще очень пьяны, мы спрятали котелъ съ остальною водкою. Погулявъ нѣсколько времени, мы воротились. Жена товарища моего все еще лежала передъ огнемъ; но на ней уже не было ея серебряныхъ украшеній. Мы кинулись къ нашему котлу: котелъ исчезъ; Индіецъ, оставленный нами передъ огнемъ, скрылся; и по многимъ причинамъ мы подозрѣвали его въ этомъ воровствѣ. Дошло до меня, что онъ сказывалъ, будто бы я его поилъ. На другой день пошелъ я въ его хижину и потребовалъ котла. Онъ велѣлъ своей женѣ принести его. Такимъ образомъ воръ сыскался, и братъ мой получилъ обратно серебряныя украшенія!!...» Оставляемъ читателю судить какое улучшеніе въ нравахъ дикарей приноситъ соприкосновеніе цивилизаціи!

Легкомысленность, невоздержность, лукавство и жестокость — главные пороки дикихъ Американцевъ. Убійство между ими не почитается преступленіемъ; но родственники и друзья убитаго обыкновенно мстятъ за его смерть. Джонъ Теннеръ навлекъ на себя ненависть одного Индійца и нѣсколько разъ подвергался его удару. «Ты давно могъ бы меня убить»— сказалъ ему однажды Теннеръ— «но ты не мужчина, у тебя нѣтъ даже сердца женскаго, ни смѣлости собачей. Никогда не прощу тебѣ, что ты на меня замахнулся ножемъ, и не имѣлъ духа поразить». — Храбрость почитается между Индійцами главною человѣческою добродѣтелью: трусъ презираемъ у нихъ наравнѣ съ лѣнивымъ или слабымъ охотникомъ. Иногда, если убійство произошло въ пьянствѣ или ненарочно, родственники торжественно прощаютъ душегубца. Теннеръ разсказываетъ любопытный случай.

«Молодой человѣкъ, изъ племени Оттовауа, жившій у меня во время моей болѣзни, отлучился въ таборъ новоприбывшихъ Индійцевъ, которые въ то время пьянствовали. Въ полночь его привели къ намъ пьянаго. Одинъ изъ проводниковъ втолкнулъ его въ хижину, сказавъ: «Смотрите за нимъ: молодой человѣкъ напроказилъ.»

«Мы разложили огонь, и увидѣли молодаго человѣка, стоящаго съ ножемъ въ рукѣ, всего окровавленнаго. Его не могли уложить; я приказалъ ему лечь, и онъ повиновался. Я запретилъ дѣлать разысканія и упоминать ему объ окровавленномъ ножѣ.

*

«Утромъ, вставъ отъ глубокаго сна, онъ ничего не помнилъ. Молодой человѣкъ сказалъ намъ, что наканунѣ, кажется, онъ напился пьянъ, что очень голоденъ и хочетъ готовить себѣ обѣдъ. Онъ изумился, когда я сказалъ ему, что онъ убилъ человѣка. Онъ зналъ только, что во время пьянства кричалъ, вспомня объ отцѣ своемъ, убитомъ нѣкогда на томъ самомъ мѣстѣ бѣлыми людьми. Онъ очень опечалился, и тотчасъ побѣжалъ взглянуть на того, кого зарѣзалъ. Нещастный былъ еще живъ. Мы узнали, что, когда былъ онъ пораженъ, тогда лежалъ пьяный безъ памяти, и что самъ убійца вѣроятно не зналъ, кто была его жертва. Родственники не говорили ничего; но переводчикъ (Американскаго губернатора) сильно его упрекалъ.

«Ясно было, что раненый не могъ жить, и что послѣдній часъ его былъ уже близокъ. Убійца возвратился къ намъ. Мы приготовили значительные подарки: кто далъ одѣяло, кто кусокъ сукна, кто то, кто другое. Онъ унесъ ихъ тотчасъ и положилъ передъ раненымъ. Потомъ обратясь къ родственникамъ, сказалъ имъ: «Друзья мои, вы видите, что я убилъ вашего брата; но я самъ не зналъ, что дѣлалъ. Я не имѣлъ злаго намѣренія: недавно приходилъ онъ въ нашъ таборъ, и я съ нимъ видѣлся дружелюбно; но въ пьянствѣ я обезумѣлъ, и жизнь моя вамъ принадлежитъ. Я бѣденъ, и живу у чужихъ; но они готовы отвести меня къ моему семейству, и прислали вамъ эти подарки. Жизнь моя въ вашихъ рукахъ; подарки передъ вами: выби-

райте, что хотите. Друзья мои жаловаться не станутъ».

«При сихъ словахъ онъ сѣлъ, наклонивъ голову и закрывъ глаза руками въ ожиданіи смертельнаго удара. Но старая мать убитаго вышла впередъ и сказала ему: «Ни я, ни дѣти мои смерти твоей не хотятъ. Не отвѣчаю за моего мужа: его здѣсь нѣтъ; однакожь подарки твои принимаю, и буду стараться отвратить отъ тебя мщеніе мужа. Это нещастіе случилось ненарочно. За что же твоя мать будетъ плакать, какъ я?» —

«На другой день молодой человѣкъ умеръ, и многіе изъ насъ помогли убійцѣ вырыть могилу. Когда все было готово, губернаторъ подарилъ мертвецу богатыя одѣяла, платья и прочее (что, по обычаю Индійцевъ, должно было быть схоронено вмѣстѣ съ тѣломъ). Эти подарки положены были въ кучу на краю могилы. Но старуха, вмѣсто того чтобъ ихъ закопать, предложила молодымъ людямъ разыграть ихъ между собою.

«Разныя игры слѣдовали одна за другою: стрѣляли въ цѣль, прыгали, боролись, и пр. Но лучшій кусокъ сукна былъ назначенъ наградою побѣдителю за бѣгъ въ запуски. Самъ убійца его выигралъ. Старуха подозвала его, и сказала: «Молодой человѣкъ! Сынъ мой былъ очень мнѣ дорогъ; боюсь, долго и часто буду его оплакивать; я была бы щастлива, еслибы ты заступилъ его мѣсто, и любилъ и охранялъ меня подобно ему. Боюсь только моего мужа.»

— Молодой человѣкъ, благодарный за ея заступленіе, принялъ тотчасъ предложеніе. Онъ былъ усыновленъ, и родственники убитаго всегда обходились съ нимъ ласково и дружелюбно».

Не всѣ ссоры и убійства кончаются такъ миролюбиво. Джонъ Теннеръ описалъ одну ссору, гдѣ ужасное и смѣшное страннымъ образомъ перемѣшаны между собою.

« Братъ мой Уа-ме-гонъ-е-бью вошелъ въ шалашъ, гдѣ молодой человѣкъ билъ одну старуху. Братъ удержалъ его за руку. Въ это самое время пьяный старикъ, по имени Та-бу-шишъ, вошелъ тудаже, и, вѣроятно не разобравъ порядочно въ чемъ дѣло, схватилъ брата за волосы и откусилъ ему носъ. Народъ сбѣжался; произошло смятеніе. Многихъ изранили. Бегъ-уа-изъ, одинъ изъ старыхъ начальниковъ, бывшій всегда къ намъ благосклоненъ, прибѣжалъ на шумъ, и почелъ своею обязанностію вмѣшаться въ дѣло. Между тѣмъ братъ мой, замѣтя свою потерю, поднялъ руки, не подымая глазъ, вцѣпился въ волоса первой попавшейся ему головы, и разомъ откусилъ ей носъ. Это былъ носъ нашего друга, стараго Бегъ-уа-иза! Утоливъ немного свое бѣшенство, Уа-ме-гонъ-е-бью узналъ его, и закричалъ: « Дядя! это ты! » — Бегъ-уа-изъ былъ человѣкъ добрый и смирный; онъ зналъ, что братъ откусилъ ему носъ совсѣмъ неумышленно. Онъ нимало не осердился, и сказалъ: «Я старъ: не долго будутъ смѣяться надъ потерею моего носа.»

«Съ своей стороны я былъ въ сильномъ негодованіи на старика, обезобразившаго брата моего. Я вошелъ въ хижину къ Уа-ме-гонъ-е-бью и сѣлъ подлѣ него. Онъ весь былъ окровавленъ; нѣсколько времени молчалъ, и когда заговорилъ, я увидѣлъ, что онъ былъ въ полномъ своемъ разсудкѣ. «Завтра» — сказалъ онъ — «я буду плакать съ моими дѣтьми; послѣ завтра пойду къ Та-бу-шишу (врагу своему), и мы оба умремъ: я не хочу жить, чтобъ быть вѣчно посмѣшищемъ.» Я обѣщался ему помочь въ его предпріятіи и приготовился къ дѣлу. Но проспавшись и проплакавъ цѣлый день съ своими дѣтьми, онъ оставилъ свои злобныя намѣренія, и рѣшился какъ нибудь обойтися безъ носу также какъ и Бегъ-уа-изъ.

«Нѣсколько дней спустя, Та-бу-шишъ опасно занемогъ горячкою. Онъ ужасно похудѣлъ, и, казалось, умиралъ. Наконецъ прислалъ онъ къ Уа-ме-гонъ-е-бью два котла и другіе значительные подарки, и велѣлъ ему сказать: «Другъ мой, я тебя обезобразилъ, а ты наслалъ на меня болѣзнь. Я много страдалъ, а коли умру, то дѣти мои будутъ страдать еще болѣе. Посылаю тебѣ подарки, дабы ты оставилъ мнѣ жизнь....» Уа-ме-гонъ-е-бью отвѣчалъ ему черезъ посланнаго: «Не я наслалъ на тебя болѣзнь; вылечить тебя не могу, подарковъ твоихъ не хочу.» Та-бу-шишъ томился около мѣсяца; волоса у него вылѣзли; потомъ онъ началъ выздоравливать, и мы всѣ пошли въ степи по разнымъ направленіямъ, удаляясь одинъ отъ другаго какъ можно болѣе.....

«Однажды мы расположились таборомъ близъ деревушки, въ которую переселился Та-бу-шишъ, и готовы были уже снова выступить, какъ вдругъ увидѣли его. Онъ былъ весь голый, расписанъ и украшенъ какъ для битвы, и держалъ въ рукахъ оружіе. Онъ медленно къ намъ приближался, и казался глубоко раздраженнымъ. Но никто изъ насъ не понялъ его намѣренія до самой той минуты, какъ онъ уставилъ дуло своего ружья въ спину моему брату. «Другъ мой» — сказалъ онъ ему — «мы до« вольно пожили; мы довольно другъ друга помучи« ли. Тебя просили отъ моего имени довольствовать« ся тѣмъ, что̀ уже я вытерпѣлъ; ты не согласился« черезъ тебя я все еще страдаю; жизнь мнѣ не« сносна: намъ должно вмѣстѣ умереть.» — Два молодые Индійца, видя его намѣреніе, тотчасъ натянули свои луки, и прицѣлились въ него стрѣлами; но Та-бу-шишъ не обратилъ на нихъ никакого вниманія. Уа-мс-гонъ-е-бью испугался, и не смѣлъ приподнять голову. Та-бу-шишъ готовъ былъ биться съ нимъ на смерть; но онъ не принялъ вызова. Съ той поры я вовсе пересталъ его уважать: послѣдній Индіецъ былъ храбрѣе и великодушнѣе его.»

Если частныя распри Индійцевъ жестоки и кровопролитны, то войны ихъ, за то, вовсе не губительны, и ограничиваются по большей части утомительными походами. Начальники не пользуются никакою властію, а дикари не знаютъ, что̀ такое повиновеніе воинское. Они, наскуча походомъ, оставляютъ войско одинъ за другимъ, и возвращаются

каждый въ свою хижину, не успѣвъ увидѣть непріяте-
ля. Старшины упрямятся нѣсколько времени; но, оставшись одни безъ воиновъ, слѣдуютъ общему примѣру, и война кончается безо всякаго послѣдствія.

Джонъ Теннеръ разсказываетъ съ видимымъ удовольствіемъ одинъ изъ своихъ военныхъ подвиговъ, который немного походитъ на воровство, но тѣмъ не менѣе доказываетъ его предпріимчивость и неустрашимость. Какіе-то Индійцы похитили у него лошадь. Онъ отправился съ намѣреніемъ или отыскать ее, или замѣнить. Посѣщая Индійскія селенія, въ одномъ изъ нихъ не встрѣтилъ онъ никакого гостепріимства. Это его оскорбило, и замѣтивъ добрую лошадь принадлежавшую старшинѣ, онъ изъ мести рѣшился присвоить ее себѣ.

«У меня подъ одѣяломъ»—говоритъ онъ—«спрятанъ былъ арканъ. Я искусно набросилъ его на шею лошади—и не поскакалъ, а полетѣлъ. Когда лошадь начала задыхаться, я остановился, чтобъ оглянуться: хижины негостепріимной деревни были едва видны и казались маленькими точками на далекой долинѣ....

«Тутъ я подумалъ, что не хорошо поступаю, похищая любимую лошадь человѣка, не сдѣлавшаго мнѣ никакого зла, хотя и отказавшаго мнѣ въ должномъ гостепріимствѣ. Я соскочилъ съ лошади и пустилъ ее на волю. Но въ ту же минуту увидѣлъ толпу Индійцевъ, скачущихъ изъ-за возвышенія. Я

едва успѣлъ убѣжать въ ближній орѣшникъ. Они искали меня нѣсколько времени по разнымъ направленіямъ, а я между тѣмъ спрятался съ большей осторожностію. Они разсѣялись. Многіе прошли близехонько отъ меня; но я былъ такъ хорошо спрятанъ, что могъ безопасно наблюдать за всѣми ихъ движеніями. Одинъ молодой человѣкъ раздѣлся донага, какъ для сраженія, запѣлъ свою боевую пѣснь, бросилъ ружье, и съ простою дубиною въ рукахъ пошелъ прямо къ мѣсту, гдѣ я былъ спрятанъ. Онъ уже былъ отъ меня шагахъ въ двадцати. Курокъ у ружья моего былъ взведенъ, и я цѣлилъ въ сердце... Но онъ воротился. Онъ конечно не видалъ меня; но мысль находиться подъ надзоромъ невидимаго врага, вооруженнаго ружьемъ, вѣроятно поколебала его. Меня искали до ночи, и тогда лошадь уведена была обратно.

«Я тотчасъ пустился въ обратный путь, радуясь, что избавился отъ такой опасности; шелъ день и ночь, и на третьи сутки прибылъ къ рѣкѣ Мауз. Купцы тамошней конторы пѣняли, что я упустилъ изъ рукъ похищенную мною лошадь, и сказали, что дали бы за нее хорошую цѣну.

«Въ двадцати миляхъ отъ этой конторы жилъ одинъ изъ моихъ друзей, по имени Бе-на. Я просилъ его освѣдомиться о моей лошади и объ ея похитителѣ. Бе-на впустилъ меня въ шалашъ, гдѣ жили двѣ старухи, и сквозь щелку указалъ на ту хижину, гдѣ жилъ Ба-гисъ-кунъ-нунъ съ четырьмя своими сы-

новьями. Лошади ихъ паслись около хижины. Бе-на указалъ на прекраснаго черпаго коня, вымѣненнаго ими на мою лошадь. . . . . Я тотчасъ отправился къ Ба-гисъ-кунъ-нунгу, и сказалъ ему: «Мнѣ нужна лошадь».—У меня нѣтъ лишней лошади.—«Такъ яжъ одну уведу».—А я тебя убью.— Мы разстались. Я приготовился къ утру отправиться въ путь. Бе-на далъ мнѣ буйволовую кожу вмѣсто сѣдла; а старуха продала мнѣ ремень, въ замѣну аркана, мною оставленнаго на шеѣ лошади Индійскаго старшины. Рано утромъ вошелъ я въ хижину Бе-на, еще спавшаго, и покрылъ его тихонько совершенно новымъ одѣяломъ, мнѣ принадлежавшимъ. Потомъ пошелъ далѣе.

«Приближаясь къ хижинѣ Ба-гисъ-кунъ-нунга, увидѣлъ я старшаго его сына, сидящаго на порогѣ..... Замѣтивъ меня, онъ закричалъ изо всей мочи..... Вся деревня пришла въ смятеніе. . . . Народъ собрался около меня.... Никто, казалось, не хотѣлъ мѣшаться въ это дѣло. Одно семейство моего обидчика изъявляло явную непріязнь. . . .

«Я такъ былъ взволнованъ, что не чувствовалъ подъ собою земли; кажется однако, я не былъ испуганъ. Набросивъ петлю на черную лошадь, я все еще не садился верхомъ, потому что это движеніе лишило бы меня на минуту возможности защищаться, — и можно было бы напасть на меня съ тыла. Подумавъ однако, что видъ малѣйшей нерѣшительности былъ бы для меня чрезвычайно невыгоднымъ, я хотѣлъ вскочить на лошадь; но сдѣлалъ слишкомъ боль-

шое усиліе, перепрыгнулъ черезъ лошадь, и рас-
тянулся на той сторонѣ, съ ружьемъ въ одной ру-
кѣ, съ лукомъ и стрѣлами въ другой. Я всталъ по-
спѣшно, оглядываясь кругомъ, дабы надзирать надъ
движеніями моихъ непріятелей. Всѣ хохотали во все
горло, кромѣ семьи Ба-гисъ-кунъ-нунга. Это обо-
дрило меня, и я сѣлъ верхомъ съ бо́льшей рѣшимо-
стію. Я видѣлъ, что, ежелибы въ самомъ дѣлѣ хо-
тѣли на меня напасть, то воспользовались бы ми-
нутою моего паденія. Къ тому же веселый хохотъ
Индійцевъ доказывалъ, что предпріятіе мое вовсе ихъ
не оскорбляло.»

Джонъ Теннеръ отбился отъ погони, и остался
спокойнымъ владѣтелемъ геройски похищеннаго коня.

Онъ иногда выдаетъ себя за человѣка недоступ-
наго предразсудкамъ; но поминутно обличаетъ свое
Индійское суевѣріе. Теннеръ вѣритъ снамъ и пред-
сказаніямъ старухъ: тѣ и другія для него всегда
сбываются. Когда голоденъ, ему снятся жирные
медвѣди, вкусныя рыбы, и черезъ нѣсколько вре-
мени въ самомъ дѣлѣ удастся ему застрѣлить ди-
кую козу или поймать осетра. Въ затруднитель-
ныхъ обстоятельствахъ ему всегда является во снѣ
какой-то молодой человѣкъ, который дастъ добрый
совѣтъ или ободряетъ его. Теннеръ поэтически
описываетъ одно видѣніе, которое имѣлъ онъ въ пу-
стынѣ на берегу Малаго Сасъ-Кау.

«На берегу этой рѣки есть мѣсто, нарочно со-
зданное для Индійскаго табора: прекрасная при-

станъ, маленькая долина, густой лѣсъ, прислоненный къ холму..... Но это мѣсто напоминаетъ ужасное происшествіе: здѣсь совершилось братоубійство, злодѣяніе столь неслыханное, что самое мѣсто почитается проклятымъ. Ни одинъ Индіецъ не причалитъ челнока своего къ долинѣ «Двухъ Убитыхъ»; никто не осмѣлится тамъ ночевать. Преданіе гласитъ что нѣкогда въ Индійскомъ таборѣ, здѣсь остановившемся, два брата (имѣвшіе сокола своимъ *тотемомъ* *) поссорились между собою, и одинъ изъ нихъ убилъ другаго. Свидѣтели такъ были поражены симъ ужаснымъ злодѣйствомъ, что тутъ же умертвили братоубійцу. Оба брата похоронены вмѣстѣ.

« Приближаясь къ сему мѣсту, я много думалъ о двухъ братьяхъ, имѣвшихъ одинъ со мною *тотемъ*, и которыхъ почиталъ я родственниками матери моей (Нетъ-но-куа). Я слыхалъ, что когда располагались на ихъ могилѣ (что нѣсколько разъ и случалось), они выходили изъ-подъ земли и возобновляли ссору и убійство. По крайней мѣрѣ достовѣрно, что они безпокоили посѣтителей и мѣшали имъ спать. Любопытство мое было встревожено. Мнѣ хотѣлось разсказать Индійцамъ не только что я останавливался въ этомъ страшномъ мѣстѣ, но что еще тамъ и ночевалъ

Солнце садилось, когда я туда прибылъ. Я вытащилъ свой челнокъ на берегъ, разложилъ огонь, и отужинавъ, заснулъ.

* Родъ герба. *Соколъ* былъ также *тотемомъ* и Д. Теннера.

«Прошло нѣсколько минутъ, и я увидѣлъ обоихъ мертвецевъ, встающихъ изъ могилы. Они пришли и сѣли у огня прямо передо мною. Глаза ихъ были неподвижно устремлены на меня. Они не улыбнулись и не сказали ни слова. Я проснулся. Ночь была темная и бурная. Я никого не видѣлъ, не услышалъ ни одного звука, кромѣ шума шатающихся деревъ. Вѣроятно я заснулъ опять, ибо мертвецы опять явились. Они, кажется, стояли внизу, на берегу рѣки, потому что головы ихъ были наравнѣ съ землею, на которой разложилъ я огонь. Глаза ихъ все были устремлены на меня. Вскорѣ они встали опять одинъ за другимъ, и сѣли снова противъ меня. Но тутъ уже они смѣялись, били меня тросточками и мучили различнымъ образомъ. Я хотѣлъ имъ сказать слово, но не стало голосу; пробовалъ бѣжать: ноги не двигались. Цѣлую ночь я волновался и былъ въ безпрестанномъ страхѣ. Одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ между прочимъ, чтобъ я взглянулъ на подошву ближняго холма. Я увидѣлъ связанную лошадь, глядѣвшую на меня. «Вотъ тебѣ, братъ» — сказалъ мнѣ жеби * — «лошадь на завтрашній путь. Когда ты поѣдешь домой, тебѣ можно будетъ взять ее снова, а съ нами провести еще одну ночь».

«Наконецъ разсвѣло, и я съ большимъ удовольствіемъ замѣтилъ, что эти страшныя привидѣнія исчезли съ ночнымъ мракомъ. Но, пробывъ долго ме-

* Мертвецъ.

жду Индійцами, и зная множество примѣровъ тому, что сны часто сбываются, я сталъ не на шутку помышлять о лошади, данной мнѣ мертвецомъ; пошелъ къ холму, и увидѣлъ конскіе слѣды и другія примѣты, а въ нѣкоторомъ разстояніи нашелъ и лошадь, которую тотчасъ узналъ: она принадлежала купцу, съ которымъ имѣлъ я дѣло. Дорога сухимъ путемъ была нѣсколькими милями короче пути водянаго. Я бросилъ челнокъ, навьючилъ лошадь, и отправился къ конторѣ, куда на другой день и прибылъ. Въ послѣдствіе времени я всегда старался миновать могилу обоихъ братьевъ; а разсказъ о моемъ видѣніи и страданіяхъ ночныхъ увеличилъ въ Индійцахъ суевѣрный ихъ ужасъ.»

Джонъ Теннеръ былъ дважды женатъ. Описаніе первой его любви имѣетъ въ его «Запискахъ» какую-то дикую прелесть. Красавица его носила имя, имѣвшее очень поэтическое значеніе, но которое съ трудомъ помѣстилось бы въ элегіи: она звалась Мисъ-куа-бунъ-о-куа, что по Индійски значитъ Заря.

«Однажды вечеромъ» — говоритъ Теннеръ — «сидя передъ нашей хижиной, увидѣлъ я молодую дѣвушку. Она, гуляя, курила табакъ, и изрѣдка на меня посматривала; наконецъ подошла ко мнѣ и предложила мнѣ курить изъ своей трубки. Я отвѣчалъ, что не курю. «Ты отъ того»— сказала она— «отказываешься, что не хочешь коснуться моей трубки». Я взялъ трубку изъ ея рукъ, и покурилъ немного— въ самомъ дѣлѣ въ первый разъ отъ роду. Она со мною

разговорилась, и понравилась мнѣ. Съ той поры мы часто видались, и я къ ней привязался.

«Вхожу въ эти подробности, потому что у Индійцевъ такимъ образомъ не знакомятся. У нихъ обыкновенно молодой человѣкъ женится на дѣвушкѣ вовсе ему незнакомой. Они видались; можетъ быть, взглянули другъ на друга; но вѣроятно никогда между собою не говорили; свадьба рѣшена стариками, и рѣдко молодая чета противится волѣ родительской. Оба знаютъ, что, если союзъ сей будетъ непріятенъ одному изъ двухъ, или обоимъ вмѣстѣ, то легко будетъ его расторгнуть.

«Разговоры мои съ Мисъ-куа-бунъ-о-куа вскорѣ надѣлали много шуму въ нашемъ селеніи. Однажды старый Очукъ-ку-конъ вошелъ ко мнѣ въ хижину, держа за руку одну изъ многочисленныхъ своихъ внучекъ. Онъ, судя по слухамъ, полагалъ, что я хотѣлъ жениться. «Вотъ тебѣ»—сказалъ онъ моей матери—«самая добрая и самая прекрасная изъ моихъ внучекъ: я отдаю ее твоему сыну». Съ этимъ словомъ онъ ушелъ, оставя ее у насъ въ хижинѣ. . . .

«Мать моя всегда любила молодую дѣвушку, которая считалась красавицей. Однакожь старуха смутилась, и сказала мнѣ наединѣ: «Сынъ, дѣвушка прекрасна и добра; но не бери ее за себя: она больна и черезъ годъ умретъ. Тебѣ нужна жена сильная и здоровая, и такъ предложимъ ей хорошій подарокъ, и отошлемъ ее къ родителямъ». Дѣвушка

возвратилась съ богатыми подарками, а черезъ годъ предсказаніе старухи сбылось.

« Съ каждымъ днемъ любовь наша усиливалась. Мать моя, вѣроятно, не осуждала нашей склонности. Я ничего ей не говорилъ; но она знала все, и вскорѣ я въ томъ удостовѣрился. Однажды проведши въ первый разъ большую часть ночи съ моей любовницей, я воротился поздно, и заснулъ. На зарѣ старуха разбудила меня, ударивъ прутомъ по голымъ ногамъ.

«Вставай»—сказала она—«вставай, молодой женихъ, ступай на охоту. Жена твоя будетъ тебя болѣе почитать, когда рано воротишься къ ней съ добычей, нежели когда станешь величаться гуляя по селенію въ отсутствіе ловцевъ.» Я молча взялъ ружье и вышелъ. Въ полдень воротился, неся на плечахъ жирнаго муза, мною застрѣленнаго, и сбросилъ его къ ногамъ матери, сказавъ ей грубымъ голосомъ: « Вотъ тебѣ, старуха, что̀ ты сегодня утромъ отъ меня требовала.» Она была очень довольна и похвалила меня. Изъ того я заключилъ, что связь моя съ молодой дѣвушкой не была ей противна, и очень былъ тому радъ. Многіе изъ Индійцевъ чуждаются своихъ старыхъ родителей; но хотя Нетъ-нокуа была уже дряхла и немощна, я сохранялъ къ ней прежнее, безусловное почтеніе.

« Я съ жаромъ предавался охотѣ, и почти всегда возвращался рано, или по крайней мѣрѣ засвѣтло, обремененный добычею. Я тщательно наряжался, и

разгуливалъ по селенію, играя на Индійской свирѣли называемой пи-бе-гвунъ. Въ теченіи нѣкотораго времени Мисъ-куа-бунъ-о-куа притворно отвергала меня. Я сталъ охладѣвать; тогда она забыла все притворство... Съ моей стороны желаніе привести жену къ намъ въ хижину уменьшилось. Я хотѣлъ прервать съ нею всякія сношенія. Увидя явное равнодушіе, она хотѣла тронуть мнѣ сердце то слезами, то упреками; но я ничего не говорилъ объ ней старухѣ, и съ каждымъ днемъ охлажденіе мое становилось сильнѣе.

«Около того времени мнѣ понадобилось побывать на Красной-Рѣкѣ, и я отправился съ однимъ Индійцемъ, у котораго была сильная и легкая лошадь. Намъ предстояла дорога на семьдесять миль. Мы по очереди ѣхали верьхомъ, а пѣшій между тѣмъ бѣжалъ держа лошадь за хвостъ. Мы были въ дорогѣ однѣ сутки. На возвратномъ пути я былъ одинъ, и шелъ пѣшкомъ. Темнота ночи и усталость заставили меня ночевать въ десяти миляхъ отъ нашей хижины.

«Пришедъ домой на другой день, я увидѣлъ Мисъ-куа-бунъ-о-куа сидящую на моемъ мѣстѣ. Я остановился у дверей въ недоумѣніи. Она потупила голову. Старуха сказала мнѣ съ видомъ сердитымъ: «Чтоже? развѣ оборотишься ты спиною къ нашей хижинѣ, и обезчестишь эту бѣдную дѣвушку, которой ты не стóишь? Все, что случилось между вами, сдѣлалось по твоей же волѣ, не съ моего и не съ ея согласія. Ты самъ за нею бѣгалъ повсю-

ду; а теперь не ужто прогонишь ее, какъ будто она на тебя навязалась?» . . . Укоризны матери казались мнѣ несовсѣмъ несправедливы. Я вошелъ и сѣлъ подлѣ дѣвушки. . . Такимъ образомъ мы стали мужъ и жена.» —

Джонъ Теннеръ оставилъ свою жену, и взялъ другую, отъ которой имѣлъ троихъ дѣтей. Вопреки своей долговременной привычкѣ и страстной любви къ жизни охотничей, жизни трудовъ, опасностей и восхищенiй непонятныхъ и неизъяснимыхъ, одичалый Американецъ всегда помышлялъ о возвращенiи въ нѣдра семейства, отъ котораго такъ долго былъ насильственно отторгнутъ. Наконецъ рѣшился исполнить давнишнее свое намѣренiе, и отправился къ берегамъ Бигъ-Мiами, къ мѣсту пребыванiя прежняго своего семейства.

Пришедъ въ одно изъ тамошнихъ поселенiй, встрѣтилъ онъ стараго Индiйца, и узналъ въ немъ молодаго дикаря, нѣкогда его похитившаго. Они дружески обнялись. Теннеръ узналъ отъ него о смерти старика, такъ страшно съ нимъ познакомившагося. Индiецъ разсказалъ ему подробности его похищенiя, о которыхъ Теннеръ имѣлъ только смутное понятiе. На вопросъ его: правда ли, что старый Теннеръ и все его семейство учинились жертвою Индiйцевъ, какъ нѣкогда Манито-о-гезикъ увѣрялъ маленькаго своего плѣнника? Индiецъ отвѣчалъ, что старикъ солгалъ, и разсказалъ ему слѣдующее:

Годъ спустя послѣ похищенiя Джона Теннера, Мо-

нито-о-гезикъ воротился къ тому мѣсту, гдѣ совершилъ первое свое предпріятіе. Тутъ съ утра до полудня онъ подстерегалъ стараго Теннера и его работниковъ. Они всѣ вмѣстѣ вошли въ домъ; въ полѣ остался только старшій сынъ, пахавшій землю сохою, запряженною лошадьми. Индійцы на него бросились; лошади дернули; братъ Джона Теннера запутался въ веревкахъ, упалъ, и былъ схваченъ. Лошадей убили стрѣлами. Индійцы утащили молодаго Теннера въ лѣса, переправясь до ночи черезъ Оіо. Плѣнника привязали къ дереву веревками; но онъ успѣлъ перегрысть узелъ, высвободилъ руку, вынулъ ножичекъ изъ кармана, перерѣзалъ свои узы, тотчасъ побѣжалъ къ рѣкѣ и бросился вплавь. Индійцы, услышавъ шумъ, проснулись, погнались-было за нимъ; но ночь была темна, и онъ успѣлъ убѣжать, оставя имъ на память свою шляпу.»

Отецъ Теннера умеръ тому лѣтъ десять, оставя имѣніе свое старшему сыну, и не позабывъ въ своей духовной того, чья участь была ему неизвѣстна.

Наконецъ Джонъ Теннеръ увидѣлъ свою семью, которая приняла его съ великою радостію. Братъ его обнялъ съ восторгомъ, обрѣзалъ ему волосы, и употребилъ всевозможныя старанія, дабы удержать его у себя дома. Одичалый Американецъ, съ своей стороны, звалъ его къ себѣ, къ Лѣсному Озеру, выхваляя ему черезъ переводчика дикую жизнь и раздолье степей. Братья его были женаты; сестра

Люси имѣла десять человѣкъ дѣтей. Наконецъ просьбы родныхъ на него подѣйствовали: онъ рѣшился оставить Индійцевъ и съ своими дѣтьми переселиться въ общество, которому принадлежалъ по праву рожденія.

Но приключенія Теннера тѣмъ еще не кончились. Судьба назначала ему еще новыя испытанія. Возвратясь къ дикимъ своимъ знакомцамъ и объявивъ имъ о своемъ намѣреніи, онъ возбудилъ сильное негодованіе. Индійцы не соглашались выдать ему дѣтей. Жена отказывалась слѣдовать за нимъ къ людямъ чуждымъ и ненавистнымъ. Власти Американскія принуждены были вмѣшаться въ семейственныя дѣла Джона Теннера. Угрозой и ласкою уговорили Индійцевъ отпустить его домой со всѣмъ семействомъ. Онъ еще въ послѣдній разъ отправился съ родными къ Красной - Рѣкѣ на охоту за буйволами, прощаясь навсегда съ дикой жизнію, имѣвшей для него столько прелести. Возвратясь онъ сталъ готовиться въ дорогу.

Индійцы простились съ нимъ дружелюбно. Сынъ его не захотѣлъ за нимъ слѣдовать, и остался вольнымъ дикаремъ. Теннеръ отправился съ двумя дочерьми и съ ихъ матерью, которая не хотѣла съ ними разстаться. Послушаемъ, какъ Теннеръ описываетъ свое послѣднее путешествіе.

«Въ обратномъ пути я предпочелъ ѣхать по Недоброй Рѣкѣ, что должно было сократить дорогу на нѣсколько миль. Близъ устья рѣки Осетра въ

то время стоялъ таборъ или деревня изъ шести или семи хижинъ. Тутъ находился молодой человѣкъ, по имени Омъ - чу - гвутъ - онъ. Онъ былъ высѣченъ, по приказанію Американскаго начальства, за настоящую или мнимую вину, и глубоко за то злобствовалъ. Узнавъ о моемъ проѣздѣ, онъ пріѣхалъ ко мнѣ на своемъ челночкѣ.

« Довольно страннымъ образомъ сталъ онъ искать разговора со мною, и вздумалъ увѣрять, что между нами существовали сношенія семейственныя; ночевалъ съ нами вмѣстѣ, и утромъ мы съ нимъ отправились въ одно время. Причаля къ берегу, я примѣтилъ, что онъ искалъ случая встрѣтиться въ лѣсу съ одной изъ моихъ дочерей, которая тотчасъ воротилась, немного встревоженная. Мать ея также нѣсколько разъ въ теченіи дня имѣла съ нею тайные разговоры; но дѣвочка все была печальна и нѣсколько разъ вскрикивала.

« Къ ночи, когда расположились мы ночевать, молодой человѣкъ тотчасъ удалился. Я притворно занимался своими распоряженіями, а между тѣмъ не выпускалъ его изъ виду;—вдругъ приближился къ нему, и увидѣлъ его посреди всего снаряда охотничьяго. Онъ обматывалъ около пули оленью жилу, длиною около пяти вершковъ. Я сказалъ ему: « Братъ мой» (такъ называлъ онъ меня самъ) «если у тебя не достаетъ пороху, пуль или кремней, то возьми у меня, сколько тебѣ понадобится.» Онъ отвѣчалъ, что ни въ чемъ не нуждается, а я воротился къ себѣ на ночлегъ.

« Нѣсколько времени я его не видалъ. Вдругъ явился онъ въ нарядѣ и украшеніяхъ воина, идущаго въ сраженіе. Въ первую половину ночи онъ надзиралъ за всѣми моими движеніями съ удивительнымъ вниманіемъ; подозрѣнія мои, уже и безъ того сильно возбужденныя, увеличились еще болѣе. Однакожь онъ продолжалъ со мною разговаривать много и дружелюбно, и попросилъ у меня ножикъ чтобы нарѣзать табаку; но вмѣсто того чтобъ возвратить его, сунулъ себѣ за поясъ. Я полагалъ, что онъ отдастъ мнѣ его по утру.

«Я легъ въ обыкновенный часъ, не желая показать ему свои подозрѣнія. Палатки у меня не было, и я лежалъ подъ крашеной холстиной. Растянувшись на землѣ, я выбралъ такое положеніе, что могъ видѣть каждое его движеніе. Настала гроза. Онъ, казалось, сталъ еще болѣе безпокоенъ и нетерпѣливъ. При первыхъ дождевыхъ капляхъ я предложилъ ему раздѣлить со мною пріютъ. Онъ согласился. Дождь шелъ сильно; огонь нашъ былъ залитъ; скоро потомъ *мустики* (родъ комаровъ) напали на насъ. Онъ опять разложилъ огонь и сталъ обмахивать меня вѣткою.

Я чувствовалъ, что мнѣ не должно было засыпать; но усыпленіе начинало овладѣвать мною. Вдругъ разразилась новая гроза сильнѣе первой. Я оставался какъ усыпленный, не открывая глазъ, не шевелясь и не теряя изъ виду молодаго человѣка. Однажды сильный ударъ грома, казалось, смутилъ его. Я уви-

дѣлъ, что онъ бросалъ въ огонь немного табаку въ видѣ приношенія. Въ другой разъ, когда сонъ, казалось, совершенно мною овладѣвалъ, я увидѣлъ, что онъ стерегъ меня, какъ кошка готовая броситься на свою жертву; однакожь я все противился дремотѣ.

По утру онъ съ нами отзавтракалъ, какъ обыкновенно, и ушелъ впередъ прежде, нежели успѣлъ я собраться. Дочь моя, съ которой разговаривалъ онъ въ лѣсу, казалась еще болѣе испуганною, и долго не хотѣла войти въ челнокъ; мать уговаривала ее, и старалась скрыть отъ меня ея смятеніе. Наконецъ мы поѣхали. Молодой человѣкъ плылъ у берега, не въ дальнемъ отъ насъ разстояніи, до десяти часовъ утра. Тогда при довольно-опасномъ и быстромъ поворотѣ, откуда взору открывалось далекое пространство, и онъ и челнокъ его исчезли, что очень меня удивило.

«На семъ мѣстѣ рѣка имѣетъ до 80 вержей ширины, а въ десяти—отъ поворота, о которомъ я упоминалъ—находится маленькій, утесистый островъ. Я былъ раздѣтъ и съ усиліемъ правилъ челнокомъ противъ бурнаго теченія (что заставляло меня жаться какъ можно ближе къ берегу), какъ вдругъ вблизи раздался ружейный выстрѣлъ; пуля просвистала надъ моей головою. Я почувствовалъ какъ-бы ударъ по боку. Весло выпало у меня изъ правой руки, которая сама повисла. Дымъ выстрѣла затемнялъ кусты; но со втораго взгляда я узналъ убѣгающаго Омъ-чугвутъ-она.

«Дочери мои закричали. Я обратилъ вниманіе на челнокъ: онъ былъ весь окровавленъ. Я старался лѣвою рукою направить его на берегъ, чтобы преслѣдовать молодаго человѣка; но теченіе было слишкомъ сильно для меня: оно принесло насъ на утесистый островокъ. Я ступилъ на него, и вытащивъ лѣвою рукою челнокъ на камень, попробовалъ зарядить ружье; но не успѣлъ того сдѣлать, и упалъ безъ чувствъ. Очнувшись, я увидѣлъ, что былъ одинъ на острову. Челнокъ съ моими дочерьми исчезалъ вдали, возвращаясь вспять по теченію. Я снова лишился чувствъ; но наконецъ пришелъ въ себя.

« Полагая, что мой убійца надзиралъ за мною изъ какого нибудь скрытаго мѣста, я осмотрѣлъ свои раны. Правая рука была въ очень худомъ состояніи: пуля, вошедшая въ бокъ близъ легкаго, осталась во мнѣ. Я отчаялся въ жизни, и сталъ кликать Омъ-чу-гвутъ-она, прося его прекратить мнѣ и жизнь и мученія: «Ты убилъ меня»—кричалъ я—«но хотя я и смертельно раненъ, однако боюсь прожить нѣсколько дней. Приди же, если ты мужъ, и выстрѣли въ меня еще разъ.» Звалъ его нѣсколько разъ, но не получилъ отвѣта.

«Я былъ почти голъ: въ минуту какъ меня ранили, на мнѣ, кромѣ портъ, была одна рубашка, и та вся разорванная во время усилій при плаваніи. Я лежалъ на голомъ утесѣ, на зноѣ лѣтняго дня; земляныя и черныя мухи кусали меня; въ будущемъ видѣлъ я лишь медленную смерть. Но по захожденіи солн-

ца, сила и надежда возвратились; я доплылъ до того берега. Вышедъ изъ воды, могъ стать на ноги, и испустилъ крикъ бранный, называемый *сассакуи*, въ знакъ радости и вызова. Но потеря крови и усилія во время плаванія снова лишили меня чувствъ.

«Пришедъ въ себя, я спрятался близъ берега, чтобъ наблюдать за моимъ врагомъ. Вскорѣ увидѣлъ я Омъ-чу-гвуть-она, выходящаго изъ своей западни; онъ пустилъ въ воду свой челнокъ, поплылъ внизъ по рѣкѣ, и прошелъ близехонько отъ меня. Мнѣ сильно хотѣлось кинуться на него, чтобъ схватить и задавить его въ водѣ; но я не понадѣялся на свои силы, и такимъ образомъ пропустилъ его, не открываясь.

«Вскорѣ пламенная жажда начала меня мучить. Берега рѣки были круты и каменисты. Я не могъ лежа напиться отъ раненой руки, на которую не въ силахъ былъ опереться. Надлежало войти въ воду по самыя губы. Вечеръ свѣжѣлъ болѣе и болѣе, и силы мои вмѣстѣ съ тѣмъ возобновлялись. Кровь, казалось, лилась свободнѣе; я занялся своею раною. Не смотря на опухоль мяса, я постарался соединить раздробленныя косточки; сперва разорвалъ на бинты остатокъ своей рубашки, потомъ зубами и лѣвой рукою сталъ ихъ обвивать около руки сначала слабо, а потомъ все туже, туже, пока наконецъ успѣлъ ее порядочно перевязать. Вмѣсто лубковъ привязалъ я прутики, и повѣсилъ руку на веревочку, накинутую на шею.

«Послѣ того взялъ корку съ дерева, похожаго на вишневое, и разжевавъ ее, приложилъ къ моимъ ранамъ, надѣясь тѣмъ остановить теченіе крови. Кусты, отдѣлявшіе меня отъ рѣки, были всѣ окровавлены. Настала ночь. Я выбралъ для ночлега мшистое мѣсто. Пѣнь служилъ мнѣ изголовьемъ. Я не хотѣлъ удалиться отъ берега, дабы наблюдать надо всѣмъ что случится, и дабы въ случаѣ жажды имѣть возможность ее утолить. Я зналъ, что лодка, принадлежащая купцамъ, должна была около того времени проѣхать въ этомъ самомъ мѣстѣ, ждалъ я отъ нихъ то помощи. Индійскихъ хижинъ не было ближе тѣхъ, откуда къ намъ присоединился Омъ-чу-гвутъонъ, и я имѣлъ причину думать, что кромѣ его, дочерей моихъ и жены, никого кругомъ не было.

«Простертый на землѣ, я сталъ молиться Великому Духу, прося его сжалиться надо мною и низпослать помощь въ часъ скорби. Оканчивая молитвы, замѣтилъ я, что мустики, которые роемъ облепили голое тѣло мое, умножая страданія, стали отлетать, покружились надо мною, и наконецъ исчезли. Я не приписалъ этого непосредственному дѣйствію Великаго Духа: вечеръ становился холоднымъ, и слѣдовательно это было вліяніе воздуха. Я былъ однакожъ увѣренъ, какъ и всегда, во время бѣдствій и опасности, что Владыко дней моихъ невидимо находился близъ меня, мощно мнѣ покровительствуя. Я спалъ тихо и спокойно; но часто просыпался, и всякой разъ помнилъ, просыпаясь, что снилась мнѣ лодка съ бѣлыми людьми.

«Около полуночи услышалъ я на той сторонѣ рѣки женскіе голоса, и мнѣ показались они голосами моихъ дочерей. Я подумалъ, что Омь-чу-гвутъ-онъ открылъ мѣсто, куда онѣ скрылись, и какъ нибудь ихъ обижалъ, потому что крики ихъ изъявляли страданіе. Но я не имѣлъ силы встать и идти къ нимъ на помощь.

«На другой день, прежде десяти часовъ утра, услышалъ я по рѣкѣ человѣческіе голоса́, и увидѣлъ лодку, наполненную бѣлыми людьми, подобную той, которую видѣлъ во снѣ. Эти люди вышли на берегъ, не въ дальнемъ разстояніи отъ мѣста гдѣ я лежалъ, и стали готовить завтракъ. Я узналъ лодку г. Стюарта, Гудзонскаго купца, котораго ждали около того времени. Полагая, что появленіе мое произведетъ надъ ними впечатлѣніе непріятное, я дождался конца ихъ завтрака.

«Когда приготовились они къ отплытію, я вошелъ въ бродъ, дабы обратить на себя ихъ вниманіе. Увидя меня, Французы перестали грести, и всѣ устремили на меня взоръ съ видомъ сомнѣнія и ужаса. Теченіе быстро ихъ уносило, и зовъ мой, произнесенный на Индійскомъ языкѣ, не производилъ никакого дѣйствія. Наконецъ я сталъ звать г. Стюарта по имени, и вспомнивъ нѣсколько Англійскихъ словъ, умолялъ путешественниковъ воротиться за мною. Въ одну минуту весла опустились, и лодка подъѣхала такъ близко, что я могъ въ нее войти.

«Никто не узналъ меня, хотя гг. Стюартъ и Грантъ были мнѣ очень знакомы. Я былъ весь окро-

вавленъ, и вѣроятно страданія очень меня перемѣнили. Меня осыпали вопросами. Вскорѣ узнали, кто я таковъ и что со мною случилось. Приготовили мнѣ постелю въ лодкѣ. Я умолялъ купцевъ ѣхать за моими дѣтьми въ то направленіе, откуда слышались ихъ крики, и боялся найти ихъ умерщвленными. Но всѣ розысканія были тщетны....

«Узнавъ объ имени моего убійцы, купцы рѣшились тотчасъ отправиться въ деревню, гдѣ жилъ Омъ-чу-гвутъ-онъ, и обѣщались убить его на мѣстѣ, если успѣютъ поймать. Меня спрятали на самое дно лодки. Когда причалили мы къ хижинамъ, старикъ вышелъ къ намъ на встрѣчу, спрашивая: «Что новаго?» — Все хорошо — отвѣчалъ Г. Стюартъ—другой новости нѣтъ.—«Бѣлые люди»— возразилъ старикъ — «никогда намъ правды не скажутъ. Я знаю, что въ той странѣ, откуда вы прибыли, есть новости. Одинъ изъ нашихъ молодыхъ людей, Омъ-чу-гвутъ-онъ, былъ тамъ, и сказывалъ что Соколъ (Индійское прозвище Д. Теннера), который дней нѣсколько тому назадъ проѣзжалъ здѣсь съ женою и съ дѣтьми, всѣхъ ихъ перерѣзалъ. Но, кажется, Омъ-чу-гвутъ-онъ сдѣлалъ самъ что нибудь недоброе: онъ что-то не спокоенъ, а увидя васъ, бѣжалъ.»

«Гг. Стюартъ и Грантъ стали однакожъ искать Омъ-чу-гвутъ-она по всѣмъ хижинамъ, и удостовѣрясь въ его побѣгѣ, сказали старику: «Правда, онъ сдѣлалъ недоброе дѣло; но тотъ, кого хотѣлъ онъ

убитъ, съ нами; неизвѣстно, будетъ ли онъ еще живъ....» Тогда показали меня Индійцамъ, собравшимся на берегу.

«Здѣсь мы нѣсколько времени отдыхали. Осмотрѣли мои раны. Я удостовѣрился, что пуля, раздробивъ кость руки, вошла въ бокъ близъ ребра, и просилъ г. Гранта вынуть ее; но ни онъ, ни г. Стюартъ на то не согласились. Я принужденъ былъ самъ начать операцію лѣвою рукою. Ланцетъ, данный мнѣ г. Грантомъ, переломился. Я взялъ перочинный ножичекъ, и тотъ переломился, потому что въ этомъ мѣстѣ мясо очень отвердѣло. Наконецъ дали мнѣ широкую бритву, и я вынулъ пулю; она была очень сплющена. Оленья жила и другія снадобья остались въ ранѣ. Коль скоро увидѣлъ я, что пуля ниже ребръ не опустилась, сталъ надѣяться на выздоровленіе; но, имѣя причину полагать, что рана моя была отравлена ядомъ, предвидѣлъ медленное выздоровленіе.

«Послѣ того отправились мы въ деревню, въ которой старшиною былъ родной братъ моего убійцы. Тутъ г. Стюартъ имѣлъ предосторожность спрятать меня опять. Жители призваны были одинъ за другимъ; имъ роздали табаку. Но всѣ розысканія опять остались тщетны. Наконецъ меня показали, и сказано было старшинѣ, что мой убійца былъ родной его братъ. Онъ потупилъ голову, и отказался отвѣчать на вопросы бѣлыхъ людей. Но мы узнали отъ другихъ Индійцевъ, что жена моя съ дочерьми

останавливалась въ этой деревнѣ на пути своемъ къ Дождевому Озеру.

« Мы тотчасъ туда отправились, и нашли ихъ задержанныхъ въ конторѣ. Подозрѣніе тамошнихъ купцевъ было возбуждено ихъ безпокойствомъ и ужасомъ, также и моимъ отсутствіемъ. Коль скоро меня завидѣли, старуха убѣжала въ лѣсъ; но купцы послали за нею погоню; ее поймали и привели.

« Гг. Стюартъ и Грантъ предоставили мнѣ самому произнести приговоръ надъ женою, явно виновной въ покушеніи на мою жизнь. Они объявили ея преступленіе, равнымъ злодѣйству Омъ-чугвутъ-она и достойнымъ смерти или всякой другой казни. Но я потребовалъ, чтобъ ее только прогнали изъ конторы безъ запасовъ, и запретили бъ туда являться. Она была мать моихъ дѣтей: я не хотѣлъ, чтобъ она была повѣшена или забита до смерти (какъ предлагали мнѣ купцы); но видъ ея становился мнѣ несносенъ: по просьбѣ моей, ее прогнали безъ наказанія.

« Дочери сказали, что въ ту минуту, какъ упалъ я безъ чувствъ на камень, онѣ, почитая меня мертвымъ и повинуясь приказанію матери, пустились въ обратный путь, и предались бѣгству. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ островка, гдѣ я лежалъ, старуха причалила къ кустарнику, спрятала тамъ мое платье, и послѣ долгаго перехода скрылась въ лѣсу; но потомъ, размысливъ, что лучше бы сдѣлала, еслибъ присвоила себѣ мою собственность, воро-

тилась. Тогда - то услышалъ я крики дочерей сопровождавшихъ старуху, которая подбирала мое платье на берегу....»

Нынѣ Джонъ Теннеръ живетъ между образованными своими соотечественниками. Онъ въ тяжбѣ съ своею мачихою о нѣсколькихъ Неграхъ, оставленныхъ ему по наслѣдству. Онъ очень выгодно продалъ свои любопытныя «Записки»; и на дняхъ будетъ вѣроятно членомъ *Общества Воздержности* *. Словомъ, есть надежда, что Теннеръ современемъ сдѣлается настоящимъ *yankee* **, съ чѣмъ и поздравляемъ его отъ искренняго сердца.

The Reviewer.

---

* Общество, коего цѣль -- истребленіе пьянства. Члены обязываются не употреблять и не покупать никакихъ крѣпкихъ напитковъ.

Изд.

* Прозвище, данное Американцамъ; смыслъ его намъ неизвѣстенъ.

Изд.

3 ІЮЛЯ 1836 ГОДА.

Оперишись на грудь пучины,
Дѣти сѣверной земли,
Вкругъ полунощной твердыни,
Ждутъ чего-то корабли...

Знать на пиръ они кровавый
Вереницей принеслись...
Иль имъ мало прежней славы?
Иль на Шведа поднялись?..

Нѣтъ! ужь Шведу не до брани!
Подъ Полтавой Шведъ усталъ.
Да и кто жъ чрезъ наши грани
Безнаказанно шагалъ?

Что намъ диво ль пиръ кровавый? —
Бельтъ издревле намъ знакомъ!
Тамъ такъ грозно нашей славы
Прокатился первый громъ! —

Нѣтъ! то мирными рядами
Внуки къ *дѣду* собрались,
И обнявшись парусами,
Дѣда здравствовать стеклись.

Вотъ и онъ, въ волнахъ родимыхъ
Колыхаяся, пришёлъ,
И семью непобѣдимыхъ
Дѣдъ привѣтно обошёлъ.

«Здравствуй, *дѣдъ!* Твои родные
На поклонъ къ тебѣ пришли;
Не подарки дорогіе —
Славу *дѣду* принесли.

«Много насъ въ моряхъ полсвѣта;
Внуковъ ты не перечтёшь;
Ни преграды, ни завѣта
Ты отважнымъ не найдёшь!

«Ужь не разъ мы пиръ кровавый
Задавали на моряхъ..
Скольких, скольких Русской славой
Угостили на волнахъ!

«Веселись же!.. Нашъ Великій
Знать не даромъ насъ любилъ;
Знать не даромъ Онъ при кликахъ
За здоровье *внуковъ* пилъ!..

«Онъ нашъ вождь, Онъ нашъ учитель,
Славы Русской Онъ отецъ,
Царства Русскаго строитель,
Флота Русскаго творецъ!..»

Величаво громъ твердыни
Вторилъ флоту; — шумный валъ
Разстилался по пучинѣ —
И подъ ношею стоналъ...

Семенъ Строжиловъ.

Москва.

ПРОГУЛКА ПО МОСКВѢ.

Вы хотите, чтобъ я сообщилъ вамъ извѣстія о *современномъ* состояніи Москвы. Задача трудная, особенно мнѣ, человѣку неученому, не литтератору. Гдѣ отвѣчать мнѣ требованіямъ вашихъ критиковъ съ ихъ строгой логикой и грамматикой! — Къ тому же я лѣнивъ: терпѣть не могу справляться, а больше всего переправлять, конецъ переставлять въ начало, начало въ середину. Что написалъ, то написалъ — мой обычай. Вотъ если съ нимъ вы пустите меня въ вашъ монастырь, такъ пожалуй.

И съ чего же, думаете вы, я начну? Съ нынѣшней моей прогулки, припоминая кстати и прежнія.

Барскіе, старинные барскіе дома въ Москвѣ переводятся, и много-много по одному, по два, стоитъ ихъ теперь сиротами на большихъ улицахъ. — Для меня старика это даже поразительно. Что за перемѣна въ гражданскомъ обществѣ совершается предъ моими глазами тихо, непримѣтно? Перечту вамъ, го-

воря по варварски, факты: домъ *Апраксина* на Знаменкѣ, гдѣ бывало такъ шумно, весело, роскошно: это уже Александринскій Сиротскій Институтъ, который пріобрѣлъ и сосѣдніе дома. Домъ *Нарышкина,* на валу, достался Удѣльной Конторѣ и Училищу. Въ домѣ *Ермоловой* Гимназія. Другой домъ *Ермоловой,* на Пречистенкѣ, занятъ пожарнымъ депо. Домъ *Пашкова,* на Никитской, соединенъ съ Университетомъ. Земледѣльческая Школа купила какой-то большой домъ на валу за Смоленскимъ Рынкомъ. Домъ *князя Голицына,* въ Басманной, такъ называемый несгараемый, принадлежитъ Сиротскому Преображенскому Училищу. Тамъ же домъ *графа Пушкина* купленъ подъ Гимназію, а великолѣпный *Куракинскій* домъ достался Межевому Училищу. *Лефортовскіе дворцы* и *дома,* увеличенные и распространенные, пріобрѣтены Кадетскими Корпусами, и Ремесленнымъ Училищемъ. Въ домѣ *князя Щербатова,* на Покровкѣ, Богодѣльня Человѣколюбиваго Общества. Въ домѣ *Дурасовыхъ,* на Чистыхъ Прудахъ, Комиссія для Строеній. Въ домѣ *князя Гагарина,* на Петровскомъ Бульварѣ, Екатерининская Больница. Въ домѣ, бывшемъ *князя Урусова,* Училище профессора Павлова. Въ домѣ *Полтарацкихъ,* у Калужскихъ Воротъ, Градская Больница. Въ домѣ *князя Щербатова,* въ Каретномъ Ряду, помѣщенъ Военно-рабочій Баталіонъ. Домъ *графа Остермана* покупается, кажется, духовнымъ училищемъ. Англійскій клубъ завладѣлъ надолго домомъ *графа Разумовскаго,* на Тверской. Домъ *графа Толстаго,* на Дмитровкѣ, достался Театральной Школѣ.. На дачѣ *графа Закревскаго* Школа Са-

доводства. Домъ *Демидова*, на Гороховомъ Полѣ, есть уже Домъ Трудолюбія. Домъ *графа Разумовскаго* также находится въ вѣдомствѣ Воспитательнаго Дома.—Другіе достались отъ именъ знаменитыхъ людямъ средняго состоянія; на прим. огромный домъ *Демидова* въ Басманной, *князя Долгорукаго* на Никитской, *князя Безбородко* за Яузой, *Демидова* на Тверской, *Собакина* на Покровкѣ; дома *князя Трубецкаго* на Покровкѣ, *Высоцкаго* и *Нарышкина* въ Басманной, *князя Прозоровскаго* на Тверской— ожидаютъ себѣ покупателей. Нѣкоторые заняты по найму; на прим. въ домѣ *графа Салтыкова*, на Дмитровкѣ, пансіонъ г. Кистера. Въ домѣ *графа Воронцова*, на Никитской, пансіонъ г-жи Данквартъ. Домъ *Кологривовыхъ*, на бульварѣ, занятъ обер-полицій-мейстеромъ. Домъ *графа Маркова*, на Никитской, Коммерческимъ Судомъ, *графа Шереметева*, на Вздвиженкѣ — Адресъ-Конторою. Иные стоятъ опустѣлые; на прим. нѣсколько огромныхъ домовъ на Разгуляѣ, домъ *Всеволожскаго, князя Долгорукаго*, на Пречистенкѣ, *Бекетова* на Тверской, *Пашкова* на Знаменкѣ, *Юшкова* на Мясницкой, *Глѣбовой* на Дмитровкѣ.

Вотъ какое же заключеніе вывести изъ всѣхъ этихъ фактовъ? Хозяева всѣхъ этихъ домовъ или оставили Москву, или обѣдняли, или вымерли, или наконецъ поняли, что для одного семейства, какъ бы оно велико ни было, Куракинскій домъ въ Старой Басманной, или Голицынской въ Новой, слишкомъ великъ, то есть неудобенъ. Дома эти достались обществу, и

гдѣ обитала праздность, тамъ теперь поселился трудъ. — Перемѣна утѣшительная!

Число домовъ дворянскихъ и купеческихъ средней величины размножается, и надо признаться, что многіе отстроены со вкусомъ, доведены даже до изящества; на прим. домъ *Похвиснева* на Дмитровкѣ, *князя Голицына* тамъ же, *Волынскаго* на Кузнецкомъ Мосту.

Теперь другое наглядное замѣчаніе: наши вывѣски сдѣлались нарядпѣе, замысловатѣе, красивѣе. — Но безграмотность въ нихъ прежняя: Италіянецъ Джіоя утверждаетъ, что публичныя надписи принадлежатъ къ числу статистическихъ признаковъ грамотности и неграмотности народа; на прим. на театрѣ надпись: *Сооруженъ въ 1824 году.* Но глаголъ сооружать принадлежитъ у насъ церкви, и притомъ причастіе въ мужескомъ родѣ безъ имени употреблено быть не можетъ: какъ догадаться съ перваго взгляда, кто такое сооруженъ, домъ, храмъ, дворецъ, театръ? Безъ имени существительнаго должно ставить средній родъ, то есть: сооружено, основано въ такомъ-то году.

На Ремесленномъ Училищѣ золотая надпись состоитъ, кажется, изъ восьми родительныхъ падежей, которые зависятъ одинъ отъ другаго!!

Богодѣльни вездѣ надписаны *Богадѣльнями.* *

---

* Слово это весьма неправильно составлено изъ двухъ словъ, *бога дѣля* (для), и потому должно писать *богадѣльня.*

Изд.

Въ вывѣскахъ, кажется, всѣ возможныя ошибки сдѣланы и все еще придумываются. Но вотъ что замѣчательно: ужъ пусть бы ошибались въ мѣстахъ сомнительныхъ, неопредѣленныхъ: — нѣтъ, ошибаются тамъ, гдѣ ошибиться, кажется, не льзя; никто не мудрствуетъ такъ лукаво, какъ вывѣсочные грамотѣи. По темному понятію, неясному слуху, они знаютъ, что гдѣ-то ставится *ѣ*, и гдѣ-то *е*, въ одномъ мѣстѣ вставляется *ъ*, а въ другомъ не вставляется; одна рѣчь отдѣляется запятою, а другая точкою. Посмотрите же, какое употребленіе они дѣлаютъ изъ этихъ своихъ свѣдѣній. Посмотрите, гдѣ они ставятъ точки, запятыя, *ѣ, е* и *ъ*? *въхотъ. втрахътіръ.* Скажите, не лучше ли было бы, чтобъ они не знали ничего о *ѣ* и *е*, о *ъ* и *ь*? Таковъ человѣкъ вездѣ: онъ видитъ зло, ему хочется искренно излечить его; онъ благонамѣренно ищетъ средствъ помочь своему и чужому горю, но вѣрно выберетъ сначала еще бо̀льшее зло въ лекарство, переберетъ потомъ всѣ возможныя, — этого мало, самъ выдумаетъ новыя, и наконецъ уже черезъ нѣсколько сотъ лѣтъ попадетъ, если попадетъ, на вѣрное лекарство—тогда уже, какъ болѣзнь безъ того и сама прошла.

Но, почтенные авторы, я обращусь теперь и къ вамъ. Часто вы ставите неправильныя заглавія на вашихъ сочиненіяхъ, и очень часто переводите неправильно иностранныя, особенно Нѣмецкія, ни сколько не сообразуясь съ духомъ Русскаго языка.

А каковы надписи на кладбищахъ! Въ тысячѣ едва ли найдется одна правильная. Богатые и бѣд-

ные, дворяне и разночинцы—всѣ равно надѣлены ошибками грамматическими, логическими и всяческими. Вѣроятно ли, скажу здѣсь кстати, что ни на одномъ нашемъ кладбищѣ, монастырскомъ и церковномъ, погостъ не уровненъ: кочка на кочкѣ, бугоръ на бугрѣ, яма на ямѣ!

Объявленій у меня есть прелюбопытная коллекція, которую когда нибудь сообщу въ распоряженіе «Современника». Ей Богу, больно читать.

Вывѣски однакожь иногда утѣшаютъ меня; на прим. по вывѣскамъ, я вижу, что повивальныя бабки въ Москвѣ теперь почти всѣ Русскія, и опека такъ называемыхъ Голландокъ кончилась.

. . . .

Но я ужь усталъ; вѣрно устали и читатели. И такъ до втораго письма.

Пѣшеходъ.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВНѢШНЯЯ ТОРГОВЛЯ 1835 ГОДА.

ВЪ РАЗНЫХЪ ЕЯ ВИДАХЪ.

Подъ симъ заглавіемъ ежегодно издается отъ Департамента Внѣшней Торговли собраніе таблицъ, изображающихъ движеніе внѣшней торговли Россіи въ отпускѣ и привозѣ товаровъ вообще по всѣмъ таможнямъ и заставамъ, и отдѣльно: по Морямъ Бѣлому, Балтійскому, Черному съ Азовскимъ и по Каспійскому, по сухопутной западной Европейской границѣ, по Закавказскому краю, по Азіятской сухопутной границѣ отъ Каспійскаго Моря до кр. Бухтармы и наконецъ по мѣновому торгу съ Китайцами въ Кяхтѣ; особыя таблицы содержатъ показаніе важнѣйшихъ товаровъ, чрезъ какія главныя таможни и по торговлѣ съ какими иностранными землями они отпущены или привезены; торговля съ Царствомъ Польскимъ и Финляндіею представлена отдѣльно; для транзитной торговли составлена также особая табель. Движеніе купеческаго мореходства

изображено въ семи табеляхъ: о пришедшихъ и отшедшихъ корабляхъ, съ показаніемъ мѣстъ и портовъ, откуда корабли прибыли и куда отошли, равно и подъ какими флагами; о судоходствѣ при Кронштадскомъ и Рижскомъ Портахъ отдѣльно; о прибрежномъ судоходствѣ; о времени, когда началась и когда кончилась навигація въ Россійскихъ портахъ. Состояніе денежнаго и вексельнаго курса и цѣнъ на главные Россійскіе и иностранные товары въ С. Петербургѣ, Ригѣ, Одессѣ и др., и на Россійскіе товары за границею—представлено въ четырехъ таблицахъ. Алфавитный списокъ купцевъ показываетъ имена тѣхъ, которые производили главный торгъ и вслѣдъ за онымъ помѣщенъ видъ торговаго оборота, произведеннаго Россійскимъ и иностраннымъ купечествомъ по Европейской торговлѣ. Въ заключеніе укажемъ еще на таблицы о привозѣ и вывозѣ золота и серебра въ монетѣ и слиткахъ, о конфискованныхъ товарахъ и наконецъ о числѣ проѣхавшихъ чрезъ границу Русскихъ и иностранцевъ.

Исчисливъ сей длинный рядъ таблицъ, мы думаемъ, что самымъ заглавіемъ ихъ уже достаточно намекнули любознательному читателю о важности и разнообразіи предметовъ, заключающихся въ этомъ богатомъ хранилищѣ цифръ, которыя столь отчетливо изображаютъ одинъ годъ Россійской внѣшней торговли въ различныхъ видоизмѣненіяхъ ея. А если еще сравнить сей торговый годъ съ предшественниками его,—ибо уже болѣе десяти лѣтъ подобныя таблицы раскрываютъ движеніе внѣшней торговли

Россiи,—то сколько важныхъ, полезныхъ, занимательныхъ выводовъ представится свѣдущему наблюдателю, когда онъ имѣетъ довольно прозорливости опыта и знанiй, чтобы уразумѣть эти цифры и провидѣть въ нихъ изображенiе народнаго богатства с его способами и потребностями!

Ограничиваясь здѣсь разсмотрѣнiемъ «Видовъ Торговли 1835 года», мы постараемся представить читателямъ краткiй отчетъ о главныхъ таблицахъ предупреждая, что цѣль наша состоитъ единственно въ томъ, чтобы ознакомить публику съ любопытными лѣтописями внѣшней торговли Россiи коихъ изданiемъ мы обязаны попечительному правительству.

Первая таблица, подъ заглавiемъ: «Генеральный балансъ Россiйской Внѣшней торговли» показываетъ общiя суммы отпуска и привоза:

Отпускъ.	Чрезъ Европейскiя таможни.	Чрезъ Азiятскiя таможни.	И того.
	Рубли на ассигнацiи.		
Товаровъ, къ жизненнымъ припасамъ принадлежащихъ	16.981,777	1.297,873	18.279,650
» къ рукодѣлiямъ и фабрикамъ служащихъ	155.564,932	4.801,272	160.366,204
» обработанныхъ въ разныхъ издѣлiяхъ . .	15.180,007	9.178,152	24.358,159
» разныхъ	7.712635	3.316,389	11.032,024
Золота и серебра въ монетѣ и слиткахъ . .	10.637,814	2.500,500	13.138,314
По прейсъ-курантамъ всего	206.077,658	21.097,186	227.174,351

Привозъ.	Чрезъ Европейскія таможни.	Чрезъ Азіятскія таможни.	ИТОГО.
	Рубли на ассигнаціи.		
Товаровъ, къ жизненнымъ припасамъ принадлежащихъ	50.706,848	7.901,018	58.607.866
» къ рукодѣліямъ и фабрикамъ служащихъ	108.710,613	3.642,945	112.555,558
» обработанныхъ въ разныхъ издѣліяхъ . .	29.290,728	7.046,967	36.337,695
» разныхъ	7.028,354	4.906,774	11.935,128
Золота и серебра въ монетѣ и слиткахъ .	20.844,907	458,206	21.303,113
Конфискованныхъ товаровъ и монеты . .	430,208	26,770	456,978
По прейсъ-курантамъ всего	217.011,658	23.982,680	250.994,338

Изъ сего видно, что въ отпускной торговлѣ 1835 г. товары, къ рукодѣліямъ и фабрикамъ служащіе, составляли двѣ трети суммы всего отпуска, обработанные товары, около десятой части, а жизненные припасы, по малому вывозу хлѣба, тринадцатую часть. Почти весь отпускъ товаровъ перваго разряда происходитъ чрезъ Европейскія таможни, ибо по Азіятской торговлѣ вывезено ихъ только на $\frac{1}{3\frac{1}{2}}$ часть; жизненныхъ припасовъ и обработанныхъ товаровъ отпущено чрезъ эти таможни почти на равную сумму. Напротивъ того главный отпускъ чрезъ Азіятскія таможни состоялъ въ обработанныхъ товарахъ. Такимъ образомъ Россія, въ отношеніи Запада есть государство земледѣльческой и скотоводственной промышлености, а въ отношеніи Востока — она является государствомъ мануфактурнымъ; но Азіятская торговля ея составляетъ только одиннадцатую часть

суммы всего отпуска, и для дальнѣйшаго своего развитія требуетъ еще большихъ успѣховъ въ мануфактурной промышлености, которая имѣетъ Азіятскіе рынки подъ рукою и не встрѣчаетъ преградъ къ сбыту тамъ своихъ издѣлій ни въ тарифахъ, ни въ опасномъ соперничествѣ западныхъ Европейцевъ.

Въ привозной торговлѣ 1835 г. товары, къ рукодѣліямъ и фабрикамъ служащіе, занимали около половины; жизненные припасы четвертую часть; обработанные товары около пятой части всего привоза. Почти всѣ товары перваго разряда доставлялись чрезъ Европейскія таможни; по Азіятской торговлѣ привезено ихъ только на $\frac{1}{37}$ часть; привозъ жизненныхъ припасовъ чрезъ эти таможни былъ болѣе, чѣмъ обработанныхъ товаровъ. Азіятская торговля составляла почти десятую часть во всемъ привозѣ; на третью долю было жизненныхъ припасовъ (главная статья—чай) и почти на столько же обработанныхъ товаровъ, которые, состоя главнѣйше изъ бумажныхъ товаровъ, частію шелковыхъ и шерстяныхъ издѣлій, потребляются почти исключительно въ пограничныхъ мѣстахъ Азіятскими жителями. — Россія, въ отношеніи привозной торговли, представляетъ государство, въ которомъ мануфактурная промышленость уже распространилась, такъ что, сверхъ обширнаго внутренняго потребленія, можетъ отпускать свои издѣлія за границу; но не въ состояніи еще снабжать многими произведеніями, которыя требуютъ бо́льшаго искусства, бо́льшихъ капиталовъ, бо́льшаго упражненія для совершен-

нѣйшей выдѣлки. Успѣхи внутренней мануфактурной промышлености конечно сократятъ со временемъ привозъ обработанныхъ товаровъ изъ Азіи, которые сбываются по своей прочности, дешевизнѣ и привычкѣ къ нимъ потребителей. Впрочемъ, если Россія достигнетъ наконецъ даже до того, что будетъ обходиться безъ большей части получаемыхъ нынѣ иностранныхъ издѣлій, то не льзя отъ сего ожидать упадка привозной торговли ея: ибо останутся еще многіе предметы, которые она или вовсе не можетъ, или по крайней мѣрѣ никогда не будетъ производить въ достаточномъ количествѣ; а для пріобрѣтенія ихъ она имѣетъ довольно способовъ въ отпускѣ сырыхъ продуктовъ своего обширнаго земледѣлія и скотоводства.

Въ 1835 году по Европейской торговлѣ главный отпускъ происходилъ чрезъ таможни: С. Петербургскую (на 96 мил.), Рижскую (на 30 мил.), Одесскую (на 22 мил.), Архангельскую (на 19 мил.), Таганрогскую (на 9 мил.), Радзивиловскую (на 5 мил.), Юрбургскую (на 4 мил.), Новоселицкую (почти на 3 мил.), Перновскую (на 2 мил.), Либавскую на $1\frac{1}{2}$ мил.), и наконецъ чрезъ Евпаторійскую (на 1,300 тысячъ); по Азіятской торговлѣ чрезъ Кяхтинскую таможню (на 7 мил.), Астраханскую (на 2,250 тысячъ), Петропавловскую (на 2 мил.), и наконецъ чрезъ Оренбургскую (почти на $1\frac{1}{2}$ мил.) — Таможни чрезъ которыя былъ главный привозъ товаровъ—по Европейской торговлѣ: С. Петербургская (почти на 140 мил.), Одесская (на 14 мил.), Рижская (на 11 мил.),

Радзивиловская (на 7 мил.), Московская (на 5 мил.), Таганрогская (слишкомъ на 4 мил.), Полангенская (почти на $3\frac{1}{2}$ мил.), Ревельская (почти на $1\frac{1}{2}$ мил.), и наконецъ Архангельская (на 1 мил.);—по Азіятской торговлѣ: Кяхтинская таможня (на 7 мил.), Петропавловская (на 2,700 тыс.), Оренбургская (почти на 2 мил.), Нахичеванская (на 1,800 тыс.), Троицкая (почти на $1\frac{1}{2}$ мил.), и наконецъ Бакинская (слишкомъ на 1 мил.). — Вотъ главные пункты чрезъ которые направлялась отпускная и привозная торговля въ 1835 году.

Третья таблица представляетъ общій видъ отвозной торговли, а четвертая «Общій видъ привозной торговли.» — Разсмотримъ сіи таблицы подробнѣе.

Онѣ раздѣлены на два отдѣла: въ одномъ Европейская торговля, а въ другомъ Азіятская.

1. *По Бѣлому Морю.* Здѣсь главный портъ есть *Архангельскъ:* ибо *Онега* служитъ только для отпуска лѣснаго товара, а торговыя сношенія *Колы, Кеми* и *Сумскаго Посада* ограничиваются Норвегіею, на основаніи преимуществъ, данныхъ жителямъ этихъ мѣстъ.

Главныя статьи отпуска изъ Архангельска были:

Ленъ . .	194,832 пуд. на	2,532,816 руб.
Пакля льняная . .	143,659	1,018,600
Пенька	17,443	127,348
Лѣсной товаръ		868,945
Желѣзо	42,454 пуд. на	140,098
Сало	36,098	360,980

Сѣмя льняное	119,063	четв.	на	3,214,701 руб.
Щетина . .	2,821	пуд.		985,750
Овесъ . .	21,195	четв.		137,767
Смола . .	76,257	боч.		464,388
Рогожи .	1,504,290	шт.		564,316

Сіи товары доставляются для заграничнаго отпу-ка главнѣйше изъ губерній: Архангельской, Воло-одской и Вятской, а малою частію изъ другихъ осѣдственныхъ къ нимъ.

Главныя статьи привоза были:

1835.

Вина виноградныя		на	67,812 руб.
Рыбы			305,757
Сахарный песокъ .	37,165	пуд. .	556,674

Сіи предметы потребляются наиболѣе въ трехъ значенныхъ губерніяхъ, а сахарный песокъ пере-ривается на Архангельскихъ заводахъ, которые набжают сахаромъ преимущественно сѣверный рай.

2. *По Балтійскому Морю.* Важнѣйшіе порты: . *Петербургъ, Рига, Перновъ, Либава* и *Ревель.*

Выписываемъ здѣсь главныя статьи отпуска и ривоза по всѣмъ Балтійскимъ портамъ вообще *.

Отпущено: 1835.

Сала . . .	2,658,217	пуд.	на	30,578,619 руб.
Льна . . .	1,186,525	. . .		15,424,825
Пакли льняной	181,213	. . .		1,326,716

* Товары на сумму менѣе милліона рублей здѣсь не показаны.

Пеньки	2,892,626 пуд.	на	17,787,248 ру
Лѣснаго товара			5,846,661
Поташа	349,872 пуд.	.	2,624,341
Сѣмени льнянаго .	448,925 чет.	.	13,889,712
Сѣмени конoплянаго	70,376	. .	1,448,361
Масла конопляного	102,565 пуд.	.	1,244,533
Мѣди	180,492	. .	5,957,138
Желѣза	905,937	. .	3,877,706
Щетины	46,076	. .	4,200,617
Рыбьяго клея . .	5,852	. .	1,684,268
Кожъ сырыхъ . .	195,425	. .	4,065,452
Шерсти овечьей .	45,764	. .	2,089,750
Веревокъ и канатовъ	175,072	. .	1,418,879
Полотна парусного .	72,136 кус.		3,304,039
фламскаго .	67,607	. .	2,165,468
ревендуку .	85,774	. .	1,890,331
Льняныхъ и пеньковыхъ издѣлій разныхъ		на	3,314,111
Всего		на	133,014,519

Привезено:

Хлѣба зерноваго и муки. . . .		на	4,899,371 руб
Винъ виноградныхъ			9,795,700
Водокъ и рома			1,017,984
Кофе	85,270 пуд.	.	2,466,824
Сахарнаго песку	1,323,183		29,161,190
Фруктовъ			3,051,103
Рыбы			3,337,358
Соли . . . ,	3,148,349 пуд.	.	4,543,845
Табаку	76,675		4,571,538
Аптекарскихъ матеріаловъ . . .			1,876,021

Бумаги хлопч. сырца	159,857 пуд. на	5,705,677 руб.
пряден. бѣлой и крашеной	486,713	33,074,409
Шелка пряденаго. .	2,818	3,130,501
Шерсти пряденой .	5,534	1,501,190
Индиго	27,127	6,503,070
Кошенили	3,153	1,006,640
Крапа	108,597	2,711,580
Красильнаго дерева .	415,250	2,329,476
Красокъ разныхъ		1,427,339
Масла деревяннаго . .	143,650	3,154,560
Москотильныхъ товаровъ. . .		1,429,624
Свинца	159,519	1,114,479
Бумажныхъ издѣлій.		4,486,693
Шелковыхъ.		5,446,352
Шерстяныхъ		5,365,404
Камня драгоцѣннаго		1,294,025
	Всего на	154,509,363

Отпускъ и привозъ чрезъ Балтійскіе порты составляли $\frac{3}{4}$ всей Европейской торговли Россіи. С. Петербургъ и Рига поглощаютъ почти всю Балтійскую торговлю; однако должно замѣтить, что въ С. Петербургѣ отпускъ былъ слишкомъ втрое болѣе, а привозъ почти въ четырнадцать разъ болѣе, чѣмъ въ Ригѣ. Изъ числа вышеупомянутыхъ отпускныхъ статей только ленъ и лѣсной товаръ вывезены были изъ С. Петербурга въ меньшемъ количествѣ противъ Рижскаго порта; а изъ иностранныхъ товаровъ, одной соли было привезено въ Ригу болѣе, чѣмъ въ С. Петербургъ.

*

С. Петербургъ, по своимъ обширнымъ водянымъ сообщеніямъ, пользуется величайшими удобствами для торговли съ отдаленнѣйшими краями Россіи. Эта сѣть торговыхъ путей покрываетъ во всѣхъ направленіяхъ огромное пространство земель, лежащихъ по теченію Волги и множества рѣкъ, впадающихъ въ нее или соединяющихся съ нею посредствомъ другихъ рѣкъ и искусственныхъ каналовъ, на всемъ протяженіи отъ Финскаго Залива до Уральскаго Хребта и отъ начала Алаунской Возвышенности до Каспійскаго Моря; однимъ словомъ, половина Россіи снабжаетъ С. Петербургскій портъ своими произведеніями для отпуска за море и получаетъ чрезъ него иностранные товары, такъ что этотъ портъ заключаетъ въ себѣ почти двѣ трети всей внѣшней торговли Россіи. — Рига, пользуясь также водянымъ сообщеніемъ со внутренними губерніями, по разнымъ рѣкамъ западнаго края, не можетъ имѣть столь обширнаго круга торговой дѣятельности: ибо восемь портовъ, лежащихъ на пространствѣ отъ С. Петербурга до Полангена и сосѣдство сухопутной границы отвлекаютъ многія статьи торговли отъ Риги. Напротивъ того, С. Петербургъ, кромѣ особенныхъ выгодъ своего положенія, какъ главнаго столичнаго города, кромѣ превосходства своихъ внутреннихъ сообщеній по рѣкамъ и каналамъ почти со всею Среднею и Восточною Россіею, а по шоссе съ Москвою, древнею столицею Государей и притомъ центромъ мануфактурной промышлености, — кромѣ всѣхъ этихъ способовъ къ удержанію торговаго перевѣса, сей портъ

не имѣетъ соперниковъ, которые, по своему мѣстоположенію, могли бы привлекать къ себѣ какую либо изъ обширныхъ вѣтвей его торговли.

3. *По сухопутной западной Европейской границѣ.* Главные пункты сухопутной торговли суть: на границѣ съ Пруссіею *Полангенъ* (для привоза) и *Юрбургъ* (для отпуска); на границѣ съ Австріею *Радзивиловъ* (для отпуска и привоза) и *Новоселицы* (для отпуска); на границѣ съ Молдавіею *Скуляны* (для отпуска).

Главныя статьи отпуска и привоза въ 1835 г.

Отпущено:

Хлѣба		на	598,582	руб.
Льна	89,478 пуд.	на	538,460	
Пеньки	72,690	. .	508,568	
Лѣснаго товара		на	2,136,395	
Сѣмяни льнянаго	26,562 чет.	на	849,853	
Юфти	28,386 пуд	.	992,132	
Воска	22,513	. .	990,560	
Шерсти овечьей	37,617	. .	844,150	
Рогатаго скота	48,303 шт.	на	2,674,537	
Лошадей	3,517	. .	413,281	
Мягкой рухляди		на	1,009.510	
	Всего	на	16,095,052	

Привезено:

Хлѣба		на	586,677
Винъ виноградныхъ		.	1,678,582
Рыбы		.	463,198
Соли	301,703 пуд.	на	306,781

Бумаги пряденой бѣлой и крашеной . . .	41,299 на	2,806;114 руб.
Шелка пряденаго . .	2,396 .	2,307,551
Бумажныхъ издѣлій . . .	на	553,109
Шелковыхъ		2,993,114
Шерстяныхъ		166,086
Блондъ, кружевъ и тюля		481,696
Косъ и серповъ		2,098,962
Камня драгоцѣннаго		1,961,012
Коралловъ и коральковъ		411,805
Жемчуга		499,750
Всего на		20,134,821

Изъ главныхъ отпускныхъ товаровъ почти всѣ доставляются западными губерніями, ближайшими къ границѣ, и Малороссіею, кромѣ юфти и мягкой рухляди, ибо первая привозится изъ Москвы, а большая часть послѣдней покупается на Нижегородской ярманкѣ. — Иностранные товары, кромѣ потребленія въ пограничныхъ губерніяхъ, сбываются въ С. Петербургѣ и Москвѣ (какъ на пр. мануфактурныя издѣлія, привозимыя чрезъ Полангенъ, шелкъ идетъ на Московскія фабрики), косы и серпы, получаемые чрезъ Радзивиловъ, расходятся во многихъ внутреннихъ и самыхъ отдаленныхъ губерніяхъ, а коралы и коральки частію отпускаются въ Азію.

4. *По Черному и Азовскому Морямъ.* Здѣсь *Одесса* и *Таганрогъ* занимаютъ первое мѣсто между всѣми портами, прилежащими къ этимъ морямъ; въ

Эдессѣ отпускъ былъ слишкомъ вдвое, а привозъ слишкомъ втрое болѣе, чѣмъ въ Таганрогѣ.

Главныя статьи отпуска и привоза по всѣмъ Черноморскимъ и Азовскимъ портамъ въ 1835 г. были:

Отпущено:

Пшеницы . . .	680,984	четв. на	11,576,738 руб.
Соли	55,544	пуд. .	1,022.850
Масла коровьяго.	40,917	. . .	700926
Пеньки	632,782	. . .	6,327,860
Сѣмени льнянаго	23,41	. . .	697,163
Поташа	31,762	. . .	221,176
Лѣснаго товара		на	208,348
Мѣди	8,699	. . .	278,892
Желѣза	338.567	. . .	1,563,162
Кожъ выдѣланныхъ		на	928,347
— сырыхъ. .	133,325	пуд. на	1,680,786
Шерсти овечьей .	246,274	. .	6,384,800
Веревокъ и канатовъ	53,163	. .	235,148
Льняныхъ и пеньковыхъ издѣлій		на	817,802
Металлическихъ издѣлій			248,491
Рогатаго скота			349,726
		Всего. на	35,875,213

Привезено:

Хлѣба		на	205,418
Винъ винограныхъ			2,689,802
Сахара раффинада .	35,511	пуд. на	857,932
Кофе	10,841	. .	325,230
Чаю	1,219	. .	314,121

Фруктовъ		на	3,315,405 ру
Табака	12,256		299,871
Бумаги хлопчатой сырца	48,083		1,298,254
Шелка сырца	2,942		1,695,006
Масла деревяннаго	93,927		1,972,446
Бумажныхъ издѣлій		на	1,304,908
Шелковыхъ			564,908
Шерстяныхъ			963,094
		Всего на	19,953,957

Торговля по Черному и Азовскому Морю заим ствуетъ отпускные товары главнѣйше изъ губер ній Южной Россіи, столь богатой продуктами земл дѣлія и скотоводства, которые сбываются преиму щественно чрезъ Одессу; но желѣзо, юфть, канат и полотна вывозятся въ наибольшемъ количеств изъ Таганрога, куда они доставляются по Волг Дону и впадающимъ въ нихъ рѣкамъ; впрочемъ к ботажное судоходство снабжаетъ Одессу многим товарами Средней и Восточной Россіи, и отпуск ихъ производится изъ этого порта, потому что пла ваніе сюда ближе и безопаснѣе, и представляется бо лѣе удобствъ къ сбыту иностранныхъ товаровъ, пр существующемъ въ Одессѣ порто-франко. Привоз въ Таганрогъ заключается главнѣйше въ маслѣ де ревянномъ, винахъ и фруктахъ; въ этихъ статьяхъ торговля его не уступаетъ Одесской, и сей порт снабжаетъ ими южную часть Средней и Восточной Россіи; но во всѣхъ прочихъ предметахъ привоза Одесса имѣетъ рѣшительный перевѣсъ. Отсюда рас

ходятся иностранные товары прямо и чрезъ посредство Украинскихъ ярманокъ по всей Южной Россіи и въ мануфактурныя губерніи, куда главнѣйше сбываются бумага хлопчатая, шелкъ, краски и т. п.

Окончивъ здѣсь краткій обзоръ Европейской торговли въ четырехъ главныхъ отдѣлахъ ея, сравнимъ 1835 годъ съ нѣсколькими предъидушими годами, дабы видѣть, какую степень онъ долженъ занять во внѣшней торговлѣ Россіи.

1. *По Бѣлому Морю.*

	Отпущено:	Привезено:
Въ 1830 г.	на 12,845,063	на 1,719,579 руб.
1831	14,751,446	1,155,872
1832	10,381,717	521,024
1833	8,665,953	685,406
1834	8,542,489	659.555
1835	10,454,485	1,038,302

Изъ сего видно, что 1835 г. превосходитъ три предъидущіе года. Это произошло отъ усилившагося отпуска и привоза почти всѣхъ главныхъ товаровъ.

2. *По Балтійскому Морю.*

	Отпущено:	Привезено:
Въ 1830 г.	на 154,964,545	на 131,603,178 руб.
1831	165,023,130	125,800,994
1832	257,741,879	157,751,879
1833	158,803,032	127,723,184
1834	145,902,102	149,423,450
1835	133,014,591	154,509,363

Это сравненіе показываетъ, что 1835 годъ по привозу выше, а по отпуску ниже всѣхъ предъидущихъ годовъ. Хотя привозъ сахарнаго песку и кофе уменьшился, однакоже другихъ неменѣе важныхъ статей, какъ-то: бумаги хлопчатой сырца и пряденой, индиго, кошенили, крапа и др., привозъ весьма увеличился. Отпускная торговля также превзошла бы всѣ означенные годы, если бы сала не было вывезено одною третью менѣе, тогда какъ отпускъ другихъ главныхъ статей, какъ-то: пеньки, сѣмени, шерсти, кожъ невыдѣланныхъ, желѣза, лѣснаго товара, пеньковыхъ и льняныхъ издѣлій, значительно увеличился. — Нынѣшній годъ вѣроятно вознаградитъ уменьшившійся въ прошедшемъ году вывозъ сала: по 1 Августа 1835 г. было отпущено 409,717 пуд., а въ 1836 г. 1,227,455 пуд.

3. *По сухопутной Европейской западной границѣ.*

	Отпущено:	Привезено:
Въ 1830 г. на	15,746,947	на 15,510,196 руб.
1831	12,190,841	12,635,219
1832	19,700,549	21,645,442
1833	20,391,207	19,522,626
1834	16,853,159	19,395,578
1835	16,095,052	20,234,821

Со времени возстановленія спокойствія въ Царсвѣ Польскомъ и въ западныхъ отъ Польши присоединенныхъ губерніяхъ, сія торговля опять приняла свой обыкновенный ходъ и даже нѣсколько усилилась. Впрочемъ, отпускъ Россійскихъ товаровъ чрезъ эту границу не можетъ значительно возвы-

иться: ибо сіи товары, будучи по большей части яжеловѣсные и громоздкіе, имѣютъ гораздо удобѣйшій сбытъ изъ тѣхъ же мѣстъ къ портамъ Балійскимъ или Черноморскимъ, а вывозимые чрезъ ухопутную границу: ленъ, пенька, лѣсной товаръ т. п. наиболѣе отправляются по водяному сообценію въ Пруссію, для отпуска чрезъ Балтійскіе орты ея. Напротивъ того привозъ иностранныхъ тоаровъ, особенно мануфактурныхъ издѣлій, чрезъ сухоутную границу могъ бы гораздо болѣе увеличиться, слибы не стѣснялся тарифомъ; за то самая значиельная контробанда производится съ этой стороы, и таможенный надзоръ, по огромному протяжеію границы и по удобствамъ сношеній пограничыхъ жителей, представляетъ большія затрудненія: ь 1835 г. было конфисковано товаровъ на 456,978 уб., въ томъ числѣ по сухопутной Европейской раницѣ на 329,254 руб.

4. *По Черному и Азовскому Морямъ.*

	Отпущено:	Привезено:	
Въ 1830 г. на	50,812,617	на 13,925,087	руб.
1831	36,299,702	15,457,550	
1832	40,374,274	17,864,493	
1833	30,934,514	19,226,157	
1834	28,528,188	23,012,891	
1835	35,875,213	19,953,957	

Въ сей торговлѣ главнѣйшую статью отпуска оставляетъ пшеница; но требованіе оной за грани-у бываетъ непостоянно и вывозъ стѣсняется иностранными тарифами. Въ 1830 г. вывезено было

2 милліона четв., въ 1831 г. слишкомъ 1 мил, в
1832 г. 1,600 тыс., въ 1833 г. до 600 четв., а в
1834 г., по случаю неурожая, только 130 тыс.; в
въ 1835 г. торговля хлѣбомъ поправилась и выв
зено пшеницы 880 т. чет. Что касается до пр
чихъ отпускныхъ товаровъ, обращающихся въ се
торговлѣ, то замѣчательно почти ежегодное пр
ращеніе значительности ихъ; вывозъ многихъ ув
личивается весьма быстро:

	Отпущено.					
	1830.	1831.	1832.	1833.	1834.	1835.
Сала . . . . . . пуд.	248,473	300,619	303,667	427,063	810,435	632,786
Кожъ сырыхъ	31,806	48,529	53,141	159,501	359,260	143,525
Шерсти	36,302	87,475	109,192	162,129	192,037	246,274
Льна	27	172	147	18,407	8,794	7,359
Льняной пакли	43	—	—	442	9,027	4,906
Сѣмени льнянаго четв.	6,351	22,493	44,785	61,176	17,209	23,415
Пеньки . . . . . пуд.	200	522	6,434	19,290	20,720	59,062
Поташа	517	3,692	1,337	14,947	17,398	51,762
Лѣснаго товара на	57,125	396,048	21,301	33,324	64,115	208,348 р.

Сала и кожъ вывезено въ 1834 г. самое большое количество, потому что, при недостаткѣ кормовъ, было много побито скота; на слѣдующій годъ, вывозъ уменьшился отъ того, что при лучшемъ урожаѣ травъ начали болѣе сберегать скотъ. Недостаточный сборъ льна былъ причиною уменьшенія вывоза сего товара и сѣмени въ 1835 г. Впрочемъ эти статьи при лучшемъ урожаѣ безъ сомнѣнія будутъ имѣть успѣшный сбытъ за границею.

Привозъ къ Черноморскимъ и Азовскимъ портамъ увеличился въ 1835 году также во всѣхъ главныхъ статьяхъ, и сумма онаго уступаетъ 1834 г. только потому, что въ этотъ годъ привезено было изъ-за границы хлѣба слишкомъ на 20 милліоновъ рублей.

Обратимся теперь къ Азіятской торговлѣ.

1. *Торговля Грузіи и прочихъ Закавказскихъ областей,* производимая съ Персіею и Азіятскою Турціею сухимъ путемъ.

Главныя статьи отпуска и привоза въ 1835 г. были:

Отпущено:		Привезено:	
Хлѣба на	206,787 руб.	Сахара леденца на	324,876 р.
		Фруктовъ . .	174,499
Кожъ выд.	284,033	Москотильныхъ товаровъ . .	170,627
Шелка .	354,309	Бумажныхъ издѣлій . .	3,358,205
Бумажныхъ издѣлій .	516,11	Шелков. издѣл.	596,292
		Шерстян. . .	211,599
Шерстян.	157,412	Мягкой рухляди	206,944
Всего на	2,181,199	Всего на	6,066,700

Сравнивая сію торговлю съ предъидущими год-
ми, мы усматриваемъ, что 1835 годъ имѣетъ пер-
вѣсъ.

	Отпущено:	Привезено:
Въ 1830 г.	на 1,659,852	на 2,454,587 руб.
1831	2,447,503	3,933,702
1832	1,946,222	5,582,539
1833	1,787,861	6,020,140
1834	1,532,236	5,373,988
1835	2,181,199	6,066,700

2. *По Каспійскому Морю.* — Сія торговля произво-
дится изъ Астрахани съ Персіею и Хивою, а изъ Ба-
ки и другихъ портовъ Закавказіи—съ одною Пер-
сіею. Главныя статьи отпуска и привоза въ 1835
были:

Отпущено:

Желѣза	342,477 пуд.	на 1,041,572 руб.
Красокъ		на 115,252
Бумажныхъ издѣлій . . .		350,331
Металлическихъ		207,992
Всего. . .		на 2,725,798

Привезено:

Бумаги пряденой . .	7,884 пуд.	на 284,502 руб.
Шелка	3867 . . .	828,113
Бумажныхъ издѣлій		на 733,782
Всего . .		на 2,076,638

Взглянемъ на состояніе сей торговли въ предъидущіе годы:

	Отпущено:	Привезено:
Въ 1830 г.	на 3,947,166	на 4,804,688 руб
1831	2,771,530	3,913,241
1832	1,909,131	1,090,262
1833	2,046,423	2,839,475
1834	1,932,425	1,707,119
1835	2,725,798	2,076,638

Каспійская торговля, упавшая съ 1830 г., нѣсколько оправилась въ прошедшемъ году, особенно по отпуску, и должно надѣяться, что съ водвореніемъ спокойствія въ Персіи она опять улучшится: ибо главные вывозимые изъ Россіи товары составляютъ необходимую потребность сего государства. Не льзя сказать то же самое о предметахъ привоза изъ Персіи: ибо шелкъ ея болѣе и болѣе замѣняется на Россійскихъ фабрикахъ Закавказскимъ, бумага пряденая — Англійскою или Русскою, а бумажные товары вытѣсняются Русскими издѣліями; другія статьи привоза не такъ значительны.

3. *По Азіятской сухопутной границѣ отъ Каспійскаго Моря до Бухтармы.*—Торговля на сей границѣ производится чрезъ Оренбургскую и Сибирскую Линіи, на которыхъ главные пункты для торговли съ владѣніями Средней Азіи и съ Киргисъ-Кайсаками суть: *Оренбургъ*, *Троицкъ*, *Петропавловскъ* и *Семиполатинскъ*, а мѣна съ Киргисъ-Кайсаками производится сверхъ того при разныхъ таможенныхъ заставахъ, учрежденныхъ по обѣимъ линіямъ.

Главныя статьи отпуска и привоза въ 1835 году были:

Отпускъ:

Муки		на	356,774 руб.
Сахара			121,404
Мѣди	3,666 пуд.		104,104
Желѣза	47,797.		162,038
Кожъ выдѣл			982,534
Красокъ			231,129
Бумажныхъ издѣлій			2,859,735
Шерстяныхъ			304,787
Металлическихъ			218,872
Всего		на	6,543,484

Привозъ:

Бумаги хлопч. сырца	11,929 пуд.	на	243,528 руб.
пряден.	26,938.		1,234,081
Бумаж. издѣлій		на	1,650,856
Скота			3,078,483
Мягкой рухляди			1,105,667
Всего		на	8,298,161

Торговля по Оренбургской и Сибирской Линіи, въ 1833 и 1834 нѣсколько усилившаяся, превосходила въ 1835 г. прежніе годы по привозу, особенно хлопчатой бумаги, бумажныхъ издѣлій и мягкой рухляди, а по отпуску мало уступала двумъ предшествовавшимъ годамъ, и замѣчательна большимъ вывозомъ металловъ и издѣлій изъ оныхъ; бумажныхъ издѣлій также отпущено въ семъ году на большую сумму:

	Отпущено.	Привезено.
Въ 1830 г. на	5,769,679	6,527,554 р.
1831	5,164,247	2,686,190
1832	5,624,418	5,712,747
1833	6,781,750	6,920,935
1834	6,687,909	7,343,577
1835	6,543,484	8,208,161

4. *По Кяхтинской торговлѣ.* Главныя статьи ромѣна Китайцамъ состоятъ въ мягкой рухляди, укнахъ, юфти, бумажныхъ, льняныхъ и пеньковыхъ издѣліяхъ, а вымѣнивается отъ нихъ главнѣйше чай. — Такимъ образомъ въ 1835 году отпущено по сей торговлѣ:

Мягкой рухляди. . . .	на 2,298,532 руб.
Суконъ Русскихъ . . .	1,787,992
Польскихъ . . .	466,950
Юфти	982,534
Бумаж. издѣлій Русск. .	730,250
Иностран.	244,907
Льняныхъ и пеньковыхъ издѣлій	201,942

Привезено:

Чая 198,313 пуд. на 6,871,493 руб.

Сравнимъ сію торговлю съ предъидущими годами.

	Отпущено.	Привезено.
Въ 1830 г. на	6,398,597	на 6,398,597 руб.
1831	6,775,858	6,775,858
1832	8,080,024	8,080,024
1833	7,333,161	7,333,161

Въ 1834 г.	на 7,343,577	7,443,577	руб.
1835	7,146,205	7,146,205	

Хотя 1835 годъ уступаетъ тремъ предъидущимъ годамъ по сократившемуся промѣну мягкой рухляди, однакоже достойно замѣчанія, что отпускъ Русскихъ суконъ и бумажныхъ издѣлій увеличивается.

Промѣнено:	Суконъ		Бумаж. издѣлій	
Въ 1833 г.	447,176	ар.	на 272,307	руб.
1834	556,626		445,665	
1835	716,268		730,250	

Изобразивъ торговлю 1835 года по главнымъ ея отдѣламъ и предметамъ вывоза и привоза, разсмотримъ ее теперь въ отношеніи государствъ, съ которыми она производилась, по мѣрѣ участія ихъ въ общемъ оборотѣ внѣшней торговли Россіи.

Первое мѣсто принадлежитъ *Великобританіи*, откуда товаровъ привезено на 71,360,613 руб., а вывезено туда на 90,293,377 руб. Главныя статьи привоза были: бумага пряденая, индиго, красильное дерево, соль, сахарный песокъ, кофе, бумажныя и шерстяныя издѣлія; а по отпуску: сало, ленъ, сѣмя льняное, пенька, шерсть, щетина, лѣсной товаръ, кожи сырыя, желѣзо.

Изъ *Америки:* сахарный песокъ, кофе, хлопчатая бумага сырецъ, всего на 26,505,691 руб., въ томъ числѣ одного сахарнаго песку на 23 мил. Главныя статьи отпуска въ Америку были: желѣзо, пенька и полотна, всего на 13,030,372 руб.

Въ *Турцію* (со включеніемъ *Греціи*) главнѣйше отпускались: пшеница, желѣзо, сало, шерсть; а при-

возились оттуда: вина виноградныя, фрукты, масло деревянное, бумага хлопчатая и шелкъ сырецъ. — Отпущено на 22,967,195 р., привезено на 13,584,334.

Изъ *Ганзейскихъ портовъ* (Гамбурга Любека, и Бремена) привозились преимущественно: шелковыя издѣлія, шелкъ, табакъ, бумага крашеная и сахарный песокъ; всего привезено на 26,414,483 руб. — Отпускъ простирался на 6,137,587 руб.; въ томъ числѣ главныя статьи были: поташъ, мѣдь, сѣмя льняное, мягкая рухлядь, масло конопляное и полотна.

Франція снабжала главнѣйше виноградными винами; а изъ Россіи получала мѣдь, пеньку, сѣмя льняное, шерсть и щетину. — Всѣхъ товаровъ привезено на 14,437,944 руб., въ томъ числѣ винъ на 7½ мил.; отпущено на 8,280,921 руб., одной мѣди на 3,600 тысячь руб.

Въ *Австрію* отпускались: скотъ, пшеница, шерсть, мягкая рухлядь, воскъ, юфть, кожи сырыя; а главныя статьи привоза были: косы и серпы, шелкъ, шелковыя, шерстяныя и бумажныя издѣлія. Всего отпущено на 10,952,587 руб., привезено на 11,589,997. руб.

Пруссія получала изъ Россіи лѣсный товаръ, сало, сѣмя льняное, ленъ, пеньку, поташъ, а снабжала Россію главнѣйше шелкомъ, шелковыми издѣліями, рыбою и солью. Всего отпущено на 11,253,223 р. привезено на 9,416,084 руб.

Въ *Голландію* главныя статьи отпуска были: сѣмя льняное, пенька, лѣсной товаръ, поташъ и мѣдь;

а по привозу: крапъ, табакъ, вина, сахарный песокъ, шерстяныя издѣлія, драгоцѣнные камни.—Всего отпущено на 10,267,502, а привезено на 7,156,312 р.

Изъ *Италіи* привозились главнѣйше фрукты и масло деревянное; а туда отпускались: пшеница и юфть. Всего привезено на 4,689,552 руб., отпущено на 3,438,647 руб.

Испанія и Португалія получали изъ Россіи преимущественно ленъ и пеньку, а въ замѣнъ снабжали Россію главнѣйше винами и солью. Всего отпущено въ Пиренейскій Полуостровъ на 3,248,626 р., а привезено оттуда на 4,612,507 руб.

Въ *Швецію и Норвегію* отпускались преимущественно: пенька, сало, сѣмя льняное и полотна; а привозилась оттуда главнѣйше рыба. Всего отпущено на 3,534,419 р., а привезено на 4,196,622 руб.

Данія снабжалась изъ Россіи сѣменемъ льнянымъ, льномъ, пенькою, лѣснымъ товаромъ; а въ Россію доставляла разные иностранные товары. Всего отпущено на 5,454,886 р., а привезено на 1,514,534 р.,

По Азіятской торговлѣ главнѣйшій истокъ для сбыта Россійскихъ товаровъ представляютъ во первыхъ Китай, а потомъ Киргизская Степь, Персія, Бухарія; изъ этихъ же мѣстъ бываетъ главнѣйшій привозъ Азіятскихъ товаровъ.

О торговлѣ съ *Китаемъ* было говорено выше. Первое мѣсто послѣ нея принадлежитъ торговлѣ съ *Персіею*, откуда въ 1835 г. товаровъ привезено на

6,701,036 р. (бумажныхъ издѣлій, шелка, шелковыхъ товаровъ и сахара), а вывезено туда на 2,299,230 руб., преимущественно бумажныхъ издѣлій и металловъ.

Въ *Киргизскую Степь* отпущено на 4,161,648 р., въ томъ числѣ наиболѣе бумажныхъ издѣлій, юфти, хлѣба и металловъ, а привезено оттуда на 4,005,741 руб.; скота пригнано было на 3,078,483 руб.

Бухарія получала изъ Россіи главнѣйше бумажныя издѣлія, юфть, желѣзо, краски, и доставляла взамѣнъ бумагу пряденую, бумажныя издѣлія и мягкую рухлядь. Всего отпущено на 1,081,360 руб. а привезено на 2,415,434 р.

Изъ *Азіятской Турціи* привозились наиболѣе бумажныя издѣлія и мягкая рухлядь; а вывозились туда кожи и хлѣбъ. — Всего отпущено на 855,400 р., а привезено на 1,022,059 руб.

Въ *Хиву*, *Ташкентъ* и *Кокантъ* отпущено товаровъ на 1,232,963 р. главнѣйше бумажныхъ издѣлій, юфти, красокъ, суконъ и металловъ, а привезено оттуда на 2,001,019 р., преимущественно бумаги хлопчатой сырца и пряденой, бумажныхъ издѣлій и мягкой рухляди.

Предлагаемъ сравненіе торговли 1835 съ предъидущими годами по главнымъ государствамъ, съ коими она производилась.

	Отпущено.					
	1830	1831	1832	1833	1834	1835
Въ Великобританію на .	96,220,912	119,920,054	95,512,036	111,248,235	105,577,842	90,293,377 р.
— Америку	4,657,742	9,285,684	8,585,696	13,364,124	10,673,286	13,030,372 —
— Турцію	29,216,608	22,133,640	21,6697,46	17,453,349	16,516,568	22,967,195 —
— Ганзейскіе города . .	12,021,765	7,769,552	7,622,599	5,734,967	5,514,612	6,137,587 —
— Францію	13,604,557	3,802,379	10,821,866	10,873,778	10,671,770	8,280,921 —
— Австрію	8,793,234	10,923,901	13,770,521	14,608,841	10,542,800	10,952,587 —
— Пруссію.	18,837,136	12,431,702	17,031,663	14,654,654	12,722,438	11,253,223 —
— Голландію	4,641,967	3,765,301	5,510,760	5,685,974	6,205,155	10,267,502 —

Въ 1835 году, отпускъ въ *Великобританію* былъ менѣе противъ всѣхъ предъидущихъ годовъ, главнѣйше потому, что вывозъ сала, которое составляетъ первую статью онаго, уменьшился. Въ *Америку* отпущено товаровъ въ 1835 году болѣе, чѣмъ въ другіе годы, за исключеніемъ 1833 г., когда отпускъ пеньки, желѣза и полотенъ былъ нѣсколько сильнѣе. Отпускная торговля съ *Турціею* въ 1835 г. усилилась по случаю большаго вывоза хлѣба, однако уступала 1830 г., когда отпускъ хлѣба въ сіе Государство былъ самый значительный. Въ торговлѣ съ *Ганзейскими городами, Пруссіею* и *Франціею* отпускъ въ 1835 году не былъ сильнѣе въ сравненіи съ прежними годами по малому требованію хлѣба въ Западной Европѣ. Напротивъ того торговля съ *Голландіею* увеличилась отъ большаго вывоза сѣмени льнянаго, льна, пеньки, желѣза и др. Торговля съ *Австріею*, весьма усилившаяся, по востановленіи спокойствія въ югозападномъ краѣ въ 1832 и 1833 годахъ, хотя уступала имъ въ 1835 году, но превосходила 1834 годъ въ отпускѣ почти всѣхъ главныхъ товаровъ.

	Привезено.					
	1830	1831	1832	1833	1834	1835
Изъ Великобританіи на .	64,202,070	63,273,886	59,860,012	57,862,146	63,536,295	71,360,613 р.
— Америки	25,306,141	22,102,166	20,494,317	21,089,293	21,210,234	26 505,691 —
— Турціи	9,000,952	11,357,359	11,882,482	13,400,782	18,498,636	13,585,334 —
— Ганзейскихъ городовъ.	21,259,245	20,980,245	28,654,610	23,575,246	27,871,719	26,414,483 —
— Франціи	11,289,165	10,147,953	12,609,559	13,422,304	12,530,647	14,437,944 —
— Австріи	9,941,603	7,161,668	12,461,375	11,028,453	11,158,752	11,589,997 —
— Пруссіи	5,483,491	3,677,492	7,229,492	6,674,652	16,451,597	9,416,084 —
— Голландіи	4,641,967	3,765,301	5,510,760	5,685,974	6,205,155	7,156,322 —

1835 годъ превосходилъ предъидущіе годы по привозу товаровъ изъ *Великобританіи, Америки, Франціи* и *Голландіи:* ибо увеличился наиболѣе привозъ бумаги хлопчатой сырца и пряденой, красокъ и винъ. Торговля съ *Пруссіею* въ 1835 году также распространилась противъ прежнихъ годовъ, исключая 1834 г., который не можетъ быть принимаемъ въ сравненіе, по случаю необыкновеннаго обстоятельства: привоза хлѣба изъ-за границы. Изъ *Ганзейскихъ городовъ* привозъ главныхъ товаровъ въ 1835 г. былъ менѣе, чѣмъ въ 1832 и 1833 г.; а привозъ изъ *Австріи* уступаетъ только 1832 гогу, по случаю большаго привоза въ семъ году шелка, винъ и другихъ товаровъ, Наконецъ торговля съ *Турціею* въ 1835 г. была слабѣе только въ сравненіи съ предъидущимъ годомъ, по причинѣ уменьшившагося привоза деревяннаго масла отъ недостаточнаго сбора.

Съ 1833 года, «Виды торговли» содержатъ особыя табели объ отпускѣ и привозѣ по торговлѣ съ разными Азіятскими народами. Выписываемъ для сравненія общія суммы.

О т п у щ е н о:

	1834.	1835.	1836.	
Въ Китай на	7,333,161	7,343,577	7,146,205	руб.
Персію .	2,960,580	2,256,406	2,299,320	
Киргизскую Степь . .	4,625,338	4,073,312	4,161,648	
Бухарію . .	875,642	831,043	1,081,360	

Въ Азіятскую Турцію на . .	363,473	782,480	855,400
Хиву	513,176	373,896	405,037
Кокангъ .	1,009,681	973,348	827,925

Привезено:

Изъ Китая . .	7,333,161	7,343,577	7,146,205
Персіи . .	7,419,763	6,022,944	6,701,036
Киргизской Степи. .	4,064,663	4,617,283	4,005,741
Бухаріи . .	1,774,888	1,625,788	2,415,435
Азіятской Турціи . .	726,077	682,424	1,022,059
Хивы . .	544,042	279,499	699,254
Коканга и Ташкента . .	1,000,445	1,134,436	1,301,845

Изъ сего видно, что 1835 годъ въ отпускѣ и привозѣ товаровъ по торговлѣ съ Бухаріею и съ Азіятскою Турціею превосходилъ оба предъидущіе года, равно какъ по привозу изъ Хивы, Коканта и Ташкента; но отпускъ туда уменьшился; торговля съ Персіею и Киргисъ-Кайсаками нѣсколько ослабѣла. Мы уже говорили о торговыхъ сношеніяхъ съ Китаемъ, которыя составляютъ важнѣйшую отрасль Азіятской торговли.

«Виды торговли» въ особыхъ таблицахъ представляютъ торговлю съ Царствомъ Польскимъ и Финляндіею.

Въ 1835 г.,	въ Царство Польское.	Въ Финляндію.
Отпущено.		
Жизненныхъ припасовъ на	2,299,748	1,820,864 руб.
Сырыхъ произведеній .	1,655,071	994,240
Ремесленныхъ и мануфактурныхъ товаровъ . .	2,012,606	297,273
Разныхъ предметовъ . .	4,580,443	28,061
Монеты	11,687,108	
Всего на . .	22,235,066	3,140,453 руб.

Привезено:	Изъ Царства Польскаго.	Изъ Финляндіи.
Жизненныхъ припасовъ .	180,722	174,745 руб.
Сырыхъ произведеній .	947,584	545,947
Ремесленныхъ и мануфактурныхъ товаровъ . .	1,285,463	180,575
Разныхъ предметовъ . .	132,212	84,540
Монеты	6,910,908	
Всего на . .	9,456,919	985,807 руб.

Купеческое судоходство. Кораблей по всѣмъ портамъ было въ приходѣ 4194, противъ 1834 г. менѣе 390, по случаю уменьшившагося привоза хлѣба.

Пришло кораблей	въ 1834	1835
Съ товарами	1841	2239
— хлѣбомъ и спиртомъ	1242	230
— баластомъ	1501	1725
Всего . .	4584	4194

Слѣдовательно, въ 1835 году, число товарныхъ кораблей увеличилось 398, а баластныхъ 229.

Отошло кораблей въ	1834	1835
Съ товарами	3693	3812
- баластомъ	893	291
Всего .	4586	4103

Съ товарами отошло 119 кораблей болѣе.

По числу кораблей, въ приходѣ было наиболѣ Англійскихъ, потомъ Шведскихъ, Прусскихъ и Датскихъ; Россійскіе составляли съ небольшимъ четвертую часть всего количества пришедшихъ кораблей; но въ числѣ ихъ считаются суда Финляндскія и Греческія, которыя ходятъ подъ Россійским флагомъ. — Слабое участіе Русскаго купечества во внѣшней морской торговлѣ ясно обнаруживается списком имень купцевъ, производившихъ главный торгъ: мы насчитали въ немъ, по всѣмъ портамъ не болѣе двадцати домовъ подъ коренною Русскою фирмою.

Подробное и сравнительное разсмотрѣніе каждой табели «Видовъ торговли» повлекло бы насъ за предѣлы сего журнала, и мы уже боимся, что утомили вниманіе читателя множествомъ цифръ, коихъ значеніе объяснено здѣсь только общими чертами. Однако для окончательнаго соображенія торговли 1835 года еще почитаемъ нужнымъ опредѣлить отношеніе его къ предъидущимъ годамъ въ главныхъ предметахъ отпуска и привоза.

	Отпущено:					
	1830	1831	1832	1833	1834	1835
Пшеницы, четв	2500 т.	1800 т.	1940 т.	700 т.	175	200 т.
Ржи, ячменя и овса	1400 т.	около 2 мил.	1580	450	150	90
Льна, пуд.	2300	1850 т.	2200	2500	1560	1480
Пеньки	2200	2300	2780	2800	2824	3 мил.
Пакли	540	490	490	535	500	520
Сала	4 мил.	4 мил.	4200	4650	4636	3340 мил.
Сѣмени, четв.	740 т.	660 т.	570 т.	620 т.	440	690 т.
Масла конопляннаго, пуд. . .	640 т.	250 т.	300 т.	280 т.	320 г.	120
Поташа.	720	620	460	600	400	420
Лѣснаго товара на руб. . .	8270	7400	7 мил.	7 мил.	8986	9 мил.
Желѣза, пуд.	1320 т.	1420 т.	1660 т.	1590 т.	1115 т.	1690 т.
Мѣди.	213 т.	114 т.	175 т.	240 т.	317 т.	200 т.
Шерсти.	94 т.	166 т.	196 т.	297 т.	280 т.	340 т.
Кожъ невыдѣланныхъ на руб.	5500 т.	4800 т.	4500 т.	5800 т.	11 мил.	6 мил.
Воска, пуд.	50 т.	46	60	50	22 т.	25 т.
Щетинъ.	73	70	65	72	52	55 т.
Веревокъ и канатовъ	263	343	435	480	323	230
Полотна, куск.	163	197	195	220	200	240
Мягкой рухляди.	5 мил.	4500	5700	4669	2850	4 мил.

Изъ сего видно, что 1835 годъ превосходилъ прежніе годы въ отпускѣ пеньки, сѣмени льнянаго (исключая 1830 г.), шерсти, лѣснаго товара, желѣза, полотенъ и кожъ невыдѣланныхъ (кромѣ 1834 г.); напротивъ того, сала, льна, масла конопляннаго, веревокъ и канатовъ и мягкой рухляди отпущено менѣе. Требованіе на пеньку увеличилось особливо изъ Великобританіи и Америки, также и въ Южной Европѣ; на сѣмя льняное изъ Великобританіи, Голландіи и частію изъ Франціи; на шерсть и лѣсной товаръ изъ Великобританіи; на желѣзо и полотна изъ Америки. Торговля хлѣбомъ, по причинѣ неурожаевъ и усилившейся потребности въ немъ внутри государства, была незначительна, и только производился отпускъ пшеницы изъ южныхъ портовъ, но гораздо слабѣйшій противъ прежняго времени.

Вообще объ отпускной торговлѣ Россіи можно замѣтить, что сбытъ сырыхъ произведеній ея обезпечивается необходимостью въ нихъ для всѣхъ мануфактурныхъ государствъ, и ни одна страна не доставляетъ ихъ въ такомъ большомъ количествѣ и по такимъ дешевымъ цѣнамъ, какъ Россія. Подобнымъ образомъ еще поддерживается сбытъ въ Европѣ нѣкоторыхъ Русскихъ мануфактурныхъ товаровъ. При нынѣшней тарифной системѣ почти всѣхъ Европейскихъ государствъ, хлѣбъ привозится къ нимъ только въ неурожайные годы, и тогда они обращаются преимущественно къ Россіи, которая составляетъ главную житницу ихъ.

Привезено.

	1830	1831	1832	1833	1834	1835
Сахарнаго песку, пуд.	1340 т.	1450 т.	1360 т.	1540 т.	1570 т.	1375
Кофе	128 т.	124	128	127	120	100
Чая	154	140	180	166	174	200
Крѣпкихъ напитковъ, на	11 мил.	12 мил.	14 м.	14 м.	15 м.	16 мил.
Масла деревяннаго, пуд.	180 т.	360 т.	200 т.	250 т.	300 т.	240 т.
Соли	4 мил.	3600 т.	3500	3520	3 м.	3580
Табаку	60 т.	75 т.	95	85	85 т.	97
Свинца	150	240	230	190	140	170
Бумаги хлопчатой сырца	116	104	127	140	150	220
Пряденой	450	607	544	543	543	560
Шелка	15 т.	15 т.	15 т.	11 т.	11 т.	$7\frac{1}{2}$
Индиго	24	26	33	22	25	27
Кошенили	4	3	1	$3\frac{1}{2}$	3	$3\frac{1}{2}$
Крапа	66	65	70	46	80	120
Красильнаго дерева	340	320	390	490	460	435
Красокъ разныхъ, на	1490	1660	1800	1585	1670	1700
Бумажныхъ издѣлій	11 мил.	10 мил.	10 м.	$10\frac{1}{2}$	8700 т.	11 м.
Шелковыхъ	8	6	10	8	9	$9\frac{1}{2}$
Льняныхъ	800	560	950	780	900	1 мил.
Шерстяныхъ, на	9 м.	8 м.	6 м.	3700 м.	2909	$7\frac{1}{4}$

Сія табель показываетъ, что 1835 годъ превосходитъ прежніе годы по привозу бумаги хлопчатой сырца, бумаги пряденой (кромѣ 1831), индиго, крапа разныхъ красокъ (кромѣ 1832), табаку, чая, крѣпкихъ напитковъ, соли (кромѣ 1831), бумажныхъ, шелковыхъ и льняныхъ издѣлій; а въ другихъ статьяхъ, кромѣ кофе, весьма мало уступалъ своимъ предшественникамъ.

Общій выводъ о состояніи внѣшней торговли Россіи въ 1835 году представляется слѣдующій:

При слабомъ движеніи хлѣбной торговли, отпускъ многихъ сырыхъ произведеній, значительно усилившійся, вознаградилъ государство умноженіемъ прибылей въ другихъ отрасляхъ промышлености, между коими не перестаютъ возвышаться мануфактуры и фабрики, подъ защитою тарифной системы; доказательствомъ успѣховъ ихъ служитъ усилившаяся потребность въ матеріалахъ, которые необходимы для ихъ производства. — Приращеніе ввоза сахарнаго песку, чая, напитковъ, табаку и др. свидѣтельствуетъ о распространяющемся довольствѣ, чему немало содѣйствовалъ благопріятный ходъ внѣшней торговли.

Заключимъ эту статью выраженіемъ признательности къ Правительству, которую раздѣлятъ съ нами просвѣщенные любители статистическихъ знаній, за изданіе въ свѣтъ *Видовъ Торговли*.

Сколько намъ извѣстно, только въ Англіи и во Франціи печатаются подобныя собранія табелей о

внѣшней торговлѣ; Французскія выходятъ спустя болѣе года, но содержатъ гораздо подробнѣйшія свѣдѣнія, и желательно, чтобы въ нѣкоторыхъ статьяхъ наши «Виды Торговли» были дополнены по образцу Французскихъ; такъ напр: въ статьяхъ: *Разные товары,* которые показываются во многихъ мѣстахъ на нѣсколько милліоновъ, не безполезно было бы по крайней мѣрѣ обозначать предметы, входящіе въ этотъ разрядъ. Въ числѣ ихъ могутъ находиться любопытныя статьи отпуска и привоза, которыя нынѣ остаются неизвѣстными; это могло бы иногда дать поводъ къ полезнымъ указаніямъ. Вообще, желательно чтобы общія табели объ отвозной и привозной торговлѣ были еще подробнѣе, для сокращенія суммы разныхъ товаровъ *.

---

* Это замѣчаніе, на которое, можетъ быть, обратятъ вниманіе при составленіи «Видовъ Торговли», отнюдь не ослабляетъ нашего уваженія къ столь полезному изданію, и мы полагаемъ теперь кстати опровергнуть сужденіе «Библіотеки для Чтенія» о «Видахъ Торговли», которое представляетъ новое доказательство тому, что въ семъ журналѣ критикъ часто судитъ о предметахъ вовсе ему чуждыхъ.

Сравнивая табели о внѣшней торговлѣ, изданныя въ Россіи и во Франціи за 1834 г., онъ замѣчаетъ: «Обстоятельство, котораго не льзя пропустить безъ вниманія, относится къ странной разности въ итогахъ торговли между Россіей и Франціею, показанныхъ въ Tableau général du commerce de France, и тѣхъ, которые мы находимъ въ «Видахъ государственной внѣшней торговли »

«Привозъ изъ Россіи во Францію:

По Французскимъ «Видамъ» . . .	17,660,028 фр.
По Русскимъ	10,611,770 руб.

Отпускъ изъ Франціи въ Россію:

По Французскимъ «Видамъ» . . .	6,910,547 фр.
По Русскимъ	12,530,647 руб.

«Мы не въ состояніи объяснить этого разногласія: оно могло б
показывать, что Французы заплатили намъ массою товаровъ, стоившихъ
у нихъ менѣе, чѣмъ 7,000,000 франковъ, за то, что мы имъ дали разны
ми произведеніями, и что стоило у насъ на мѣстѣ болѣе 10,500,000
но ближе всего отнести эту разницу къ несовершенству средствъ нынѣш-
ней торговой статистики и къ извѣстной долѣ произвола, господствую-
щей въ оцѣнкахъ, которыя служатъ основаніемъ всѣмъ вообще этого
рода балансамъ.»

Г. критикъ, столь рѣшительно произносящій свои приговоры, конеч-
но не знаетъ, что пошлины и расходы входятъ въ составъ цѣны товаровъ, по
которой должна производиться оцѣнка привоза и вывоза. Нѣтъ ничего уди-
вительнаго, что цѣнность привоза изъ Россіи во Францію выходитъ по
Французскимъ «Видамъ» болѣе, а по Русскимъ менѣе: ибо къ цѣнѣ каж-
даго товара, отпущеннаго изъ Россіи, должно прибавить расходы и по-
шлины, коимъ онъ подвергается до тѣхъ поръ, пока поступитъ на по-
требленіе во Франціи. Подобнымъ образомъ и отпускъ изъ Франціи въ
Россію, по Французскимъ «Видамъ», естественно долженъ быть менѣе,
чѣмъ по Русскимъ: ибо цѣна отпускаемаго изъ Франціи товара, на мѣ-
стѣ, не можетъ быть одинакова съ цѣною его по привозѣ въ Россію,
когда товаръ подвергнулся расходамъ и пошлинамъ, которыя необходи-
мо должны падать на его цѣну.

И такъ, странная разность, выставленная г. критикомъ, по весьма
простомъ соображеніи, превращается въ весьма естественную, и справед-
ливо будетъ отнести къ собственнымъ оцѣнкамъ его «ту извѣстную долю
произвола», которую онъ приписываетъ оцѣнкамъ нынѣшней торговой
статистики.

НОВЫЯ КНИГИ.

Объ обязанностяхъ человѣка. Сочиненіе Сильвіо Пеллико.

На дняхъ выдетъ изъ печати новый переводъ книги: Dei Doveri degli uomini, сочиненія славнаго Сильвіо Пеллико.

Есть книга, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповѣдано во всѣхъ концахъ земли, примѣнено ко всевозможнымъ обстоятельствамъ жизни и происшествіямъ міра; изъ коей не льзя повторить ни единаго выраженія, котораго не знали бы всѣ наизусть, которое не было бы уже *пословицею народовъ;* она не заключаетъ уже для насъ ничего неизвѣстнаго; но книга сія называется Евангеліемъ, — и такова ея вѣчно-новая прелесть, что если мы, пресыщенные міромъ, или удрученные уныніемъ, случайно откроемъ ее, то уже не въ силахъ противиться ея сладостному увлеченію, и погружаемся духомъ въ ея божественное краснорѣчіе.

И не всуе, собираясь сказать нѣсколько словъ о книгѣ кроткаго страдальца, дерзнули мы упомянуть

о божественномъ Евангеліи: мало было избранныхъ (даже между первоначальными пастырями Церкви), которые бы въ своихъ твореніяхъ приближились кротостію духа, сладостію краснорѣчія и младенческою простотою сердца къ проповѣди Небеснаго Учителя.

Въ позднѣйшія времена неизвѣстный творецъ книги «О подражаніи Іисусу Христу», Фенелонъ и Сильвіо Пеллико въ высшей степени принадлежатъ къ симъ избраннымъ, которыхъ Ангелъ Господній привѣтствовалъ именемъ *человѣковъ благоволѣнія.*

Сильвіо Пеллико десять лѣтъ провелъ въ разныхъ темницахъ, и получа свободу, издалъ свои записки. Изумленіе было всеобщее: ждали жалобъ, напитанныхъ горѣчью,—прочли умилительныя размышленія, исполненныя яснаго спокойствія, любви и доброжелательства.

Признаемся въ нашемъ суетномъ зломысліи. Читая сіи записки, гдѣ ни разу не вырывается изъ-подъ пера нещастнаго узника выраженія нетерпѣнія, упрека или ненависти, мы невольно предполагали скрытое намѣреніе въ этой ненарушимой благосклонности ко всѣмъ и ко всему; эта умѣренность казалась намъ искусствомъ. И восхищаясь писателемъ, мы укоряли человѣка въ неискренности. Книга: Dei doveri устыдила насъ, и разрѣшила намъ тайну прекрасной души, тайну человѣка - христіанина.

Сказавъ, какую книгу напомнило намъ сочиненіе Сильвіо Пеллико, мы ничего болѣе не можемъ и не должны прибавить къ похвалѣ нашей.

Въ одномъ изъ нашихъ журналовъ, въ статьѣ писателя съ истиннымъ талантомъ, критика, заслужившаго довѣренность просвѣщенныхъ читателей, съ удивленіемъ прочли мы слѣдующія строки о книгѣ Сильвіо Пеллико:

«Если бы книга *Обязанностей* не вышла въ слѣдъ за книгою *Жизни* (Мои Темницы), она показалась бы намъ общими мѣстами, сухимъ, произвольно догматическимъ урокомъ, который мы бы прослушали безъ вниманія.»

Неужели Сильвіо Пеллико имѣетъ нужду въ извиненіи? Неужели его книга, вся исполненная сердечной теплоты, прелести неизъяснимой, гармоническаго краснорѣчія, могла кому бы то ни было, и въ какомъ бы то ни было случаѣ, показаться *сухой* и холодно догматической? Неужели, если бъ она была написана въ тишинѣ Ѳиваиды или въ библіотекѣ философа, а не въ грустномъ уединеніи темницы, недостойна была бы обратить на себя вниманія человѣка, одареннаго сердцемъ? — Не можемъ повѣрить, чтобы въ самомъ дѣлѣ такова была мысль автора «Исторіи Поэзіи».

Это ужь не ново, это было ужь сказано — вотъ одно изъ самыхъ обыкновенныхъ обвиненій критики. Но все уже было сказано, всѣ понятія выражены и повторены въ теченіе столѣтій: что жъ изъ этого слѣдуетъ? Что духъ человѣческій уже ничего новаго не производитъ? Нѣтъ, не станемъ на него клеветать: разумъ неистощимъ *въ соображеніи* понятій, какъ языкъ неистощимъ въ *соединеніи* словъ

Всѣ слова находятся въ лексиконѣ; но книги, поминутно появляющіяся, не суть повтореніе лексикона. *Мысль* отдѣльно никогда ничего новаго не представляетъ; *мысли же* могутъ быть разнообразны до безконечности.

Какъ лучшее опроверженіе мнѣнія г-на Шевырева, привожу собственныя его слова:

«Прочтите ее (книгу Пеллико) съ тою же вѣрою, съ какою она писана, и вы вступите изъ темнаго міра сомнѣній, разстройства, раздора головы съ сердцемъ въ свѣтлый міръ порядка и согласія. Задача жизни и щастія вамъ покажется проста. Вы какъ-то соберете себя, разсѣяннаго по мелочамъ страстей, привычекъ и прихотей — и въ вашей душѣ вы ощутите два чувства, которыя къ сожалѣнію очень рѣдки въ эту эпоху: чувство довольства и чувство надежды.»

Словарь о Святыхъ, прославленныхъ въ Россійской Церкви, и о нѣкоторыхъ сподвижникахъ благочестія мѣстно-чтимыхъ. 1836 г. С. П. Б.

Въ наше время главный недостатокъ, отзывающійся во всѣхъ почти ученыхъ произведеніяхъ, есть отсутствіе труда. Рѣдко случается критикѣ указывать на плоды долгихъ изученій и терпѣливыхъ разысканій. Что же изъ того происходитъ? Наши такъ называемые *ученые* принуждены замѣнять существенныя достоинства изворотами болѣе или менѣе удачными: порицаніемъ предшественниковъ, новиз-

ною *взглядовъ*, приноровленіемъ модныхъ понятій къ старымъ давно извѣстнымъ предметамъ, и пр. Таковыя средства (которыя, въ нѣкоторомъ смыслѣ, можно назвать шарлатанствомъ) не подвигаютъ науки ни на шагъ, поселяютъ жалкій *духъ сомнѣнія и отрицанія* въ умахъ незрѣлыхъ и слабыхъ, и печалятъ людей истинно ученыхъ и здравомыслящихъ.

Словарь о Святыхъ не принадлежитъ къ числу опрометчивыхъ и скороспѣлыхъ произведеній, наводняющихъ наши книжныя лавки. Отчетливость въ предварительныхъ изысканіяхъ, полнота въ совершеніи предпринятаго труда поставили сію книгу высоко во мнѣніи знающихъ людей. Издатель на своемъ поприщѣ имѣлъ предшественникомъ Новикова, напечатавшаго въ 1784 году *Опытъ Историческаго Словаря о всѣхъ въ истинной православной вѣрѣ святою непорочною жизнію прославившихся святыхъ мужахъ.* Съ того времени прошло болѣе пятидесяти лѣтъ; средства и источники умножились; для новаго издателя трудъ былъ облегченъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и удвоенъ. Въ *Опытѣ* Новикова помѣщено 169 именъ угодниковъ, съ описаніемъ ихъ житія, или безо всякаго объясненія: *Словарь о Святыхъ* заключаетъ въ себѣ 363 имени, т. е. болѣе, нежели вдвое. У Новикова источники изрѣдка указаны внизу самаго текста: въ нынѣшнемъ «Словарѣ» полный «Указатель» источникамъ напечатанъ особо, въ два столбца, мелкимъ шрифтомъ, и составляетъ цѣлый печатный листъ.

« Церковь Россійская» — сказано въ предисловіи —

«весьма осторожно оглашала святыми угодниковъ своихъ, и только по явномъ открытіи нетлѣнія мощей прославленныхъ чудесами, помѣщала ихъ въ мѣсяцословы. Россія къ утвержденію православія своего видѣла во многихъ мѣстахъ явное знаменіе благодати надъ мощами тѣхъ, кои святостію жизни, примѣромъ благочестія, или христіанскимъ самоотверженіемъ явили себя достойными почитанія; но имена сихъ угодниковъ не были внесены въ «Общія Святцы Россійской Церкви»; а память ихъ совершалась въ тѣхъ только мѣстахъ, гдѣ они почиваютъ. Причиною такой мѣстности было отдѣленіе духовной власти Новгорода отъ главной духовной власти Россіи, и потомъ раздѣленіе митрополіи на Кіевскую и Московскую. Уже въ половинѣ XVI вѣка Московскій митрополитъ Макарій, составляя «Великія Четьи-Минеи», собралъ житія и нѣкоторыхъ святыхъ, еще дотолѣ въ Патерикахъ не помѣщенныхъ, и для установленія имъ служебъ имѣлъ въ Москвѣ, 1547 года, соборъ, на которомъ двѣнадцати святымъ Россійскимъ назначено повсюду празднованіе и службы, а девяти — только въ мѣстахъ, гдѣ мощи ихъ почиваютъ. Тѣ церкви, которыя не успѣли на соборъ представить свидѣтельствъ о своихъ мѣстныхъ угодникахъ, послѣ получали, по разсмотрѣнію митрополита, дозволеніе совершать память ихъ, и потомъ, при патріархахъ, нѣкоторые изъ нихъ внесены въ общіе мѣсяцословы. Митрополитъ Ростовскій, Димитрій, въ своихъ «Четьихъ-Минеяхъ» помѣстилъ преподобныхъ Кіевопечерскихъ подъ числомъ совершенія ихъ памяти. Но и за

симъ многіе не внесены въ мѣсяцословы, хотя нѣкоторымъ сочинены особыя службы, кондаки и тропари; таковы угодники Новогородскіе, Псковскіе, Вологодскіе, и другіе.

«Въ предлагаемомъ «Словарѣ» помѣщены житія святыхъ, прославленныхъ въ Россійской Церкви; житія нѣкоторыхъ другихъ подвижниковъ благочестія, коихъ память благоговѣйно сохраняется тамъ, гдѣ они жили или почили; наконецъ краткія извѣстія о тѣхъ богоугодно-поживѣшихъ, которыхъ имена выписаны изъ синодиковъ, или древнихъ монастырскихъ записокъ. При описаніи жизни святаго, прославленнаго во всей Россійской Церкви, обозначены въ «Словарѣ» мѣсяцъ и число совершенія памяти; относительно прочихъ также означается мѣсто и день, когда чтится ихъ память совершеніемъ молебныхъ пѣній или панихидъ, по введенному постановленіями или преданіемъ обычаю.»

Слогъ издателя долженъ будетъ служить образцомъ для всѣхъ ученыхъ словарей. Онъ простъ полонъ и кратокъ. Намъ случилось въ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ» (впрочемъ, книгѣ необходимой и имѣющей столь великое достоинство) найти въ описаніи какого-то сраженія уподобленіе одного изъ корпусовъ кораблю или птицѣ, не помнимъ навѣрное чему: таковыя риторическія фигуры въ какомъ нибудь иномъ сочиненіи могутъ быть дурны или хороши, смотря по таланту писателя; но въ словарѣ онѣ во всякомъ случаѣ нестерпимы.

Издатель «Словаря о Святыхъ» оказалъ важную услугу Исторіи. Между тѣмъ книга его имѣетъ и общую занимательность: есть люди, не имѣющіе никакого понятія о житіи того св. угодника, чье имя носятъ отъ купели до могилы, и чью память празднуютъ ежегодно. Не дозволяя себѣ никакой укоризны, не можемъ, по крайней мѣрѣ, не дивиться крайнему ихъ нелюбопытству.

Наконецъ и библіофилы будутъ благодарны за типографическую изящность изданія: «Словарь» напечатанъ въ большую осьмушку, на лучшей веленевой бумагѣ, и есть отличное произведеніе типографіи Втораго Отдѣленія Собственной Канцеляріи Е. И. В.

* Записки 1814 и 1815 годовъ. А. Михайловскаго-Данилевскаго, бывшаго флигель-адъютанта Государя Императора АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА. Третье изданіе. С. П. Б.

Походныя Записки Русскаго офицера, 1812, 1813, 1814 и 1815 годовъ, изданныя Лажечниковымъ. Изданіе 2-е. М.

Софія Кучко, или Любовь и Мщеніе, историческій романъ XII столѣтія. Соч. И. Грибоѣдова. 2. ч. М.

Игра Любви, или Русскій помѣщикъ XVIII столѣтія, романъ соч. Александра Никитина. 2 ч.

Святочные Вечера, или Разсказы моей тетушки. Книга 1. Москва.

* Романы и Повѣсти, соч. Василія Нарѣжнаго. Изданіе второе, въ 10 частяхъ. С П. Б.

* Серапіоновы Братья. Собраніе повѣстей и сказокъ Соч. Э. Т. А. Гоффмана. Переводъ съ Нѣмецкаго Бесомынина. 8 ч. М.

Руководство къ практическому изученію животнаго магнетизма. Соч. Делеза. Переводъ съ Французскаго. 2 ч. М.

Чаттертонъ, драма графа Альфреда Де-Виньи, переводъ съ Франц. И. С. Воейкова. М.

Оперы и водевили, переводы съ Французскаго Дмитрія Ленскаго. Часть четвертая. М.

Были и Небылицы, казака Владиміра Луганскаго. Русскія сказки. Книжка третья. С П. Б.

Волшебный замокъ. Повѣсть Соч. Л. Тика. Пер. съ Нѣмецк. Я. Н.—С. П. Б.

* Статистическія Свѣдѣнія о С. Петербургѣ, изданныя при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ. С.П.Б.

Таблицы Логорифмовъ чиселъ и тригонометрическихъ линій, съ объясненіемъ ихъ употребленія въ астрономіи, гномоникѣ, геометріи, и пр., составленныя Лаландомъ. Изданіе стереотипное. М.

* Систематическое обозрѣніе помѣстныхъ правъ и обязанностей, въ Россіи существовавшихъ, съ историческимъ изложеніемъ всего до нихъ относящагося, составленное Петромъ Ивановымъ. М.

Клавиго, трагедія Гете, переведена съ Нѣмец-
каго Ѳедоромъ Кони, съ портретомъ Гете. М.

Сборникъ Муханова. М.

Каталогъ историческимъ памятникамъ, собран-
нымъ и изданнымъ П. Мухановымъ. М.

Курсъ Аналитической Геометріи. Соч. о
профессора Н. Брашмана, удостоенный полной Де-
мидовской преміи. М.

Новый Опытъ въ Сельскомъ Хозяйствѣ
доставляющій большія выгоды помѣщикамъ, про-
изведенный и изложенный К. П. Е. — М.

* Исторія военныхъ дѣйствій въ Азіатской
Турціи въ 1828 и 1829 годахъ. 2 ч., съ планами. С. П. Б.

Карманная книга для егерей и охотни-
ковъ, или Безцѣнный подарокъ любителямъ звѣ-
риной ловли и птичей стрѣльбы. М.

Записки Наполеона о походахъ Тюреня и Фри-
дриха Великаго, переведенныя съ Французскаго Ксено-
фонтомъ Полевымъ. М.

Стихотворенія Алексѣя Зилова, тетрадь вто-
рая. М.

Степени женщинъ. Соч. Э. Суверста. Пер. съ
Франц. 2 ч. М.

Черный паукъ, или Сатана въ тюрьмѣ, фанта-
стиковолшебная повѣсть небывалаго столѣтія. Соч.
Гоффмана, передѣланная съ Нѣмецкаго А. Про - мъ. М

Второй портфель для хозяевъ, собранъ и
изданъ П. Мухановымъ. 2 тома. М.

Двумужница, или За чѣмъ пойдешь, то и найдешь, оригинальная драма въ 2 ч. въ 5 суткахъ, въ прозѣ и стихахъ, соч. князя А. А. Шаховскаго. С. П. Б.

Часы Благоговѣнія. Часть 4-я. С. П. Б.

Новые толки объ открытіяхъ на лунѣ, Гершеля, съ описаніемъ его наблюдательнаго и освѣщеннаго микроскопа. С. П. Б.

Прокопій Ляпуновъ, драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. С. П. Б.

Собраніе Арабесковъ и Шабаконовъ старинныхъ и новѣйшихъ, для фабрикантовъ, комнатныхъ живописцевъ и архитекторовъ, на 20-ти большихъ листахъ; рисовалъ Менцель; гравировалъ Л. Самахинъ. М.

Еще подарокъ моимъ маленькимъ друзьямъ, или Собраніе новыхъ повѣстей въ пользу и удовольствіе дѣтей, съ картинками. Перев. съ Франц. М.

Еврей, картина Германскихъ нравовъ въ первой половинѣ XV столѣтія. Соч. Спиндлера. Перев. Н. П. въ 4 част.

Энциклопедическій Альбомъ, заключающій въ себѣ собраніе разныхъ любопытныхъ свѣдѣній и историческихъ обозрѣній наукъ, художествъ, торговли и проч., составленный Петромъ Машковымъ. С. П. Б.

Іоанна Златоуста Слова о Священствѣ, всего 6 проповѣдей, переводъ съ Греческ. Дух. Ак.

бакалавръ Морскаго Богоявленск. Николаевск. Собора священникъ магистръ I. Колоколовъ. С. П. Б.

Письма о богослуженіи Восточной Церкви. Вторая книжка. С. П. Б.

Живописная Панорама всеобщей военной исторіи. С. П. Б.

Какъ знать, что случится, романъ Поль-де-Кока, въ 4 ч. С. П. Б.

* Мои темницы. Записки Сильвіо Пеллико. Переводъ, пополненный краткою біографіею автора, сочиненною г-мъ Де Латуръ, и историческими замѣчаніями П. Мароничелли. Издалъ Ев. С. 2 части С. П. Б.

Басни и сказки Константина Цимбалина, въ 5 книгахъ, содержащія до 80 басенъ и сказокъ въ стихахъ. С. П. Б.

Памятная книжка для справокъ при гомеопатической практикѣ, составленная докторомъ медицины Иваномъ Беневоленскимъ. М.

Основанія физики, профессора Павлова. 2 ч. М.

Думы Инвалида. Соч. Н. Б.—М.

Краткое начертаніе жизни и дѣяній Никона, патріарха Московскаго и всея Россіи. Изданіе второе. М.

Письмовникъ новѣйшій, или полный домашній секретарь для всѣхъ сословій, въ 5 ч. Изданіе четвертое. М.

Курсъ философіи, соч. г. Жерюзе. Переводъ съ Фран. С. П. Б.

* Объ историческихъ таблицахъ В. А. Жуковскаго, соч. А. Краевскаго, съ образцовою сокращенною таблицею для Древней Исторіи. С. П. Б.

Судьба красавицы, новый Русскій романъ. С. П. Б.

Слово о молитвѣ за умершихъ, соч. священника С. Красноцвѣтова. С. П. Б.

Синоптическая таблица земной коры, соч. А. И. Маюрова. С. П. Б.

Дебютантъ, или Страсть къ театру, комедія соч. Булгакова. С. П. Б

Жена сосѣда, водевиль. Пер. А. Булгакова. С. П. Б.

Исторія среднихъ вѣковъ, сост. Берлин. профессоромъ А. Циммерманомъ. С. П. Б.

Собраніе разнаго рода избранныхъ піесъ, положенныхъ для скрипки, аранжированныхъ г. Жучковскимъ. С. П. Б.

Таблицы игоръ въ простыя шашки, служащія введеніемъ въ общую правильную игру въ шашки, сочиненныя любителемъ цифръ. М.

Панъ Ягожинскій, отступникъ и мститель, или Романъ взятый изъ древнихъ Польскихъ преданій А. П—мъ. 3 ч. М.

Стихотвореніе Аполлона Де. . . М.

Повѣсти о томъ, о семъ, а больше ни о чемъ. А. Т. — М.

Записки о походѣ 1813 года, А. Михайловскаго-Данилевскаго. Изданіе второе. С. П. Б.

Практическія упражненія въ переводахъ съ Русскаго языка на Французскій, изданныя Куртенеромъ. М.

Опытъ Антропологіи, С. П. Б.

Руководство къ Исторіи Литтературы. Соч. Вахлера. Часть 1-я. С. П. Б.

Всемірная Панорама, или Галлерея привлекательнѣйшихъ видовъ, ландшафтовъ, памятниковъ и развалинъ, издаваемая И. Де-ла-Кроа. Часть вторая, тетрадь 1-я. Рига.

Россіянка 1812 года, или Любовь молодаго офицера на дорогѣ въ армію. Историческій романъ. 2 части. М.

Жена Кавалериста, комедія — водевиль въ одномъ дѣйствіи. Актера П. Григорьева. С. П. Б.

НОВЫЙ РОМАНЪ.

Недавно одна рукопись, подъ заглавіемъ: *Село Михайловское*, ходила въ обществѣ по рукамъ, и произвела большое впечатлѣніе. Это романъ, сочиненный дамою. Говорятъ, въ немъ много оригинальности, много чувства, много живыхъ и сильныхъ изображеній. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ его появленія.

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЮ.

Георгій Кониской, о которомъ напечатана статья ъ первомъ нумерѣ «Современника», начинаетъ свои астырскія поученія слѣдующими замѣчательными ловами:

« Первое слово къ вамъ, благоч. слуш., Христовы юди, разсудилъ я сказать о себѣ самомъ.... Должность моя, какъ вы сами видите, есть учительская: а учители добрые и нелукавые себе первѣе чатъ, нежели другихъ, своему уху, яко ближайшему, напередъ проповѣдуютъ, нежели чужимъ. »

Пріемля журнальный жезлъ, собираясь проповѣдовать истинную критику, весьма достохвально поступили бы вы, м. г., еслибъ передъ стадомъ своихъ подписчиковъ изложили предварительно свои мысли о должности критика и журналиста, и принесли искреннее покаяніе въ слабостяхъ, нераздѣльныхъ съ природою человѣка вообще и журналиста въ особенности. По крайней, мѣрѣ вы можете подать благой примѣръ собратіи вашей, помѣстивъ въ своемъ журналѣ нѣсколько искреннихъ

замѣчаній, которыя пришли мнѣ въ голову по прочтеніи перваго нумера «Современника».

Статья «О движеніи журнальной литтературы», по справедливости обратила на себя общее вниманіе. Вы въ ней изложили остроумно, рѣзко и прямодушно весьма много справедливыхъ замѣчаній. Но признаюсь, она не соотвѣтствуетъ тому, чего ожидали мы отъ направленія, которое дано будетъ вами вашей критикѣ. Прочитавъ со вниманіемъ эту немного сбивчивую статью, всего яснѣе увидѣлъ я большое ожесточеніе противу г. Сенковскаго. По мнѣнію вашему, вся наша словесность обращается около «Библіотеки для Чтенія». Всѣ другія повременныя изданія разсмотрѣны только въ отношеніи къ ней. «Сѣверная Пчела» и «Сынъ Отечества» представлены какимъ - то сильнымъ арьергардомъ подкрѣпляющимъ «Библіотеку». «Московскій Наблюдатель», по вашимъ словамъ образовался только съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ воевать противу «Библіотеки». Онъ даже получилъ строгій выговоръ за то, что нападенія его ограничились только двумя статейками; должно было, говорите вы, или не начинать вовсе, или, если начать, то уже не отставать. «Литтературныя Прибавленія», «Телескопъ и Молва» похвалены вами за ихъ оппозиціонное отношеніе къ «Библіотекѣ». Признаюсь, это изумило тѣхъ, которые съ нетерпѣніемъ ожидали появленія вашего журнала. Не ужь - то, говорили они, цѣль «Современника»—слѣдовать по пятамъ за «Библіотекою», нападая на нее въ расплохъ, и вооруженной рукою

отбивая отъ нея подписчиковъ? Надѣюсь, что опасенія сіи лживы, и что «Современникъ» изберетъ для себя кругъ дѣйствія болѣе обширный и благородный ....

Обвиненія ваши касательно г. Сенковскаго ограничиваются слѣдующими пунктами:

1. Г. Сенковскій исключительно завладѣлъ отдѣленіемъ критики въ журналѣ, издаваемомъ отъ имени книгопродавца Смирдина.

2. Г. Сенковскій переправляетъ статьи, ему доставляемыя для помѣщенія въ «Библіотекѣ».

5. Г. Сенковскій въ своихъ критическихъ сужденіяхъ невсегда соблюдаетъ тонъ важности и безпристрастія.

4. Г. Сенковскій не употребляетъ мѣстоимѣній *сей* и *оный*.

5. Г. Сенковскій имѣетъ около пяти тысячъ подписчиковъ.

Первые два обвинительные пункта относятся къ домашнимъ, такъ сказать, распоряженіямъ книгопродавца Смирдина, и до публики не касаются. Что же до важнаго тона критики, то не понимаю, какъ можно говорить не въ шутку о нѣкоторыхъ произведеніяхъ Отечественной литтературы. Публика требуетъ отчета обо всемъ выходящемъ. Не ужь-то журналисту надлежитъ наблюдать одинъ и тотъ же тонъ въ отношеніи ко всѣмъ книгамъ, имъ разби-

раемымъ? Разница—критиковать «Исторію Государства Россійскаго» и романы г. г. *** и пр. Критикъ, стараясь быть всегда равно учтивымъ и важнымъ, безъ сомнѣнія погрѣшаетъ противу приличія. Въ обществѣ вы локтемъ задѣваете сосѣда, вы извиняетесь: очень хорошо; но гуляя подъ качелями, вы толкнули лавочника, и не скажете же ему: mille pardons. Вы скажете: за чѣмъ ходить толкаться подъ качели? за чѣмъ упоминать о книгахъ, которыя не стоятъ никакого вниманія? Но если публика того требуетъ непремѣнно, за чѣмъ ей не угодить? Celà vous coute si peu, et leur fait tout de plaisir!—Да позвольте узнать: что́ значитъ и вашъ разборъ альманаха *Мое Новоселье*, который такъ щастливо сравнили вы съ тощимъ котомъ, мяукающимъ на кровлѣ опустѣлаго дома? Сравненіе очень забавно, но въ немъ не вижу я ничего важнаго. *Врачю! исцѣлися самъ!* Признаюсь, нѣкоторые изъ веселыхъ разборовъ, попадающихся въ «Библіотекѣ для Чтенія», тѣшатъ меня несказанно, и мнѣ было бы очень жаль, еслибы критикъ предпочелъ хранить величественное молчаніе.

Шутки г. Сенковскаго на счетъ невинныхъ мѣстоимѣній *сей*, *сія*, *сіе*, *оный*, *оная*, *оное* — не что иное какъ шутки. Вольно же было публикѣ и даже нѣкоторымъ писателямъ принять ихъ за чистую монету. Можетъ ли письменный языкъ быть совершенно подобнымъ разговорному? Нѣтъ, также какъ разговорный языкъ никогда не можетъ быть совершенно подобнымъ письменному. Не одни мѣстоимѣнія

сей и оный *), но и причастія вообще и множество словъ необходимыхъ обыкновенно избѣгаются въ разговорѣ. Мы не говоримъ: карета скачущая по мосту, слуга метущій комнату; мы говоримъ: которая скачетъ, который мететъ, и пр.,—замѣняя выразительную краткость причастія вялымъ оборотомъ. Изъ того еще не слѣдуетъ, что въ Русскомъ языкѣ причастіе должно быть уничтожено Чѣмъ богаче языкъ выраженіями и оборотами, тѣмъ лучше для искуснаго писателя. Письменный языкъ оживляется поминутно выраженіями, раждающимися въ разговорѣ, но не долженъ отрекаться отъ пріобрѣтеннаго имъ въ теченіи вѣковъ. Писать единственно языкомъ разговорнымъ—значитъ не знать языка. — Но вы несправедливо сравнили гоненіе на *сей* и *оный* со введеніемъ *і* и *ѵ* въ орѳографію Русскихъ словъ, и напрасно потревожили прахъ Тредьяковскаго, который никогда ни съ кѣмъ не заводилъ споровъ объ этихъ буквахъ. Ученый профессоръ, желавшій преобразить нашу орѳографію, дѣйствовалъ самъ отъ себя, безъ предварительнаго примѣра. Замѣчу мимоходомъ, что орѳографія г. Каченовскаго не есть затруднительная новость, но давно существуетъ въ нашихъ священныхъ книгахъ. Всякій литтераторъ, получившій классическое образованіе, обязанъ знать ея правила, даже и не слѣдуя онымъ.

Что же касается до послѣдняго пункта, т. е. до 5,000 подписчиковъ, то позвольте мнѣ изъявить

* Впрочемъ мы говоримъ: въ сію минуту, сей часъ, по сію пору, и проч.

искреннее желаніе, чтобъ на слѣдующій годъ могли вы заслужить точно такое жь обвиненіе.

Признайтесь, что нападенія ваши на г. Сенковскаго невесьма основательны. Многія изъ его статей, пропущенныхъ вами безъ вниманія, достойны были занять мѣсто въ лучшихъ изъ Европейскихъ журналовъ. Въ показаніяхъ его касательно Востока мы должны вѣрить ему, какъ люди непосвященные. Онъ издаетъ «Библіотеку» съ удивительной смѣтливостію, съ акуратностію, къ которой не пріучили насъ гг. Русскіе журналисты. Мы, смиренные провинціалы, благодарны ему — и за разнообразіе статей, и за полноту книжекъ, и за свѣжія новости Европейскія, и даже за отчетъ объ литтературной всячинѣ. Жалѣемъ, что многіе литтераторы, уважаемые и любимые нами, отказались отъ соучастія въ журналѣ г. Смирдина, и надѣемся, что «Современникъ» пополнитъ намъ сей недостатокъ; но желаемъ, чтобъ оба журнала другъ другу не старались вредить, а дѣйствовали каждый самъ по себѣ для пользы общей и для удовольствія жадно читающей публики.

Обращаясь къ «Сѣверной Пчелѣ», вы упрекаете ее въ томъ, что она безъ разбора помѣщала всѣ въ нее бросаемыя извѣстія, объявленія и тому подобное. Но какъ же ей и дѣлать иначе? «Сѣверная Пчела» газета, а доходъ газеты составляютъ именно объявленія, извѣстія и проч., безъ разбора печатаемыя. Англійскія газеты, считающія у себя до

15,000 подписчиковъ, окупаютъ издержки изданія только печатаніемъ объявленій. Не за объявленія должно было укорять «Сѣверную Пчелу», но за помѣщенія скучныхъ статей съ подписью: Ѳ. Б., которыя (не смотря на ваше пренебреженіе ко вкусу бѣдныхъ провинціаловъ) давно оцѣнены у насъ по достоинству. Будьте увѣрены, что мы съ крайней досадою видимъ, что гг. журналисты думаютъ насъ занять нравоучительными статейками, исполненными самыхъ дѣтскихъ мыслей и пошлыхъ шуточекъ, которыя достались «Сѣверной Пчелѣ» вѣроятно по наслѣдству отъ «Трудолюбивой Пчелы».

То, что вы говорите о «Прибавленіяхъ къ Инвалиду» вообще справедливо. Издатель оставилъ на полемическомъ поприщѣ слѣды неизгладимые, и до сихъ поръ подвизается наономъ съ неоспоримымъ успѣхомъ. Мы помнимъ «Хамелеонистику», рядъ статеекъ въ своемъ родѣ классическихъ. Но позвольте вамъ замѣтить, что вы хвалите г. Воейкова именно за то самое, за что негодуете на г. Сенковскаго: за шутливые разборы того, что не стоитъ быть разобрано не въ шутку.

Жалѣю, что вы, говоря о «Телескопѣ», не упомянули о г. Бѣлинскомъ. Онъ обличаетъ талантъ, подающій большую надежду. Если бы съ независимостію мнѣній и съ остроуміемъ своимъ соединялъ онъ болѣе учености, болѣе начитанности, болѣе уваженія къ преданію, болѣе осмотрительности,—

словомъ, болѣе зрѣлости: то мы бы имѣли въ немъ критика весьма замѣчательнаго.

Говоря о равнодушіи журналистовъ къ важнымъ литтературнымъ событіямъ, вы указываете на смерть Вальтеръ-Скотта. Но смерть Вальтеръ-Скотта не есть событіе литтературное; о Вальтеръ-Скоттѣ же и его романахъ впопадъ и невпопадъ было у насъ говорено довольно.

Вы говорите, что въ послѣднее время замѣтно было въ публикѣ равнодушіе къ поэзіи и охота къ романамъ, повѣстямъ и тому подобному. Но поэзія не всегда ли есть наслажденіе малаго числа избранныхъ, между тѣмъ какъ повѣсти и романы читаются всѣми и вездѣ? И гдѣ подмѣтили вы это равнодушіе? Скорѣе можно укорить нашихъ поэтовъ въ бездѣйствіи, нежели публику въ охлажденіи. Державинъ вышелъ въ свѣтъ третьимъ изданіемъ; слышно, готовится четвертое. На заглавномъ листѣ басень Крылова (изданныхъ въ прошломъ году) выставлено: *тридцатая тысяча.* Новые поэты, Кукольникъ и Бенедиктовъ, приняты были съ восторгомъ. Кольцовъ обратилъ на себя общее благосклонное вниманіе . . . Гдѣ же тутъ равнодушіе публики къ поэзіи?

Вы укоряете нашихъ журналистовъ за то, что они не сказали намъ: что̀ такое былъ В. Скоттъ? Что̀ такое нынѣшняя Французская литтература? Что̀ такое наша публика? Что̀ такое наши писатели?

Въ самомъ дѣлѣ, вопросы весьма любопытные! Мы надѣемся, что вы ихъ разрѣшите въ послѣдствіи, и что избѣгнете въ вашей критикѣ недостатковъ, такъ строго и такъ справедливо вами осужденныхъ въ статьѣ, которую въ правѣ мы назвать программою вашего журнала *.

А. Б.

Тверь
23 Апрѣля 1836.

---

* Съ удовольствіемъ помѣщая здѣсь письмо г. А. Б., нахожусь въ необходимости дать моимъ читателямъ нѣкоторыя объясненія. Статья *О движеніи журнальной литтературы* напечатана въ моемъ журналѣ, но изъ сего еще не слѣдуетъ, чтобы всѣ мнѣнія, въ ней выраженныя съ такою юношескою живостію и прямодушіемъ, были совершенно сходны съ моими собственными. Во всякомъ случаѣ, она не есть и не могла быть программою «Современника».

Изд.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

I.

Современникъ будетъ издаваться и въ слѣдующемъ 1837 году.

Каждые три мѣсяца будетъ выходить по одному тому.

Цѣна за всѣ четыре тома, составляющіе годовое изданіе, 25 рублей асс., съ пересылкою 30 рублей асс.

Подписка въ С. П. Б. принимается во всѣхъ книжныхъ лавкахъ. Иногородные могутъ адресоваться въ Газетную Экспедицію.

II.

Издатель «Современника» не печаталъ никакой программы своего журнала, полагая, что слова: *литтературный журналъ* уже заключаютъ въ себѣ достаточное объясненіе.

Нѣкоторые изъ журналистовъ почли нужнымъ составить программу новаго журнала. Одинъ изъ нихъ объявилъ, что «Современникъ» будетъ имѣть цѣ-

лію—уронить «Библіотеку для Чтенія», издаваемую г. Смирдинымъ; въ «Сѣверной же Пчелѣ» сказано, что «Современникъ», будетъ продолженіемъ «Литтературной Газеты», издаваемой нѣкогда покойнымъ барономъ Дельвигомъ.

Издатель «Современника» принужденъ объявить, что онъ не имѣетъ чести быть въ сношеніи съ гг. журналистами, взявшими на себя трудъ составить за него программу, и что онъ никогда имъ того не поручалъ. Отклоняя однакожъ отъ себя цѣль, недостойную литтератора и несправедливо ему приписанную въ «Библіотекѣ для Чтенія», онъ вполнѣ признаетъ справедливость объявленія, напечатаннаго въ «Сѣверной Пчелѣ»: «Современникъ», по духу своей критики, по многимъ именамъ сотрудниковъ, въ немъ участвующихъ, по неизмѣнному образу мнѣнія о предметахъ, подлежащихъ его суду, будетъ продолженіемъ «Литтературной Газеты».

III.

Обстоятельства не позволили издателю лично заняться печатаніемъ первыхъ двухъ нумеровъ своего журнала; вкрались нѣкоторыя ошибки, и одна довольно важная, происшедшая отъ недоразумѣнія: публикѣ дано обѣщаніе, которое издатель ни въ какомъ случаѣ не можетъ и не намѣренъ исполнить — сказано было въ примѣчаніи къ статьѣ: *Новыя Книги*, что книги, означенныя звѣздочкою будутъ, современемъ разобраны. Въ спискѣ вновь вышедшимъ книгамъ звѣздочкою означены были у изда-

теля тѣ, которыя показались ему замѣчательным
или которыя намѣренъ онъ былъ прочитать; но он
не предполагалъ отдавать о всѣхъ ихъ отчетъ п
бликѣ: многія не входятъ въ область литтературы,
другихъ потребны свѣдѣнія, которыхъ онъ не пр
обрѣлъ.

IV.

Въ первомъ томѣ «Современника», въ статьѣ: *Н
выя Книги*, подъ параграфомъ, относящимся к
Вастолъ, поэмѣ Виланда, изданной А. Пушкиным
ошибкою пропущена подпись издателя.

V.

Редакція «Современника» не можетъ принять на с
бя обратнаго доставленія присылаемыхъ статей.

ОГЛАВЛЕНІЕ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

Стихотворенія.

Проза.
